Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. удостоено въ рукописи малой

ПРЕМІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Часть II.

Исторія средневѣковой культуры.

КУРСЪ VI КЛАССА МУЖСКИХЪ ГИМНАЗІЙ И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Составилъ К. И. ДОБРЫНИНЪ,

директоръ Корчевской гимназіи.

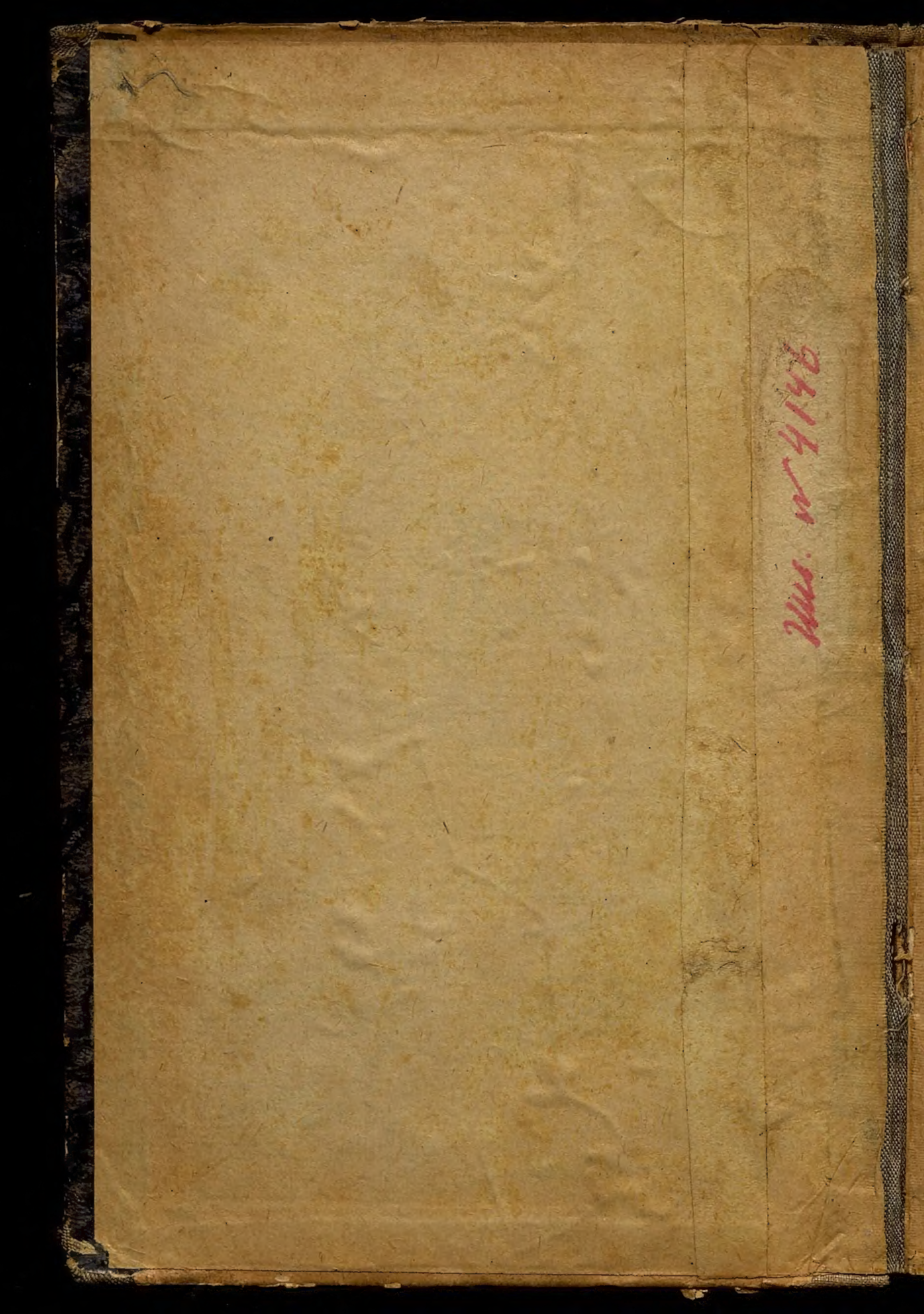
Съ рисунками.

МОСКВА—1916 г.

Книгоиздательство В. С. Спиридонова.

Чистые пруды Мыльнико[illegible] пер. [illegible]

Теле[illegible] 3-94-[illegible]

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ЧАСТЬ II.

ИСТОРІЯ СРЕДНЕВѢКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

КУРСЪ VI КЛАССА МУЖСКИХЪ ГИМНАЗІЙ
И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. И. ДОБРЫНИНЪ,

директоръ Корчевской гимназіи.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. удостоено въ рукописи
малой
ПРЕМІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Съ рисунками.

МОСКВА—1916.

Книгоиздательство В. С. СПИРИДОНОВА.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., 4.
Телефонъ 3-84-15.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1916.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Средніе вѣка возникли и развились три культуры: византійская, арабская и западно-европейская. Византійская культура выросла на греческой почвѣ и Византія оставалась хранительницей античной образованности въ тѣ времена, когда на Западѣ Европы, подъ вліяніемъ событій бурной эпохи Великаго переселенія народовъ, погибали остатки просвѣщенія, занесеннаго туда въ пору Римской имперіи, и на мѣстѣ самой имперіи возникали различныя варварскія государства, уступавшія одно мѣсто другому. Но мало-по-малу сама византійская образованность измѣнилась: античный элементъ постепенно уступалъ все больше и больше церковнымъ началамъ и она застыла въ разъ принятыхъ формахъ. Арабы во время своихъ странствованій для завоеваній пришли въ соприкосновеніе съ культурами греческой, еврейской, персидской и индусской; изъ Персіи и Индіи они заимствовали очень многое въ области литературы и искусства; у грековъ—научныя знанія и философскія идеи, а подъ вліяніемъ или при участіи евреевъ арабы развили свою собственную философію. Но процвѣтаніе арабской образованности было непродолжительно, хотя и весьма блестяще.

Обѣ эти культуры играли главную роль въ первой половинѣ Ср. вѣковъ. Позднѣе развилась романо-германская образованность. Это объясняется тѣмъ, что приблизительно до XII вѣка (эпохи крестовыхъ походовъ) складъ политической и общественной жизни на Западѣ Европы мало способствовалъ развитію культуры: переселеніе народовъ, образованіе варварскихъ государствъ на мѣстѣ Римской имперіи, феодальная раздробленность и разрозненность и др. Византійская и арабская

культура въ началѣ Ср. вѣковъ стояла неизмѣримо выше западно-европейской, но къ концу этой эпохи она опередила ихъ и въ XIII вѣкѣ достигла высшаго развитія. Въ XIV вѣкѣ эта культура уже подвергается классическимъ вліяніямъ и теряетъ свой чисто средневѣковой характеръ.

Главными языками средневѣковой культуры были: греческій языкъ въ Византіи, арабскій—въ мусульманскомъ мірѣ и латинскій—на Западѣ Европы.

Византія.

Значеніе Византіи въ общемъ ходѣ всемірной исторіи опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ, что Византія была живымъ учителемъ не только Восточной, но и Западной Европы въ первой половинѣ Среднихъ вѣковъ. Въ эпоху крушенія Западной Римской имперіи и всеобщаго упадка Византія, по выраженію историка, «сохранила для Европы характерные памятники древняго эллинскаго генія и въ свое время познакомила съ нимъ ее; она же дала новымъ народамъ, появившимся въ Зап. Европѣ, систематическій сводъ римскаго права, послужившаго образцомъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ основаніемъ для всѣхъ почти европейскихъ законодательствъ, а ея церковные писатели и ораторы сдѣлались воспитателями всего христіанскаго міра». Византія же дала Западу первые образчики постройки и убранства церквей (см. ниже). Изъ Византіи, которая въ глазахъ государей вновь образовавшихся царствъ являлась единственной преемницей всемірно-имперскихъ традицій до конца IX вѣка, заимствуются одежды и придворные обычаи; византійскія издѣлія и монеты широко распространяются по всему Западу Европы. Вліяніе Византіи сказывается даже въ военномъ искусствѣ Зап. Европы: закованные въ желѣзо всадники византійскихъ императоровъ послужили образцомъ для конницы франковъ, при чемъ на западъ проникло даже самое слово, служившее обозначеніемъ вооруженныхъ такимъ образомъ воиновъ—«καβαλλάριος-chevalier, а слово «cabal»—«лошадь»—уцѣлѣло въ народномъ французскомъ языкѣ и до сихъ поръ.

Что касается восточныхъ странъ, то большей части племенъ славянскихъ Византія передала свою литературу, науку, политическія идеи и церковное устройство. Арабы получили отъ нея не только свою умственную, но и матеріальную культуру. Въ Арменіи слѣды византійскаго вліянія можно прослѣдить въ письменности и церковномъ зодчествѣ и пѣснопѣніи; въ

научномъ армянскомъ языкѣ—масса византійскихъ терминовъ; съ греческаго же языка взяты названія мѣры, вѣса, города, деревни, одеждъ и украшеній и пр. Черезъ Арменію вліяніе Византіи проникло въ Персію и къ нѣкоторымъ кавказскимъ народамъ. Въ частности, особенно сильно было вліяніе Византіи въ Грузіи, куда оно проникло одновременно съ принятіемъ грузинами христіанства. (Нельзя не отмѣтить слѣдовъ византійскаго вліянія въ Крыму и на югѣ Россіи—въ Херсонесѣ, Ольвіи, Керчи, гдѣ раскопки даютъ очень богатый матеріалъ для выясненія степени этого вліянія.)

Духовная культура и церковь.

Отношеніе императора къ церкви. Умственная жизнь византійскаго общества сосредоточивалась преимущественно на рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ. Съ появленія ереси Арія въ IV вѣкѣ до 843 г. (возстановленія иконопечатанія) въ Византіи постоянно возникали ереси, волновавшія общество и вызывавшія безконечные богословскіе споры и въ обществѣ и въ литературѣ. Въ разрѣшеніе разныхъ религіозныхъ вопросовъ вмѣшивались сами императоры, считавшіе себя защитниками Церкви, при чемъ открыто становились на сторону той или иной религіозной партіи, которая въ ихъ глазахъ являлась единственно истинно-вѣрующей. И это вмѣшательство императорской власти въ религіозную жизнь общества является особенно характерной чертой византійской исторіи.

Императоръ византійскій считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла Церкви. Какъ глава имперіи, онъ понималъ, какія важныя послѣдствія для безопасности государства могли бы имѣть религіозные раздоры, которые въ Византіи происходили безпрестанно, какъ это извѣстно изъ исторіи Церкви. Поэтому, считая себя защитникомъ Церкви, императоръ «хотѣлъ охранять ее отъ нея самой и отъ нападокъ ея противниковъ; онъ хотѣлъ сохранить въ ней порядокъ и доставить ей миръ». Для этого ему пришлось вмѣшиваться въ дѣла Церкви, чему, впрочемъ, помогала сама Церковь, заявлявшая, что императоръ является ея защитникомъ и верховнымъ главою. Поэтому, какъ только представлялся случай, императоръ высказывалъ желаніе предписывать Церкви правила вѣроученія и подчинить ее своей всемогущей волѣ. Особенно это замѣтно у Юстиніана Великаго (527—565). Путемъ мелочнаго законодательства, посредствомъ указовъ онъ передѣлывалъ и измѣнялъ по произволу границы епархій и іерархію высшихъ духовныхъ сановниковъ. Онъ принималъ къ сердцу самое вѣроученіе

и ради установленія послѣдняго его несокрушимая вѣра и абсолютизмъ уже ничѣмъ не стѣснялись, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями. Онъ созывалъ соборы, опредѣлялъ ихъ задачи, лично или черезъ уполномоченныхъ слѣдилъ за преніями и утверждалъ своею властью постановленія соборовъ. Мало того, онъ присвоилъ себѣ право измѣнять или отмѣнять каноны и, въ глаза папѣ, патріархамъ и епископамъ, называлъ себя учителемъ Церкви, непогрѣшимымъ толкователемъ Св. Писанія. И духовенство признавало такія притязанія императора: такъ, извѣстно, что патріархъ Мина формально объявлялъ епископамъ собора 536 года, что «ничего не должно дѣлаться въ Святѣйшей Церкви вопреки мнѣнію и приказаніямъ императора». У византійскихъ богослововъ находимъ такое выраженіе: «Волею Божіею императоръ предназначенъ управлять міромъ. Какъ глазъ данъ тѣлу, чтобы направлять его, и императоръ имѣетъ надобность только въ Богѣ, а между нимъ и Богомъ не существуетъ посредника».

Такимъ образомъ Церковь оказалась какъ бы подъ покровительствомъ императора и, несомнѣнно, находила въ этомъ могущественномъ покровительствѣ для себя выгоду. Но легко могло случиться, что неограниченный государь могъ потребовать отъ Церкви полнаго послушанія и угодливости взамѣнъ милостей, которыя онъ ей оказывалъ: Церковь, признавая надъ собой безусловную власть императора, сама подвергалась произволу императора. И при нѣкоторыхъ императорахъ подобное отношеніе къ Церкви было обычнымъ явленіемъ. «Незаконное низложеніе епископовъ, насильственное и противъ желанія вѣрныхъ водвореніе архіереевъ, аресты, заключенія и ссылки въ отдаленныя мѣста священниковъ, подавленіе сопротивленія посредствомъ угрозъ или подкуповъ и даже пролитіе самой крови—таковы были средства императорскаго абсолютизма». Даже папы испытали на себѣ всю тяжесть произвола монарха Византіи. «Держись моего мнѣнія,—писалъ одинъ императоръ римскому папѣ,—или я тебя сошлю». И, дѣйствительно, случаевъ низложенія и заточенія папъ императорами можно указать нѣсколько. Но, съ другой стороны, необходимо сказать, что византійское духовенство старалось держать себя независимо по отношенію къ императору и нерѣдко случалось, что съ церковной каѳедры раздавалось обличеніе по адресу императора и его близкихъ, или духовенство вмѣшивалось въ распоряженія свѣтской власти и заступалось за несправедливо обиженныхъ и преслѣдуемыхъ. Укажемъ такіе факты (кромѣ всѣмъ извѣстнаго обличенія имп. Ѳеодосія Великаго Амвросіемъ Медіоланскимъ—этотъ фактъ относится больше къ исторіи Древняго

міра): около 400 года по Р. Х. одинъ изъ византійскихъ сановниковъ, навлекшій на себя гнѣвъ имп. Аркадія, спасся въ храмѣ Св. Софіи въ Константинополѣ и просилъ епископа Іоанна Златоуста о защитѣ. Несмотря на то, что Евтропій, какъ звали этого сановника, незадолго передъ тѣмъ лишилъ Церковь многихъ привилегій, Іоаннъ Златоустъ принялъ бѣглеца подъ покровительство Церкви и отказалъ наотрѣзъ посланнымъ отъ императора, которые требовали выдачи Евтропія. «Это убѣжище священно, — говорилъ онъ: — войти въ него можно только черезъ мой трупъ: честь Церкви ввѣрена мнѣ Іисусомъ Христомъ, и я никогда не предамъ ее». Когда солдаты хотѣли употребить противъ Іоанна насиліе, святитель не устрашился, подставивъ свою грудь подъ удары, и сказалъ только: «ведите меня къ царю, тамъ мы поговоримъ».

Приведенный, какъ преступникъ, среди отряда солдатъ, къ императору, Іоаннъ твердо отстаивалъ право Церкви не выдавать того, кто въ ней укрылся. Императоръ возразилъ на это, что законъ объ убѣжищѣ въ храмахъ только что отмѣненъ тѣмъ же Евтропіемъ; на это Іоаннъ заявилъ съ достоинствомъ: «законы гражданскіе не могутъ быть выше законовъ божескихъ; не подтвержденіе ли того—самъ виновникъ новаго закона, прибѣгая подъ защиту Божественной Премудрости. Богъ, наказавшій временщика, тѣмъ самымъ даетъ спасительное предостереженіе всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлился бы упорствовать въ желаніи посягнуть на святыню». И императоръ вынужденъ былъ на время оставить Евтропія въ покоѣ.

Черезъ нѣсколько времени тотъ же Іоаннъ Златоустъ не побоялся поднять голосъ противъ императрицы Евдоксіи, супруги Аркадія, которая сначала потребовала, чтобы ея статуя, носимая изъ области въ область, подобно изображенію языческихъ цезарей, служила предметомъ поклоненія, а затѣмъ настояла на томъ, чтобы серебряная ея статуя была поставлена на высокой порфировой колоннѣ среди форума Константина, откуда она какъ бы господствовала надъ сенатомъ и надъ храмомъ Св. Софіи. Іоаннъ произнесъ по поводу такой необычайной гордости императрицы цѣлый рядъ рѣчей. Между нимъ и императрицей началась борьба, наполнившая въ свое время смятеніемъ весь Востокъ. Іоаннъ былъ удаленъ изъ Константинополя, но отказался подчиниться тѣмъ распоряженіямъ, которыя отдала императрица. И каково было настроеніе народныхъ массъ во время этой борьбы, можно судить по тому, что когда въ іюнѣ 404 года храмъ Св. Софіи сгорѣлъ во время безпорядковъ (вслѣдъ за изгнаніемъ Іоанна),

то въ Константинополѣ объяснили этотъ пожаръ, какъ наказаніе Божіе за изгнаніе Іоанна.

Въ эпоху иконоборства мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ византійскихъ епископовъ, которые отказались подчиняться распоряженіямъ императоровъ иконоборцевъ, а въ IX в. патріархъ Игнатій (предшественникъ знаменитаго Фотія) публично отказалъ родственнику императора въ св. причастіи за распущенную и порочную жизнь. Такого рода выступленіе представителей высшаго духовенства имѣло громадное значеніе и производило сильное впечатлѣніе на массы населенія.

Монастыри. Еще больше значенія имѣли монастыри, которыхъ въ восточной половинѣ Римской имперіи насчитывалось громадное количество. По образу жизни монаховъ монастыри раздѣлялись на келліотскіе, или особножитные, и общежитные. Въ первыхъ монахи жили въ отдѣльныхъ кельяхъ на свои средства, собственнымъ и отдѣльнымъ хозяйствомъ, подвергая себя лишеніямъ въ пищѣ и во всемъ или, наоборотъ, избавляя себя отъ нихъ и не помышляя о нихъ, кто какъ хотѣлъ. Въ общежитныхъ монастыряхъ у монаховъ все было общее.

Начало келліотству, или отшельничеству, положено было Антоніемъ Великимъ (ум. въ 356 г.), который подвизался сначала въ Египтѣ, а конецъ жизни провелъ въ пустынной мѣстности, недалеко отъ берега Краснаго моря, въ горахъ, гдѣ было немного воздѣланной земли и источникъ воды. Основателемъ общежитнаго монашества былъ современникъ Антонія— Пахомій Вел. (ум. въ 348 г.), также изъ Египта. Первый монастырь основанъ былъ имъ на берегу р. Нила въ мѣстности Танесси. Пахомію же приписываютъ составленіе перваго монастырскаго устава; слѣдомъ за нимъ идетъ уставъ Василія Великаго (ум. въ 379 г.) и др.

Келліотскіе монастыри рано были осуждены и воспрещены. Но не смотря на запрещеніе, келліотство распространялось, такъ какъ было много людей, шедшихъ въ монахи «не для монашества», по выраженію изслѣдователя, и мало-по-малу оно вытѣснило изъ монастырей общинножитіе. Поэтому истинные ревнители благочестія старались бороться съ этимъ зломъ и успѣвали иногда кое-что сдѣлать.

Въ самомъ Константинополѣ было много монастырей, но изъ нихъ особенно выдавался своимъ уставомъ общежитный Студійскій монастырь, основанный въ V вѣкѣ богатымъ и знатнымъ переселенцемъ изъ Рима, по имени Студіемъ. Уставъ этого монастыря былъ составленъ въ VIII вѣкѣ Θеодоромъ Студитомъ, подъ управленіемъ котораго монастырь достигъ цвѣтущаго состоянія. Записанъ былъ уставъ этого монастыря

патріархомъ Алексѣемъ въ XI вѣкѣ, а кромѣ того отрывки изъ него помѣщены въ житіи преп. Θеодора, такъ что мы имѣемъ возможность его возстановить. Въ житіи преп. Θеодора читаемъ: «Такъ какъ нѣтъ ничего, болѣе способствующаго единодушію, какъ равенство и общность во всемъ, то онъ (т.-е. Θеодоръ) установилъ, чтобы имѣть все общее, въ томъ числѣ и одежду, такъ чтобы каждый имѣлъ все нужное и никто ничего отдѣльно собственнаго; назначилъ для всѣхъ одну и ту же палату, дабы въ ней желающіе полагали свои одежды, которыя нужно было бросить или починить и чтобы у приставленнаго къ тому монаха брали чистыя и новыя». Самъ Θеодоръ въ наставленіи ученику Николаю говоритъ: «потщися всемѣрно, да у всего братства будетъ все общее и нераздѣленное и да ничего ни у кого не будетъ отдѣльно собственнаго, даже до иголки; твои же душа и тѣло, но не что-либо другое, да будутъ раздѣлены въ равенствѣ любви ко всѣмъ духовнымъ твоимъ чадамъ и братьямъ». (Голубинскій. Исторія Русской Церкви.)

Въ уставѣ Студійскаго монастыря, какъ онъ былъ записанъ впослѣдствіи патр. Алексѣемъ, мы находимъ тотъ же взглядъ на жизнь монаховъ, какъ на подвигъ отреченія отъ всего мірского. Относительно качества и употребленія одежды патріархъ предписываетъ: «Никто изъ монаховъ не долженъ носить одежды тонкой льняной ни какой-либо другой, но только изъ грубой шерсти, цвѣтомъ черную или сѣрую; всѣ одѣянія монаховъ должны быть «худы» и «чисты» и никакъ не должны быть свѣтлыхъ цвѣтовъ... одежды великихъ схимниковъ должны имѣть по обычаю иконныя (вышитыя на нихъ) изображенія... зимой подъ предлогомъ холода монахи не должны надѣвать вдвойнѣ никакой одежды, достаточно для нихъ для защиты отъ холода носить «свиты» (рясы, хитоны) изъ толстаго сукна, ибо холодъ и всякую другую тягость мы должны съ готовностью терпѣть ради пріобрѣтенія своихъ душъ». Отступленія въ особо уважительныхъ случаяхъ допускались только съ разрѣшенія игумена, т.-е. начальника монастыря. Точно были установлены—количество одеждъ, пищи, время молитвы, причемъ относительно послѣднихъ находимъ указаніе: «Да свершена всѣми своими частьми церковная служба будетъ», т.-е., чтобы всѣ церковныя службы совершались безъ всякаго упущенія, по составленному имъ уставу богослуженія. Въ свободное время монахи не должны были ходить другъ къ другу въ кельи для бесѣды, а должны были сидѣть у себя и «молиться великому Богу и къ божественнымъ прилежати писаніямъ»; уставъ рекомендуетъ каждому монаху основательное знаком-

ство съ псалтыремъ, «чтобы никто не нуждался для пѣнія псалмовъ въ церкви въ книгѣ псалтырной». Отлучаться изъ монастыря можно было только въ случаѣ «неотсрочныя потребы» и то съ разрѣшенія игумена. Въ монастырь женщинъ не пускали вовсе; исключеніе дѣлалось только для императрицы, но и ее впускали не въ главныя ворота, а въ боковыя, и встрѣчалъ ее игуменъ лишь съ нѣкоторыми старшими монахами, а отнюдь не со всей братіей. На великій постъ монастырь запирался совсѣмъ до Лазарева воскресенья. Впослѣдствіи этотъ уставъ былъ перенесенъ въ Русскую землю и по нему устроена была жизнь монаховъ Кіево-Печерскаго монастыря при преп. Θеодосіи (см. нашъ «Элемент. курсъ русской исторіи»).

Но въ Византіи было весьма много лицъ, которымъ даже Студійскій монастырь казался снисходительнымъ, и пылкое воображеніе восточныхъ монаховъ непрерывно искало новыхъ способовъ для выполненія этихъ обязанностей. Многіе монахи не довольствовались совмѣстной жизнью, а искали болѣе уединеннаго образа жизни, при которомъ они могли бы денно и нощно предаваться всякаго рода благочестивымъ подвигамъ. Ихъ желаніямъ пришлось уступить, и въ каждомъ монастырѣ имѣлось извѣстное число келій, гдѣ, съ разрѣшенія игумена, эти благочестивые затворники (анахореты, или исихасты) стремились къ болѣе совершенной жизни. Другимъ нужно было еще больше. Аскеты удалялись въ пустыни Сиріи и Египта, въ «пустыню святыхъ»,—какъ тогда говорили,—или въ пещеры горъ Арменіи—вести, среди дикихъ звѣрей, подъ палящимъ солнцемъ или въ снѣгахъ, существованіе, полное всякихъ лишеній и наводящее ужасъ. Столпники взбирались на вершины колоннъ и проводили долгіе годы на этихъ неприступныхъ убѣжищахъ, наставляя толпы пилигримовъ своими аскетическими дѣяніями, пророческими видѣніями, чудесными исцѣленіями и т. п. Первымъ столпникомъ былъ преп. Симеонъ изъ Сиріи, жившій и подвизавшійся въ V вѣкѣ. Онъ провелъ на своемъ столпѣ около 40 лѣтъ, а послѣ его смерти на мѣстѣ его подвижничества выстроенъ былъ монастырь, развалины котораго и до настоящаго времени поражаютъ путешественниковъ своей грандіозностью. «Имперія въ VI вѣкѣ,—говоритъ историкъ Диль,—была полна подражателями великаго святого Симеона и не одинъ монастырь образовался возлѣ тѣхъ колоннъ, которыя служили пьедесталами ихъ славы».

Всѣ эти люди оказывали громадное вліяніе на населеніе Византійской имперіи, и это тѣмъ больше станетъ ясно, если мы скажемъ, что населеніе собственно Константинополя отлича-

лось, одновременно съ благочестіемъ, необыкновеннымъ суевѣріемъ: всѣмъ статуямъ, наполнявшимъ общественныя мѣста, оно приписывало чудесныя легенды или чудодѣйственныя свойства; примѣровъ того можно привести множество. Вполнѣ понятно, что въ такомъ обществѣ монахи представляли страшную силу, съ которой должны были считаться какъ императоръ, такъ, съ другой стороны, и патріархъ. По своему невѣжеству, фанатичности, воспламеняемости по самому ничтожному поводу и по нетерпимости они являлись въ городѣ элементомъ постоянной смуты и такъ какъ ихъ было весьма много, то они въ концѣ-концовъ стали представлять серьезную опасность. Они, не стѣсняясь, дѣлали замѣчанія самимъ императорамъ: напр., пустынникъ Марасъ, «не уважая ни пурпура ни короны», однажды выбранилъ императора Юстиніана и его супругу; въ другой разъ ему же сдѣлалъ замѣчаніе монахъ Зоара, и въ обоихъ случаяхъ императоръ отнесся къ выходкамъ монаховъ съ величайшей снисходительностью. Этимъ пользовались духовныя лица и часто императору приходилось дѣлать духовенству уступки или отмѣнять указы, не особенно выгодные или пріятные для духовенства. Этимъ въ значительной степени стѣсненъ былъ произволъ правительства въ дѣлахъ церкви.

Чрезмѣрное развитіе монашества въ Византіи имѣло и другія неудобства. Монастыри отнимали подданныхъ отъ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ лишали ее земель, нужныхъ для обработки. Такъ какъ монахи не подлежали военной службѣ, то армія теряла множество людей, а такъ какъ монастыри были освобождены отъ большей части чисто государственныхъ налоговъ и податей, то казна лишалась значительной доли доходовъ. При этомъ, благодаря громадной собственности, которою владѣли монастыри, богатство мало-по-малу скопляется въ рукахъ духовныхъ обществъ. Многіе императоры понимали опасность, которая грозила отсюда для государства, но ничего не могли сдѣлать.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что всѣ эти монастыри оказали большую услугу обществу, цивилизаціи и государству. Во многихъ монастыряхъ занимались науками и собираніемъ рукописей; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ занимались переписываніемъ и раскрашиваніемъ рукописей, въ другихъ существовали школы, въ которыхъ поучали истинамъ христіанской религіи. Наиболѣе выдающійся представитель византійскаго богословія Леонтій Византійскій былъ, какъ кажется, палестинскимъ монахомъ; въ монастыряхъ зародилась въ лицѣ Іоанна Малалы (см. ниже) хроника, ставшая весьма быстро очень популярною, и, можетъ быть, въ нихъ же получила свое

удивительное развитіе поэзія гимновъ, начавшись съ Романа Сладкопѣвца.

Византійскіе монахи оказали и другія услуги тою заботливостью, съ которой они относились къ дѣламъ милосердія, и громаднымъ развитіемъ благотворительныхъ учрежденій и общественныхъ попечительствъ. Уже въ IV в. св. Василій Вел. и св. Іоаннъ Златоустъ совѣтовали монахамъ употреблять монастырскія имущества на облегченіе человѣческихъ страданій, и этотъ призывъ не остался безплоднымъ. Въ большіе константинопольскіе монастыри приходили сотнями со всѣхъ сторонъ несчастные, ища пропитанія и крова, и нерѣдко такой странникъ оставался въ призрѣвшемъ его монастырѣ многіе годы, часто до конца жизни, при чемъ никто и никогда не подумалъ относиться къ нему, какъ къ лицу постороннему. Равнымъ образомъ, въ каждомъ монастырѣ имѣлся монахъ—ξενόδοχος, обязанный принимать иностранцевъ, бѣдныхъ и больныхъ и доставлять имъ все, въ чемъ они нуждались. На счетъ монастырей содержалось множество благотворительныхъ учрежденій—ксенодохій (больницъ), геронтокомій (пріютовъ для престарѣлыхъ), нозокомій (для больныхъ), орфанотрофій (для сиротъ) и т. п. Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ домовъ подобнаго рода былъ въ Константинополѣ ксенодохій Самсона, который сгорѣлъ во время мятежа «Ника», но потомъ былъ отстроенъ съ еще большей роскошью и богато одаренъ императоромъ. Подобныя учрежденія находились во всѣхъ большихъ городахъ имперіи—Антіохіи, Іерусалимѣ и др. Такимъ образомъ Церковь,—по выраженію историка,—«приняла на себя обязанность и обезпечивала въ силу своихъ привилегій важную общественную службу, хотя и за счетъ государства», такъ какъ всѣ благотворительныя общества пользовались большой матеріальной поддержкой со стороны правительства, которое, однако, не вмѣшивалось во внутреннюю жизнь этихъ учрежденій, поручивъ внутренній распорядокъ выборнымъ отъ духовенства—преимущественно отъ монашества—лицамъ.

Византійская литература явилась, съ одной стороны, продолженіемъ христіанской литературы первыхъ вѣковъ Церкви, съ другой—наслѣдницей древняго греко-римскаго образованія. Греко-римская наука и греко-римская литература съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства приняты были отцами и учителями Церкви въ пособіе при распространеніи и утвержденіи христіанскаго ученія. Большая часть отцовъ и учителей Церкви воспитывалась въ школахъ разныхъ философовъ и ораторовъ. Поставленные въ борьбу съ язычествомъ и сознавая, какую пользу можетъ принести какъ для успѣшной борьбы съ нимъ,

такъ и вообще для христіанскаго образованія правильное изученіе древней языческой мудрости, они не только знакомились сами съ греко-римской наукой и литературой, но совѣтовали и другимъ знакомиться съ нею. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна бесѣда Василія Великаго о томъ, какъ должно пользоваться языческими сочиненіями. «Посвятимъ себя предварительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей,—говоритъ онъ, между прочимъ, въ этой бесѣдѣ,—а потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки, и какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ воды, обратимъ, наконецъ, взоры къ самому свѣту. Если же между ученіями есть какое взаимное сродство, познаніе ихъ будетъ намъ кстати; если же нѣтъ сего сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собой, служитъ къ подтвержденію высшаго ученія... Займемъ у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они восхваляютъ добродѣтель и порицаютъ порокъ. Ибо, какъ для другихъ наслажденіе цвѣтами ограничивается благовоніемъ и пестротой красокъ, а пчелы собираютъ съ нихъ и медъ, такъ и здѣсь, кто не гоняется только за одной сладостью и пріятностью сочиненій, можетъ изъ нихъ запастись въ душѣ нѣкоторой пользой». Въ этихъ словахъ Василія Великаго выражается взглядъ на значеніе для христіанскаго образованія свѣтскихъ языческихъ писателей, господствовавшій какъ въ его время, такъ и въ предыдущія и послѣдующія времена. Сочиненія древнихъ грековъ и римскихъ писателей изучались, дѣйствительно, съ той двоякой цѣлью, какую указываетъ Василій В.: первая цѣль была полемическая, состоявшая въ томъ, чтобы, поставивъ въ параллель ученіе языческой мудрости съ откровеннымъ ученіемъ христіанскимъ, яснѣе и рѣзче показать несостоятельность перваго и высоту послѣдняго. Это мы можемъ видѣть преимущественно въ сочиненіяхъ христіанскихъ апологетовъ — Іустина Философа, Тертулліана, Климента Александрійскаго, Оригена и Евсевія Кесарійскаго. Другая цѣль при изученіи языческихъ писателей заключалась въ томъ, чтобы, усвоивъ христіанству все, что было лучшаго въ древней мудрости, заставить ее служить этому ученію украшеніемъ и защитой.—«Меня объяла,—говоритъ Григорій Богословъ,—пламенная любовь къ словеснымъ наукамъ. Я старался обогатить себя языческой ученостью, съ намѣреніемъ употребить ее въ пособіе христіанскому просвѣщенію, чтобы знающіе одно пустое и суетное витійство, состоявшее въ громкихъ словахъ, не превозносились и не могли опутать меня хитросплетенными софизмами».

Изученіе древнихъ писателей въ Византіи вошло, вмѣстѣ съ изученіемъ Св. Писанія и отеческихъ твореній, въ про-

грамму преподаванія въ школахъ. Изъ такихъ школъ, кромѣ большого числа такихъ, которыя можно назвать средними школами, заслуживаютъ вниманія двѣ высшія школы — въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ. Основаніе аѳинской школы относится еще ко временамъ языческимъ. Въ числѣ школъ, которыя посѣщались богатыми и знатными римлянами, желавшими пополнить или закончить свое образованіе, мы видимъ и аѳинскую. Въ римскую императорскую эпоху философская школа въ Аѳинахъ пользовалась даже поддержкой со стороны правительства. «При Маркѣ Авреліи,—читаемъ мы у историка (Ю. Кулаковскаго), — въ Аѳинахъ государство пришло на помощь существовавшимъ тамъ философскимъ школамъ разныхъ направленій, и онѣ такимъ образомъ были обезпечены содержаніемъ отъ государства». Съ теченіемъ времени тамъ сложилась высшая философская школа, пользовавшаяся широкой извѣстностью и привлекавшая къ себѣ людей со всѣхъ концовъ Римской имперіи. Но эта школа не была затронута христіанскимъ ученіемъ: наоборотъ, когда христіанство торжествовало надъ язычествомъ и объявлено было государственной религіей, высшая школа въ Аѳинахъ явилась послѣднимъ оплотомъ язычества. Въ этой школѣ получилъ образованіе императоръ Юліанъ Отступникъ, и тому, что̀ онъ вынесъ изъ этой школы, нужно приписать его попытку если не воскресить, то реформировать язычество, чтобы оно могло съ успѣхомъ противостоять христіанству. Но по примѣру Юліана нельзя судить о направленіи преподаванія въ аѳинской школѣ: «если Юліанъ вынесъ оттуда свое утвержденіе въ отпаденіи отъ христіанства,—говоритъ историкъ,—то его современники Василій Великій и Григорій Богословъ пріобрѣли тамъ же глубину философскаго образованія, которое послужило имъ для обоснованія истинъ христіанства».

Высшая школа въ Константинополѣ возникла благодаря благочестивой супругѣ имп. Ѳеодосія II — Евдокіи, которая захотѣла создать новое высшее образовательное учрежденіе, чтобы оно служило центромъ просвѣщенія христіанскаго общества. Въ Константинопольской высшей школѣ была 31 каѳедра по разнымъ предметамъ обученія, съ раздѣленіемъ по двумъ языкамъ имперіи—латинскому и греческому: было 10 грамматиковъ, обучавшихъ латинскому языку, и 10 — греческому, 3 латинскихъ ритора и 5 греческихъ; было 2 законовѣда и одинъ спеціалистъ по философіи. Два языка допущены были по той причинѣ, что официальнымъ языкомъ былъ латинскій, а въ частной жизни и въ церкви преобладалъ греческій. Назначеніе спеціалистовъ, достигшихъ извѣстности

въ своей области, было предоставлено сенату, и школа находилась въ ближайшемъ вѣдѣніи префекта города. Профессора обязаны были все свое время и всѣ силы посвящать на пользу своихъ слушателей въ школѣ и не могли заниматься частнымъ преподаваніемъ: ослушникамъ грозило лишеніе разныхъ привилегій, которыми они пользовались (въ видѣ опредѣленнаго оклада и почетнаго званія). Основана была высшая школа въ Константинополѣ въ 425 г.

Исторія византійской литературы. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, отеческихъ твореній первыхъ вѣковъ христіанства, съ другой — сочиненій древнихъ греческихъ писателей, сложился и характеръ византійской образованности и литературы. Исторію ея слѣдуетъ начинать съ эпохи Константина Великаго, моментомъ перелома въ ея развитіи является періодъ иконоборчества, и полнаго развитія своего она достигаетъ въ X—XI столѣтіяхъ. Развитіе отдѣльныхъ родовъ литературы шло въ Византіи далеко не съ одинаковой постепенностью: тамъ, гдѣ литературное творчество не было стѣснено школьной выучкой и античными образцами, оно успѣло пышно расцвѣсти и проявить себя высокохудожественными и оригинальными произведеніями; тамъ же, гдѣ на пути его стояли авторитеты древности, его развитіе едва замѣтно, въ немъ отсутствуетъ бодрость и всѣ силы его уходятъ на заботу остаться вѣрными классическому образцу и соблюсти чистоту стиля. Всего замѣтнѣе эту зависимость средневѣковой византійской литературы отъ античной можно прослѣдить на самыхъ излюбленныхъ въ Византіи родахъ литературныхъ произведеній — на сочиненіяхъ историческихъ и философскаго характера.

Къ первымъ, наряду съ т. н. «Ἱστορίαι» и «хрониками» (сочиненіями, имѣющими цѣлью дать описаніе только извѣстной эпохи или обзоръ всемірной исторіи отъ сотворенія міра), относится обширный кругъ произведеній духовно-нравственнаго содержанія, разнаго рода рѣчей, письма на общественныя и политическія темы и т. п. Изъ авторовъ указаннаго рода сочиненій однимъ изъ самыхъ крупныхъ является авторъ «Тайной исторіи» Прокопій, старающійся въ своихъ произведеніяхъ подражать традиціи Ѳукидида. Труды Прокопія служатъ однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ по исторіи царствованія Юстиніана Великаго, почему и заслуживаютъ особаго вниманія. Обстоятельства жизни Прокопія дали ему возможность быть хорошо освѣдомленнымъ о главныхъ событіяхъ царствованія Юстиніана Великаго, такъ какъ Прокопій былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Велизарію, а въ 560 г., по желанію самого императора, составилъ трактатъ

«О постройкахъ», который представлялъ собою, кромѣ перечисленія церковныхъ и гражданскихъ сооруженій этого царствованія, самый безусловный и весьма откровенный панегирикъ императору. Есть основаніе думать, что за свой трудъ Прокопій былъ награжденъ назначеніемъ на высокій постъ префекта города. Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ на пристрастный тонъ сочиненій Прокопія, гдѣ ему приходится говорить о самомъ императорѣ. У другихъ, наоборотъ, находимъ отзывъ о Прокопіи, какъ объ историкѣ «хорошо освѣдомленномъ, питающемъ большую любовь къ истинѣ и безусловно обнаруживающемъ безпристрастіе». Правда, что въ сочиненіи «О войнахъ» Прокопій не все говоритъ, что знаетъ: но, по выраженію историка (Ш. Диля),—во времена Юстиніана и Өеодоры нельзя было безнаказанно все говорить. Но не трудно между строкъ прочитать строгую критику, на которую Прокопій не скупится по отношенію къ политикѣ и управленію Юстиніана. Весьма цѣнна для характеристики времени Юстиніана «Тайная исторія», въ которой авторъ старается дать, такъ сказать, объясненіе многихъ дѣлъ и поступковъ Юстиніана. Къ сожалѣнію, въ «Тайной исторіи», подъ вліяніемъ раздраженнаго чувства, Прокопій записалъ разнаго рода вымышленные факты, имѣющіе единственную цѣль—бросить на императора и его супругу тѣнь; въ отношеніи лицъ оцѣнка Прокопія весьма сомнительна, но тѣмъ не менѣе пренебрегать этимъ трудомъ Прокопія историку не приходится, такъ какъ «безъ книгъ Прокопія было бы, собственно говоря, невозможно написать исторію царствованія Юстиніана Великаго».

Болѣе свободными отъ античныхъ традицій являются хронисты и составители житій святыхъ. Главная цѣль этихъ сочинителей—популяризація священнаго преданія, обзоръ всемірной исторіи съ точки зрѣнія Библіи. Поэтому свои сочиненія они писали языкомъ живымъ, разговорнымъ, доступнымъ пониманію всякаго средняго читателя. Это имѣло своимъ результатомъ большую распространенность житій и хроникъ византійскихъ не только въ самой Византіи, но и вездѣ, куда проникало ея литературное вліяніе.

Наиболѣе крупнымъ и типичнымъ представителемъ хронографіи является Іоаннъ Малала (ум. около 565 г.), хроника котораго до XII вѣка была какъ бы народной книгой по всеобщей исторіи. Изъ другихъ хроникъ заслуживаетъ вниманія «Пасхальная хроника» (VII в.) неизвѣстнаго автора и хроника Өеофана и Георгія Амартола, писавшихъ въ IX вѣкѣ. Лучшая сторона сочиненій двухъ послѣднихъ историковъ заключается въ томъ, что они не чуждаются интересовъ, волно-

вавшихъ свѣтское общество того времени, стоять на высотѣ современнаго имъ движенія философской мысли (преимущественно Георгій Амартолъ), стараются—особенно Ѳеофанъ—вводить въ литературный языкъ струю народнаго говора и народныхъ выраженій и оба одинаково представляютъ собою горячихъ борцовъ за тѣ идеи, которыя одушевляли большинство ихъ современниковъ. Хроника Амартола, переведенная на славянскій языкъ, сдѣлалась однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ свѣдѣній по исторіи и этнографіи у сербовъ, болгаръ и русскихъ славянъ. Для изученія же иконоборческаго періода византійской исторіи Ѳеофанъ и Амартолъ являются важнѣйшими сохранившимися историками. (Къ нимъ примыкаетъ патр. Никифоръ (ум. въ началѣ IX в.), написавшій «Сокращенную исторію», которая также имѣетъ большое значеніе для исторіи иконоборческаго періода.

Изъ историческихъ писателей X вѣка весьма видное мѣсто занимаетъ имп. византійскій Константинъ VII Багрянородный. Онъ оставилъ много сочиненій, написанныхъ имъ самимъ непосредственно, а кромѣ того при его участіи или по его предложенію было составлено другими лицами нѣсколько сборниковъ древнихъ текстовъ или сборниковъ, посвященныхъ тѣмъ или инымъ вопросамъ. Изъ сочиненій самого Константина VII до насъ дошли: 1) біографія имп. Василія Македонянина, представляющая собою восхваленіе дѣятельности этого императора, 2) въ поученіе сыну Константинъ написалъ сочиненіе «De administrando imperio» (Объ управленіи государствомъ); оно цѣнно тѣмъ, что содержитъ весьма много географическихъ данныхъ о сосѣднихъ съ Византіей странахъ и о сношеніяхъ Византіи съ этими странами. Для русской исторіи особенно интересна глава: «О руссахъ, которые пріѣзжаютъ въ Константинополь на лодкахъ». Въ этой главѣ подробно разсказывается, какъ славянскіе купцы переправляются черезъ Днѣпровскіе пороги и какъ прибываютъ въ Константинополь для торговли. Много географическаго матеріала находимъ мы въ третьемъ сочиненіи Константина: «Объ областяхъ». Весьма интересно также относящееся ко времени Константина сочиненіе: «О церемоніяхъ Византійскаго двора», изъ котораго мы получаемъ полное понятіе о томъ этикетѣ, который установился къ этому времени при этомъ дворѣ и который не только сохранился весьма долгое время въ Византіи, но далъ себя чувствовать и въ другихъ странахъ, не исключая (отчасти) и двора Московскихъ государей. Для русской исторіи это сочиненіе важно тѣмъ, кромѣ того, что въ немъ мы находимъ свѣдѣнія о томъ, какъ пріѣзжала въ Константинополь кня-

гиня Ольга. Ея пребываніе въ столицѣ Византійской имперіи, пріемъ, ей оказанный, и т. д. описаны въ этомъ сочиненіи весьма подробно.

Со времени имп. Константина VII въ византійской литературѣ замѣчается попытка замѣнить простой живой языкъ языкомъ литературнымъ, является желаніе возвратиться къ античнымъ образцамъ. Писатели XI—XII и позднѣйшихъ вѣковъ не признаютъ другихъ авторитетовъ, кромѣ греческихъ классиковъ—Геродота, Ксенофонта, Полибія, но ихъ попытки не имѣли успѣха: древне-греческій языкъ исчезъ изъ живой рѣчи и «никакія старанія школьныхъ педагоговъ и собственные труды не могли заставить византійца говорить такъ, какъ говорили Ксенофонтъ и Ѳукидидъ». Вырабатывался языкъ, грамматически болѣе или менѣе сходный съ классическимъ, но языкъ сухой, безжизненный, искусственный. Это теченіе захватило и хронистовъ, и сочиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма близко напоминаютъ сочиненія античныхъ писателей.

Высшаго развитія исторіографія достигаетъ при императорахъ изъ дома Комненовъ. За нее берутся образованнѣйшіе люди того времени; историческіе труды ихъ отличаются живостью изложенія, мастерскими характеристиками лицъ и положеній, искусствомъ въ композиціи и широкимъ политическимъ кругозоромъ. Въ это время Византія познакомилась съ Западомъ (благодаря крестовымъ походамъ) и лучшіе люди того времени ставили себѣ вопросы о національныхъ задачахъ Византійскаго государства и о причинахъ розни между латинскимъ Западомъ и греко-славянскимъ православнымъ Востокомъ. Историки этого періода въ свои труды вносятъ много субъективнаго элемента и сообщаютъ массу свѣдѣній изъ культурной исторіи. Изъ писателей этого времени нужно отмѣтить прежде всего дочь имп. Алексѣя Анну Комнену, которая составила описаніе царствованія своего отца, и Никиту Акомината, который продолжилъ ея трудъ и довелъ его до 1206 г.

Особый видъ историческихъ сочиненій представляютъ т. н. житія святыхъ, которыя даютъ богатый матеріалъ для характеристики быта, нравовъ, семейныхъ отношеній, условій экономической жизни всѣхъ вообще классовъ общества и въ особенности сельскаго. Въ этомъ же родѣ произведеній находитъ освѣщеніе жизнь провинцій, мало затронутая въ спеціально историческихъ сочиненіяхъ. Таковы житія св. Нила, Луки Фокидскаго и Никона Метаноита. Особеннымъ обиліемъ отличается литература житій VIII—IX в., посвященная жизнеописаніямъ новыхъ исповѣдниковъ, пострадавшихъ за святыя иконы. Одни изъ этихъ житій—Стефана Новаго, Ѳеодора Сту-

дита, патр. Тарасія, Никифора и Мееодія—имѣютъ важность для исторіи иконоборческой эпохи; другія—Іоанна Готскаго, Георгія Амастридскаго, Стефана Сурожскаго—получаютъ спеціальное значеніе для древней русской исторіи.

Близкое отношеніе къ предыдущему роду литературы имѣютъ ораторскія произведенія свѣтскаго и духовнаго краснорѣчія—похвальныя слова, надгробныя рѣчи и т. п. Какое обширное примѣненіе имѣлъ въ Византіи этотъ родъ литературы, показываетъ то обстоятельство, что весьма часто отвлеченные вопросы богословскаго и философскаго характера обсуждались въ формѣ торжественныхъ рѣчей или состязанія между представителями двухъ противоположныхъ мнѣній. Изъ представителей ораторскаго искусства достаточно указать на Іоанна Златоуста.

Не меньшимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія отличалась богословская и философская литература, такъ какъ борьба съ ересями, волновавшими всѣ умы въ Византіи, неминуемо вызывала богословскіе споры и способствовала такимъ образомъ развитію богословской литературы. Извѣстный защитникъ почитанія святыхъ иконъ Іоаннъ Дамаскинъ является однимъ изъ видныхъ византійскихъ богослововъ. Онъ первый соединилъ богословіе съ греческой философіей и постарался приспособить ее къ лучшему усвоенію христіанскихъ истинъ. Онъ такимъ образомъ является первымъ творцомъ средневѣковой схоластики, вслѣдствіе чего онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ и на Западѣ.

Не менѣе, чѣмъ богословско-философскія изысканія, привлекали къ себѣ византійскихъ литераторовъ занятія филологіей. Благодаря этимъ занятіямъ, Византія сумѣла сберечь полученное ею отъ античнаго міра наслѣдство и такимъ образомъ сохранить прочное основаніе для своей культуры, а впослѣдствіи она передала полученное на Западъ, чѣмъ сыграла извѣстную роль въ подготовкѣ западно-европейскаго гуманизма.

Здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить патріарха Фотія (см. нашъ курсъ Ср. вѣковъ, стр. 68). Крупнѣйшимъ изъ богословскихъ сочиненій Фотія является «Ἀμφιλόχια», названное такъ по имени Кизикскаго митрополита Амфилохія, къ которому Фотій обращается съ этимъ сочиненіемъ. Это—рядъ (болѣе 300) ученыхъ разсужденій о различныхъ вопросахъ свѣтской и церковной науки. Сочиненіе это даетъ возможность оцѣнить высоту византійской образованности около половины IX вѣка. Кромѣ того Фотію принадлежитъ нѣсколько сочиненій, направленныхъ противъ римско-католической церкви: «О происхожденіи Святаго Духа», «О ереси манихеевъ», «Окружное

посланіе къ епископамъ» и др. Фотій былъ замѣчателенъ, какъ церковный ораторъ. Для насъ особенно цѣнны его рѣчи по поводу нападенія на Византію руссовъ (при Аскольдѣ и Дирѣ): Фотій видитъ въ нашествіи руссовъ тяжкую кару Божію за грѣхи христіанства.

Фотій оказалъ весьма большое вліяніе на церковное право: постановленія соборовъ во время его борьбы съ папой Николаемъ I (подр. см. нашу книгу «Исторія Среднихъ вѣковъ, ч. I»), включенныя въ собраніе каноновъ, получили постепенно почти вселенское значеніе.

Еще больше—значеніе Фотія, какъ свѣтскаго писателя. Подъ его руководствомъ и при его непосредственномъ участіи составлена была «Библіотека» (Миріобиблонъ). Это—огромный компилятивный трудъ, заключавшій въ себѣ выдержки изъ сочиненій самыхъ разнообразныхъ авторовъ. Для облегченія чтенія классическихъ авторовъ и Св. Писанія Фотіемъ былъ составленъ толковый «Словарь». Въ своихъ многочисленныхъ (до 300) письмахъ Фотій выступаетъ, какъ глубокій ученый, остроумный собесѣдникъ и тонкій стилистъ, соперничающій блескомъ своихъ риторическихъ пріемовъ со старинными мастерами. Ему же приписываютъ очень большое собраніе пословицъ и поговорокъ.

Другимъ крупнымъ писателемъ въ этой области былъ Михаилъ Пселлъ (XI в.), который по обширности своихъ познаній, остротѣ наблюденія и стилю является однимъ изъ виднѣйшихъ писателей эпохи. Тогда какъ Фотій былъ ревностнымъ поклонникомъ Аристотеля, Михаилъ Пселлъ близко знакомъ съ сочиненіями Платона. Исторія Пселла, описывающая событія византійской исторіи отъ смерти Іоанна Цимисхія приблизительно до семидесятыхъ годовъ XI столѣтія, для насъ интересна тѣмъ, что въ ней Пселлъ, какъ современникъ, описываетъ походъ на Византію при Ярославѣ Мудромъ (походъ его старшаго сына Владиміра).

Церковная поэзія. Увлеченіе въ Византіи богословскими вопросами отразилось на содержаніи и направленіи поэтическаго творчества. На первомъ планѣ здѣсь нужно поставить церковную поэзію, въ которой Византія не имѣетъ себѣ равныхъ.

Древнѣйшіе образцы этой поэзіи (IV и V вв.) стоятъ еще на почвѣ античной традиціи: таковы произведенія Григорія Назіанзина (ум. въ 389 г.) или Аполлинарія Младшаго (ум. въ 390 г.), писавшихъ метрическимъ размѣромъ въ стилѣ Гомера. Къ концу V-го вѣка и въ началѣ VI-го является новый рядъ церковныхъ пѣснопѣній, отличающихся особымъ ритмическимъ размѣромъ: вмѣсто принципа долгихъ

и краткихъ слоговъ, господствовавшаго въ классической поэзіи, въ основу стихосложенія полагалось число слоговъ и естественное удареніе въ словѣ. Это оторвало церковную поэзію отъ рабскаго подражанія классикамъ и приблизило къ народной рѣчи, вслѣдствіе чего это стихосложеніе легко усваивалось массами и произведенія, сложенныя такимъ образомъ, быстро распространялись. Основной формой церковной поэзіи сдѣлался т. н. гимнъ. Изъ творцовъ гимновъ по силѣ вдохновенія и по совершенству формы самымъ извѣстнымъ былъ Романъ Сладкопѣвецъ (кон. V и нач. VI-го в.). Гимны Романа (Кондакъ на Рождество Христово—«Дѣво Днесь...» или на Св. Пасху—«Аще и во гробъ снисшелъ еси, Безсмертне...»)—лучшіе образцы византійской лирики, благодаря огромному поэтическому дарованію автора, богатству мысли, глубинѣ чувства и сильному торжественному и вмѣстѣ съ тѣмъ простому языку (см. приложеніе). Впрочемъ, эта серьезность и величественная простота гимновъ Романа не особенно оказались по вкусу позднѣйшимъ поколѣніямъ: въ VIII и IX вѣкахъ гимны Романа уже перестаютъ служить образцами, и только нѣкоторые уцѣлѣли въ православной церкви. Вмѣсто гимна создается новая форма—канонъ, первые образцы котораго мы находимъ въ произведеніяхъ Андрея Критскаго, а наиболѣе прославленными авторами каноновъ являются Іоаннъ Дамаскинъ и Косьма Іерусалимскій (см. приложеніе). Въ ихъ канонахъ отсутствуетъ простота Романа Сладкопѣвца, каноны краснорѣчивы и словообильны; стихотворное мастерство ихъ весьма значительно, но въ нихъ уже замѣтна погоня за виртуозностью и подъ искусственной и манерной рѣчью у нихъ замѣтенъ недостатокъ вдохновенія и цѣльности чувства.

Съ эпохи иконоборчества церковная поэзія Византіи начинаетъ упадать: вянетъ искреннее чувство, и поэтическое вдохновеніе постепенно вырождается въ пышное многословіе; къ XI—XII вѣкамъ церковная поэзія приходитъ въ полный упадокъ. Но на Востокѣ и даже на Западѣ можно до сихъ поръ найти переводы и подражанія византійскимъ гимнамъ. Изслѣдователи указываютъ, что весьма многіе гимны католической церкви находятся въ самой тѣсной связи съ гимнами византійскихъ «мелодовъ», преимущественно Романа Сладкопѣвца.

Государственное устройство.

Императорская власть. Во главѣ византійскаго государства стоялъ императоръ—басилевсъ, пользовавшійся неограниченной властью. Еще въ III вѣкѣ Діоклетіанъ старался при-

дать своей власти священный характеръ, какой она имѣла въ монархіяхъ Древняго Востока, и для того, чтобы возвысить какъ можно больше особу императора въ глазахъ подданныхъ, завелъ сложный придворный церемоніалъ. Византійскіе императоры усвоили и осуществили эту идею. Въ глазахъ византійскаго общества санъ и личность государя сдѣлались предметомъ почти религіознаго почитанія. Императорскій дворъ въ Византіи отличался пышностью и великолѣпіемъ; огромныя толпы придворныхъ съ самыми разнообразными титулами наполняли дворецъ императора, воздавая ему чуть не божескія почести. Напр., при вступленіи на престолъ новаго императора даже самые высшіе сановники двора простирались передъ нимъ ницъ и, преклонивъ колѣни, цѣловали обѣ ноги своего новаго государя, который обыкновенно носилъ названіе «избраннаго Богомъ». При принесеніи поздравленій новой царицѣ каждая изъ придворныхъ дамъ должна была опуститься на колѣни, что было довольно затруднительно при тогдашнихъ пышныхъ и тяжелыхъ одѣяніяхъ, и облобызать колѣни своей повелительницы, которая, согласно этикету, сидѣла неподвижно, подобно статуѣ, не удостоивая опустить свой взоръ на кого-нибудь изъ представлявшихся, даже не замѣчая безконечной вереницы склоняющихся къ ея ногамъ аристократокъ Византіи. (Шлюмбюрже.)

Какъ представляли себѣ въ Византіи власть императора, видно изъ тѣхъ «72 параграфовъ», которые были поднесены имп. Юстиніану Великому діакономъ храма Св. Софіи Агапитомъ при вступленіи Юстиніана на престолъ. Эти параграфы имѣютъ такую надпись: «Божественнѣйшему и благочестивѣйшему царю нашему Юстиніану». Въ текстѣ мы читаемъ: «Богъ далъ императору скипетръ земного владычества, чтобы онъ научилъ людей хранить правду и правосудно повелѣвалъ подданными». О власти императора діаконъ Агапитъ пишетъ: «Существомъ тѣла царь равенъ всѣмъ людямъ, а властью своего сана подобенъ владыкѣ всего—Богу. На землѣ онъ не имѣетъ высшаго надъ собой. Поэтому онъ долженъ, какъ Богъ, не гнѣваться и, какъ смертный, не возноситься... Какъ глазъ прирожденъ тѣлу, такъ міру—царь, данный Богомъ для устроенія того, что идетъ на общую пользу...» Дальше авторъ называетъ императора намѣстникомъ Бога на землѣ. Неудивительно поэтому, что и сами императоры прониклись взглядомъ на себя, какъ на земное божество, и въ одномъ указѣ Юстиніана мы читаемъ: «Богъ подчинилъ императору самые законы, посылая его людямъ, какъ одушевленный законъ».

Въ то же время при византійскомъ дворѣ были развиты разные пороки и велись постоянныя интриги. Многіе византійскіе императоры отличались изнѣженностью и слабымъ характеромъ и легко поддавались вліянію льстецовъ, фаворитовъ и женщинъ. Византійская исторія полна поэтому заговоровъ, въ которыхъ участвовали различные интриганы и честолюбцы, въ особенности военачальники, сами часто дѣлавшіеся императорами. Обычнымъ явленіемъ въ Византіи было сверженіе одного императора другимъ при помощи войска. Поэтому, чтобы обезопасить себя отъ подобныхъ покушеній, императоры окружали себя стражей (гвардіей), которую набирали обыкновенно изъ иностранцевъ (были, напр., норманны-варяги). Но и на эту гвардію не всегда можно было положиться, такъ какъ она иногда переходила на сторону новаго претендента на престолъ или сама провозглашала императоромъ лицо, ей симпатичное.

Являясь, по византійскимъ теоріямъ, намѣстникомъ на землѣ самого Бога, императоръ долженъ былъ уподобиться Ему и въ томъ отношеніи, что ему, по мнѣнію византійскихъ писателей, долженъ былъ принадлежать весь міръ. Его назначеніемъ являлось—распространять повсюду истинную вѣру, а такъ какъ пророчествами вся вселенная обѣтована царствію Божію, то и вся земля, по божественному праву, принадлежитъ императору. Въ силу этого принципа императоръ не только имѣлъ право требовать обратно всѣ извѣстныя страны, подпавшія на короткое время владычеству другихъ государей, но также владѣть неизвѣстными областями и открывать ихъ. Эта идея всемірной имперіи, основанной на религіи, была ясно формулирована византійскими политиками-теоретиками. У писателя Евсевія читаемъ: «Въ прежнее время вселенная, смотря по народностямъ и мѣстностямъ, была раздѣлена между большимъ числомъ господствъ, тиранній, принципатовъ... Нынѣ же всѣ эти княжества и республики отжили свое время. Одинъ Богъ возвѣщенъ всѣмъ, одна имперія готова ихъ принять и вмѣстить въ себѣ—именно, Римская имперія. Одновременно, по волѣ Неба, два зародыша возросли, поднялись отъ земли и осѣнили собою вселенную—Римская имперія и христіанская вѣра, предназначенныя къ тому, чтобы соединять узами вѣчнаго міра человѣческій родъ во всей цѣлости». Отсюда вытекала новая обязанность императора Византіи—защищать христіанское населеніе и освобождать его, когда оно находилось подъ игомъ еретическихъ государей. И внѣшняя политика многихъ императоровъ Византіи носитъ именно такой характеръ заступничества за угнетаемыхъ христіанъ.

Особенно это замѣтно въ дѣятельности Юстиніана Великаго. «Считая себя,—говоритъ историкъ Диль,—избранникомъ Божіимъ, онъ въ то же время смотрѣлъ на себя, какъ на естественнаго и необходимаго поборника за Христа, и его политическое честолюбіе воспламенялось рвеніемъ крестоносца». (Позднѣе византійскіе императоры стали смотрѣть на себя, какъ на единственныхъ защитниковъ православія, и этотъ взглядъ держался до самаго конца византійской исторіи, а съ паденіемъ Константинополя, когда московскій князь остался единственнымъ независимымъ православнымъ государемъ, на него перешла обязанность быть представителемъ и защитникомъ православныхъ христіанъ. И съ XV вѣка сначала князья, потомъ цари и позднѣе императоры русскіе считались и до сихъ поръ считаются главными покровителями православныхъ, гдѣ бы они ни жили. (Всп. исторію войнъ Россіи съ Турціей въ XIX в.).

Областное устройство. Въ первое время послѣ раздѣленія Римской имперіи на Западъ и Востокъ, въ Византіи сохранялись латинскій языкъ и учрежденія Діоклетіано-Константиновской эпохи. Но съ VI вѣка верхъ надъ латинскимъ беретъ греческое вліяніе, римскій (латинскій) языкъ постепенно вытѣсняется греческимъ и римская («ромейская») культура смѣняется греческой, правильнѣе—эллинистической. Тогда же складывается въ общихъ чертахъ и новое областное устройство. Вмѣсто Діоклетіановскаго дѣленія имперіи на 4 крупныя части, постепенно появляется дѣленіе на болѣе мелкіе округа, получившіе при имп. Иракліи названіе ѳемъ. Начальники такихъ округовъ — стратиги — соединявшіе въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть, пользовались значительной самостоятельностью.

Въ VII и VIII вв. Византійское государство испытывало большія потрясенія отъ нападеній сосѣдей — славянъ, арабовъ и др. Часто, будучи не въ силахъ справиться со славянами, византійскіе императоры вступали съ ними въ договоры и отводили имъ землю для поселенія. Но такіе колонисты отказывались стать въ положеніе діоклетіано-константиновскихъ крѣпостныхъ, и такимъ образомъ въ Византійской имперіи появляется свободная крестьянская община. Императоры скоро поняли, что такіе свободные крестьяне являются отличными защитниками государства отъ внѣшнихъ враговъ, и щедро раздавали землю за службу въ войскахъ. Правильно эта служба была организована при Львѣ III Исаврѣ. Часто императоры давали землю и богатымъ людямъ, которые выходили на войну въ сопровожденіи большой и хорошо вооруженной

свиты. Въ IX в. знатныя и богатыя фамиліи (динаты или властели), которымъ такое свободное крестьянство было не по душѣ, сдѣлали попытку провести законодательнымъ путемъ ограниченіе правъ крестьянъ. На нѣкоторое время имъ удалось если не уничтожить, то сильно сократить самостоятельность мѣстныхъ мелкихъ общинъ, но императоры понимали, какое громадное военное значеніе имѣли поселенія свободныхъ общинниковъ, и, начиная съ Константина Багрянороднаго (912—959), они постепенно завершали дѣло, начатое Львомъ III: сельская община (комитура) стала представлять собой административный округъ, въ который входили села и деревни, связанныя между собой общимъ землевладѣніемъ и круговой порукой въ отбываніи государственныхъ повинностей. Административный центръ округа носилъ названіе митрокоміи. Въ эпоху крестовыхъ походовъ, въ Византіи, подъ вліяніемъ сношеній съ Зап. Европой, сталъ складываться своеобразный феодальный порядокъ, близко напоминавшій порядки Зап. Европы. Чтобы расположить въ свою пользу знать, императоры раздавали частнымъ свѣтскимъ лицамъ земли монастырей и церквей съ правомъ пользованія доходами съ этихъ земель (харистикаріи); затѣмъ стали раздавать населенныя земли и другія угодія, приносившія доходъ, въ награду за услуги, подъ условіемъ исполненія опредѣленной службы за пожалованныя земли (Ѳ. Успенскій). Такія земли назывались проніями. Знакомство съ западно-европейскимъ рыцарскимъ міромъ въ XI—XII вв. имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что раздавать въ проніи стали не только монастырскія, но и общинныя, съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, которые такимъ образомъ теряли свободу и становились крѣпостными. Всѣ эти явленія облегчали установленіе въ Византіи настоящаго западно-европейскаго феодализма, когда Византія превратилась въ Латинскую имперію. Въ это время власть императора была ничтожна, такъ какъ лица, захватившія большія проніи, совершенно отказывались подчиняться императору и захватили въ свои руки судебныя, полицейскія и финансовыя полномочія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Къ счастью, восточныя части Византійской имперіи, собственно малоазіатскія владѣнія, лучше сохранили духъ греческой культуры и самобытнаго національнаго развитія, чѣмъ почти сплошь ославянившаяся европейская часть имперіи (на Балканскомъ полуостровѣ). Кромѣ того, новая система землевладѣнія еще не успѣла крѣпко привиться на Востокѣ и именно изъ М. Азіи и появились Палеологи, которые и уничтожили установившійся было въ Византіи феодализмъ.

Развитіе законодательства. До раздѣленіи Римской имперіи въ Византіи дѣйствовало римское право императорской эпохи; оно же дѣйствовало и послѣ раздѣленія имперіи до Юстиніана, съ тою только разницей, что въ законодательство императоровъ были внесены нѣкоторыя частичныя измѣненія—частью подъ вліяніемъ христіанской Церкви, частью вслѣдствіе проникновенія въ византійское право варварскихъ началъ и необходимости считаться съ мѣстными обычаями варваровъ, засѣвшихъ въ предѣлахъ Восточной Римской имперіи. Но въ общемъ византійское право находилось въ тѣсной связи съ правомъ римскимъ и являлось его послѣдовательнымъ развитіемъ.

Изученіе римскаго права особенно оживилось въ Византіи въ началѣ V вѣка, со временц основанія высшей школы въ Константинополѣ при Θеодосіи II, и въ 429 г. у императора явилась мысль составить систематическій сводъ указовъ христіанскихъ императоровъ и тѣмъ облегчить знакомство съ этимъ важнымъ матеріаломъ дѣйствующаго права. Отъ предшествующей эпохи сохранилось 2 сборника указовъ—«Codex Gregorianus» отъ временъ Діоклетіана и «Codex Hermogenianus», являвшійся его продолженіемъ. Но оба эти сборника были крайне неполны. Поэтому Θеодосій выбралъ наиболѣе опытныхъ и имѣвшихъ административныя заслуги государственныхъ людей и спеціалистовъ-законовѣдовъ и поручилъ имъ собрать и привести въ систему подлежащій матеріалъ. Въ 437 г. работа коммиссіи была окончена; императоръ западной половины Римской имперіи Валентиніанъ также принялъ составленный въ Константинополѣ кодексъ, который такимъ образомъ долженъ былъ явиться общимъ для всей имперіи. 15 февраля 438 г. этотъ сводъ законовъ былъ опубликованъ подъ названіемъ «Кодекса имп. Θеодосія» («Codex Theodosianus»).

Весь матеріалъ въ этомъ кодексѣ распредѣленъ по 16 книгамъ, составленнымъ каждая изъ нѣсколькихъ главъ, гдѣ указы расположены въ хронологическомъ порядкѣ. (Послѣдняя глава содержитъ указы, относящіеся къ религіозной жизни государства.) Тексты всѣхъ указовъ—латинскіе, независимо отъ того, выходили ли они въ Римѣ или Византіи.

Когда вступилъ на престолъ Юстиніанъ В., онъ задался цѣлью возстановить имперію Константина В. Для этого онъ началъ рядъ наступательныхъ войнъ въ западной половинѣ Средиземнаго моря (вандалы, остготы), которыя для Византіи были очень удачны. Но, задавшись идеей внѣшняго возстановленія Римской имперіи, Юстиніанъ естественно пришелъ къ мысли объединить ее и внутренне—путемъ точнаго и систематическаго законодательства, въ чемъ была тѣмъ большая на-

добность, что въ теченіе 2 столѣтій со времени Константина В. произошло много перемѣнъ, дѣлавшихъ римское право, утвердившееся на Балканскомъ полуостровѣ еще въ эпоху римской республики, уже во многомъ не соотвѣтствующимъ насущнымъ потребностямъ имперіи. И вотъ, по волѣ Юстиніана, знаменитые юристы его времени, во главѣ съ Трибоніаномъ, предприняли трудъ кодификаціи всего наличнаго тогда юридическаго матеріала. Такъ возникъ знаменитый «Corpus juris civilis», или «Сводъ законовъ гражданскаго права». Онъ состоялъ собственно изъ 4 частей: 1) «Codex Iustinianeus»—«Сводъ римскаго права, систематизированнаго по древнимъ источникамъ и по постановленіямъ римскихъ императоровъ»; 2) «Institutiones», или «Научный учебникъ права»; 3) «Пандекты», или «Дигесты»—«Систематическій сборникъ мнѣній древнихъ римскихъ юристовъ по разнымъ вопросамъ», и 4) «Novellae»—«Новеллы», т.-е. «Указы и правительственныя распоряженія самого императора Юстиніана». Первыя три части изданы были на латинскомъ языкѣ, четвертая преимущественно на греческомъ.

«Великая историческая цѣнность этого памятника далеко не исчерпывается его значеніемъ для Византійской имперіи, гдѣ до самаго ея паденія онъ, вмѣстѣ съ своими послѣдующими дополненіями, служилъ главнымъ регуляторомъ ея внутренней жизни. Вліяніе его въ теченіе Среднихъ вѣковъ распространилось далеко на Востокѣ и особенно на Западѣ, гдѣ опредѣленія его постепенно вошли въ составъ новыхъ законодательствъ, послуживъ могущественной основой бытового сближенія самыхъ разнообразныхъ націй и вмѣстѣ школой здраваго юридическаго образованія всѣхъ вѣковъ и народовъ». (Проф. Петровъ.)

Исторію развитія византійскаго права послѣ Юстиніана можно раздѣлить на 2 періода, соотвѣтственно эпохамъ всего культурнаго и литературнаго развитія Византіи. Первый періодъ охватываетъ время отъ смерти Юстиніана до начала Македонской династіи (565—867), второй съ Македонской династіи до конца Византійской исторіи (867—1453).

Сводъ Юстиніана былъ изданъ въ большей части на латинскомъ языкѣ. Но при его преемникахъ въ судахъ является преобладающимъ греческій языкъ. Поэтому византійскіе юристы стали приспосабливать римскіе источники для населенія Восточной имперіи и комментировать ихъ частью на латинскомъ, частью на греческомъ языкѣ.

Императоры иконоборческой эпохи первые внесли крупныя измѣненія въ византійское право: они издавали извлеченія изъ законовъ. Напр., «Эклога» 739 года состояла всего изъ

18 главъ и должна была замѣнить собой весь кодексъ Юстиніана, такъ какъ въ VIII в. византійскіе юристы уже не въ состояніи были имъ пользоваться.

Одновременно появляются въ Византіи сборники законовъ обычнаго права, сложившагося еще въ предшествующее время и только теперь кодифицированнаго: таковы—Законы земледѣльческіе (Νόμος γεωργικός), отражавшіе юридическій бытъ свободныхъ византійскихъ крестьянъ, сложившійся на Востокѣ независимо отъ римскаго права и можетъ быть вопреки ему (по выраженію историка А. Вормса), и Законы морскіе (Νόμος ῥοδίων ναυτικός), гдѣ сведены въ одинъ сборникъ обычаи, дѣйствовавшіе въ предѣлахъ Эгейскаго моря и въ восточной половинѣ Средиземнаго моря. Оба эти сборника по своему содержанію уходятъ далеко отъ римскаго права.

Во второмъ періодѣ замѣчается стремленіе къ полной по возможности реставраціи Юстиніановыхъ источниковъ, хотя бы въ переработкахъ, нѣсколько приспособляющихъ ихъ къ значительно измѣнившимся условіямъ. Это оказалось отчасти возможно, благодаря наступившему въ IX вѣкѣ общему культурному подъему страны, которой, послѣ жестокой междоусобицы изъ-за иконъ, былъ возвращенъ внутренній міръ. Между 870 и 879 годами, при императорѣ Василіи I, обнародованъ былъ «Прохиронъ» (Ὁ νόμος πρόχειρος), который долженъ былъ служить какъ бы учебнымъ руководствомъ, наподобіе «Институцій» Юстиніана, и содержалъ важнѣйшія постановленія Юстиніанова кодекса, хотя, собственно, извлечены они были не непосредственно изъ кодекса, а изъ греческихъ передѣлокъ и обработокъ подлиннаго матеріала. Имп. Василій имѣлъ въ виду издать еще «Воспроизведеніе законовъ» (Ἐπαναγωγή), представлявшее просмотрѣнное (съ дополненіями) изданіе «Прохирона», но не успѣлъ. Его сынъ и преемникъ Левъ VI Философъ осуществилъ этотъ замыселъ отца и около 889 г. издалъ т. н. «Базилики»—Τὰ βασιλικὰ νόμιμα—Царскіе законы, въ которыхъ воспроизведенъ былъ почти весь текстъ Юстиніановскаго свода, за исключеніемъ мѣстъ, явно устарѣвшихъ и непримѣнимыхъ. Текстъ сопровождался объясненіями къ нему, заимствованными у различныхъ греческихъ юристовъ, раньше комментировавшихъ сборники Юстиніана. (Они назывались схоліями.) Нѣкоторые законы эпохи иконоборчества были отброшены, а нѣкоторые, какъ, напр., «Законы морскіе» и «Законы земледѣльческіе», вошли и въ сводъ 889 г.

Послѣ изданія этого громаднаго свода византійское законодательство почти замерло. За все послѣдующее время, до самаго паденія Византіи, не появлялось больше никакихъ ко-

дексовъ. Издавались только отдѣльные законы и указы, носившіе часто съ X вѣка названіе «хризовуллъ», т.-е. золотыхъ грамотъ. Изъ новеллъ этого времени заслуживаетъ вниманія «Книга префекта»—'Επαρχικὸν βιβλίον Льва Философа, которая содержитъ въ себѣ весьма цѣнныя указанія на строй и положеніе ремесленныхъ цеховъ въ Византіи.

Но «Базилики» по своему огромному объему оказались непригодны для пользованія. Поэтому въ теченіе послѣдующихъ 5 вѣковъ появились сборники, большею частью частныхъ лицъ, содержавшіе извлеченія изъ Базиликъ, и нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ оказались популярнѣе и пріобрѣли больше авторитета въ глазахъ общества, чѣмъ самое законодательство: таковы—'Επιτομή—920 г., Synopsis major—ок. 950 г., Synopsis minor—начала XIII в. Но особенно важное значеніе получило послѣднее, составленное около 1345 г., частное руководство «Шестокнижіе» Константина Арменопуло. Оно скоро получило авторитетъ законодательнаго памятника и сохранило такой характеръ не только при господствѣ турокъ въ Византіи, но и въ Греціи и Бессарабіи послѣ отдѣленія ихъ отъ Турецкой имперіи.

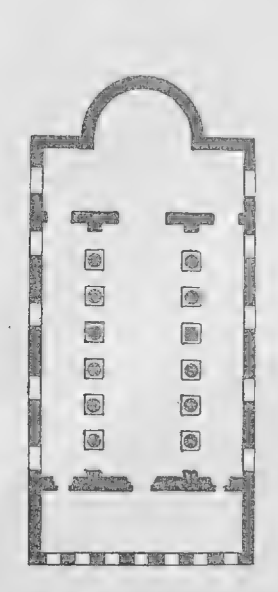
О вліяніи Византійскаго права можно сказать, что оно было очень сильно, въ особенности въ Балканскихъ государствахъ—Сербіи (Законникъ царя Стефана Душана) и Болгаріи (Судебникъ царя Константина, или «Законъ судный людямъ»). На русскомъ правѣ византійское право отразилось еще до принятія Русью христіанства въ договорахъ съ греками русскихъ князей, а послѣ 988 г. на Русской Правдѣ, церковныхъ уставахъ, судныхъ грамотахъ и т. д., кончая Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г. Наиболѣе замѣтно вліяніе византійскаго права въ области брачныхъ и вообще семейственныхъ, а также наслѣдственныхъ отношеній, которыя до XVIII вѣка были отчасти подвѣдомственны церковному суду.

Византійское искусство.

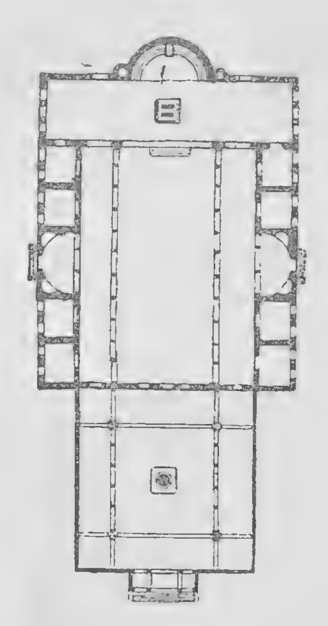
Византійское церковное искусство имѣетъ самую непосредственную связь съ античной Греціей. Главной причиной этого явилось то обстоятельство, что Константинъ В. перенесъ столицу изъ Рима въ городъ чисто греческій, гдѣ «сохранились непрерывно античныя художественныя преданія и вкусъ, гдѣ создались впервые для воплощенія христіанскихъ идей своеобразныя новыя христіанскія формы, наиболѣе совершенныя въ архитектурѣ и живописи».

Не имѣя готовыхъ формъ, въ самомъ началѣ христіанская архитектура заимствовала формы языческія. Первообразомъ

христіанскаго храма явилась римская базилика, т.-е. зданіе, въ которомъ происходилъ судъ и совершались торговыя сдѣлки. Базилика представляла собой 4-угольное продолговатое зданіе,

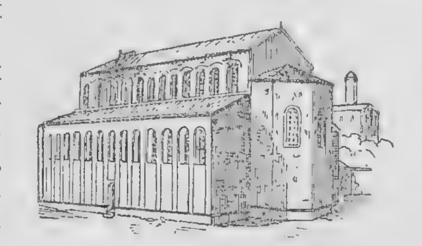

Планъ гражданской базилики.

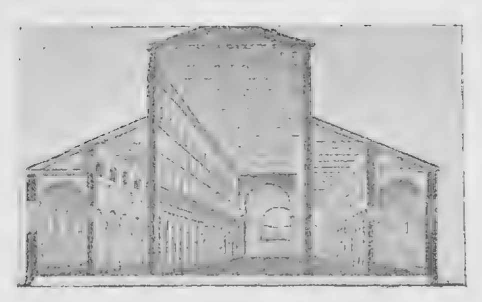

Планъ христіанской базилики.

въ которомъ вдоль всѣхъ стѣнъ ставились ряды колоннъ, такъ что зданіе раздѣлялось на части—обыкновенно три. Пространство между стѣнами и колоннами покрывалось крышей, а средина въ греческихъ базиликахъ оставалась непокрытой, но римляне закрыли и ее. Чтобы освѣтить средину зданія, они дѣлали колонны, отдѣлявшія среднюю часть отъ боковыхъ, выше другихъ, и подъ самой крышей продѣлывали окна, которыми и освѣщалось все зданіе. Къ одной изъ поперечныхъ стѣнъ римляне придѣлывали небольшія полукруглыя пристройки (т. н. абсиды), гдѣ помѣщался судья или другой чиновникъ; иногда абсиды придѣлывали къ обѣимъ поперечнымъ стѣнамъ и тогда входъ дѣлали сбоку, въ одной изъ продольныхъ стѣнъ. Именно эта форма общественнаго зданія и оказалась наиболѣе подходящей для

Внѣшній видъ христіанской базилики.

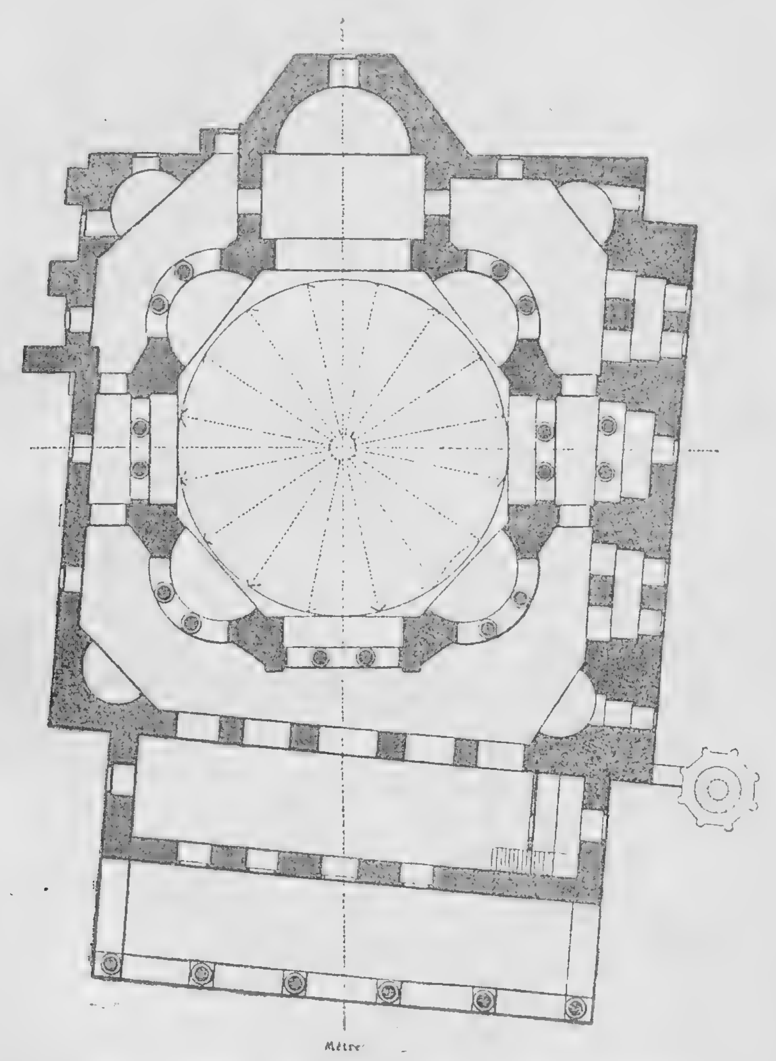
Внутренній видъ христіанской базилики.

христіанъ, и они заимствовали ее, внеся, впрочемъ, нѣкоторыя измѣненія: уничтожены были колонны передъ абсидой, въ которую помѣстили алтарь; иногда дѣлали всѣ продольныя части одинаковой высоты (они получили названіе **кораблей**), для женщинъ въ боковыхъ галлереяхъ стали устраивать верхнія отдѣленія и др. Нѣсколько позднѣе къ базиликѣ былъ прибавленъ поперечный корабль и тогда базилика получила форму креста, что должно было напоминать вѣрующимъ о Крестѣ Спасителя.

Мечеть Кучукъ-ая—Софія, бывш. церковь свв. Сергія и Вакха въ Константинополѣ.

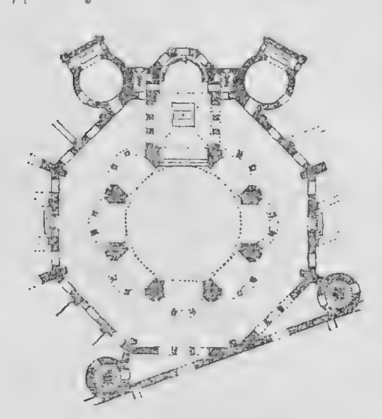
Но византійскіе архитекторы не удовлетворились этимъ и поставили себѣ задачу созданія новой художественной формы христіанскаго храма, покрытаго куполомъ, а не двускатной

Планъ б. церкви свв. Сергія и Вакха въ Константинополѣ.

крышей, какъ базилика. Они хотѣли создать храмъ, который былъ бы по возможности достойнымъ жилищемъ Бога. «Нерукотворенный храмъ Божій, распростирающійся надъ нашими головами въ видѣ громаднаго свода и такъ краснорѣчиво го-

ворящій о величіи Божіемъ, самъ указывалъ, какъ на наиболѣе соотвѣтствующую и какъ на наиболѣе приличествующую форму для храма рукотвореннаго, на этотъ сводъ, который въ архитектурномъ отношеніи достигъ своего развитія. И вотъ—первый христіанскій императоръ Константинъ Великій, ища сооружать достойныя жилища Единому Богу, Котораго онъ позналъ, начинаетъ сооружать храмы, которые бы воспроизводили Имъ самимъ созданный храмъ и которые такъ же, какъ и этотъ, способны были бы проповѣдывать о Его величіи, именно—строить храмы, надъ которыми распростираетъ небесамъ подобные куполы» (Голубинскій, Ист. Русск. Церкви). Особенно величественный купольный храмъ Константинъ В. выстроилъ въ Антіохіи. Куполъ извѣстенъ былъ въ римской архитектурѣ и раньше (всп. римскій Пантеонъ), но его постоянно помѣщали на круглое основаніе. Въ построенныхъ Константиномъ храмахъ куполъ уже опирается на 8-угольное основаніе. Послѣ Константина В. въ этомъ направленіи продолжаютъ дѣлаться новыя попытки и въ результатѣ византійскимъ архитекторамъ удалось соединить многоугольное основаніе съ куполомъ. Первыя попытки удачно разрѣшить эту задачу были сдѣланы въ м. Босра (въ Сиріи), гдѣ въ 512 г. воздвигнута была въ этомъ стилѣ церковь. Центральная часть ея увѣнчана была куполомъ, сложеннымъ изъ кирпича, а можетъ быть и деревяннымъ, и воздвигнутымъ на кругломъ тамбурѣ, поддерживаемомъ 8 столбами. Около помѣщался кольцеобразный боковой придѣлъ, вписанный въ 4-угольникъ. Наружныя пристройки, занимая углы четыреугольника, подпирали большой наружный кругъ. Но этотъ куполъ оказался тяжелъ и скоро обрушился.

Планъ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.

Поэтому, когда нѣсколько лѣтъ спустя, Юстиніанъ Великій приступилъ къ постройкѣ въ Константинополѣ церкви Сергія и Вакха, а въ Равеннѣ стали строить церковь Виталія, то рѣшено было сдѣлать куполъ изъ болѣе легковѣснаго матеріала и укрѣпить общее равновѣсіе построекъ, связавъ центральные столбы съ наружными стѣнами особой системой сводовъ и арокъ. Блестящее завершеніе всѣхъ предшествовавшихъ попытокъ представляетъ построенная при

Юстиніанѣ Великомъ Св. София въ Константинополѣ. Строителями ея были Исидоръ изъ Милета и Анеимій изъ Траллеса.

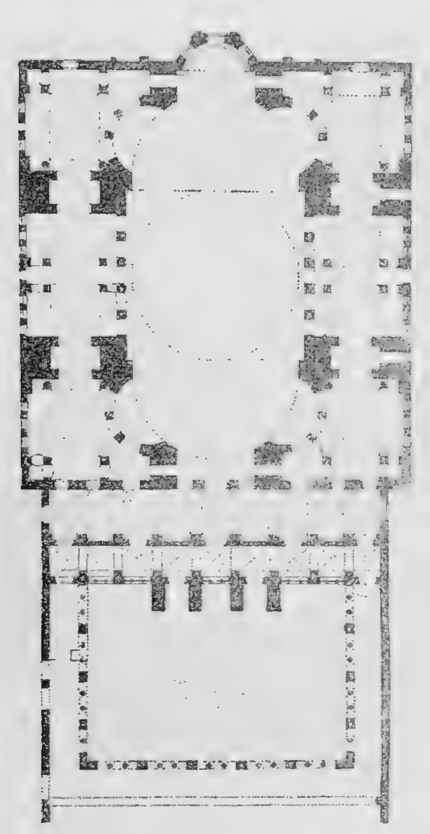
Св. Софія. Если въ настоящее время смотрѣть на Св. Софію снаружи, то сначала получается весьма посредственное впечатлѣніе: отъ позднѣйшихъ пристроекъ храмъ потерялъ свою первоначальную форму и самый куполъ, при всей смѣлости его сооруженія, кажется тяжеловѣснымъ и сдавленнымъ. Нужно войти въ Св. Софію, чтобы понять всю могучую ея оригинальность и рѣдкое великолѣпіе.

Св. Софія. Внѣшній видъ.

Впереди храма открывается большой дворъ, окруженный портиками, атріумъ, посрединѣ котораго мраморный фонтанъ мечетъ свои воды въ обширные бассейны. Потомъ черезъ двойную паперть приходите вы къ 9 дверямъ, ведущимъ въ самую церковь. Здѣсь въ громадномъ 4-угольномъ пространствѣ въ 77 метровъ длиной и почти 72 метра шириной развертывается великолѣпный центральный корабль, увѣнчанный громаднымъ куполомъ въ 31 метръ въ діаметрѣ. Онъ опирается на 4 большія арки, въ свою очередь укрѣпленныя на 4 колоссальныхъ столбахъ. Двѣ изъ этихъ арокъ для приданія имъ прочности и большей устойчивости, задѣланы стѣной, поддерживающей два этажа колоннъ. На восточной и западной аркахъ помѣщены 2 обширные полукупола, подпирающіе и поддерживающіе центральный куполъ. Въ глубинѣ полукруга, покрываемаго восточнымъ полукуполомъ,

устроены 3 ниши: средняя направляется къ востоку и заключаетъ въ себѣ алтарь; двѣ боковыя открываются въ наружные корабли, которые раздѣлены на 2 этажа: верхнія галлереи предназначались для женщинъ. (Здѣсь сидѣла императрица со своими придворными дамами во время богослуженія.) Что же касается императора, то у него была особая ложа, устроенная между центральнымъ и боковымъ кораблемъ.

Планъ храма Св. Софіи въ Константинополѣ.

Относительно главной достопримѣчательности собора Св. Софіи,—его необъятнаго купола,—въ настоящее время всѣми признается, что архитектора Юстиніана Великаго позаимствовали идею его сооруженія изъ восточной архитектуры, главнымъ образомъ изъ персидской, и считается вѣроятнымъ, что пріемы и способы постройки распространились черезъ посредство Сиріи по Малой Азіи, откуда перешли въ Константинополь (Ш. Диль). Но въ пользованіи этими свѣдѣніями и въ ихъ примѣненіи съ неслыханной до тѣхъ поръ смѣлостью и удивительной полнотой строители Св. Софіи являлись болѣе, чѣмъ простыми подражателями; создавая этотъ несравненный памятникъ, «чудо прочности и смѣлости, чистоты линій и блеска цвѣтовъ», они, конечно, явились настоящими самостоятельными творцами. «Никогда,—говоритъ одинъ компетентный судья (Шуази. Ист. архитект.),—геніи Рима и Востока не соединялись въ болѣе поразительномъ и гармоническомъ цѣломъ. Великой заслугой строителей Св. Софіи было осуществленіе въ совершенствѣ такого рѣдкаго сочетанія, и Константинополь, усвоивъ и освятивъ въ единственномъ своемъ родѣ зданіи плодотворные методы, переданные ему Востокомъ, сдѣлалъ ихъ истинной принадлежностью византійскаго искус-

ства». И на высотѣ 55 метровъ надъ уровнемъ земли поднялся куполъ Св. Софіи, удивительное и вмѣстѣ приводящее въ трепетъ

Св. Софія. Внутренній видъ.

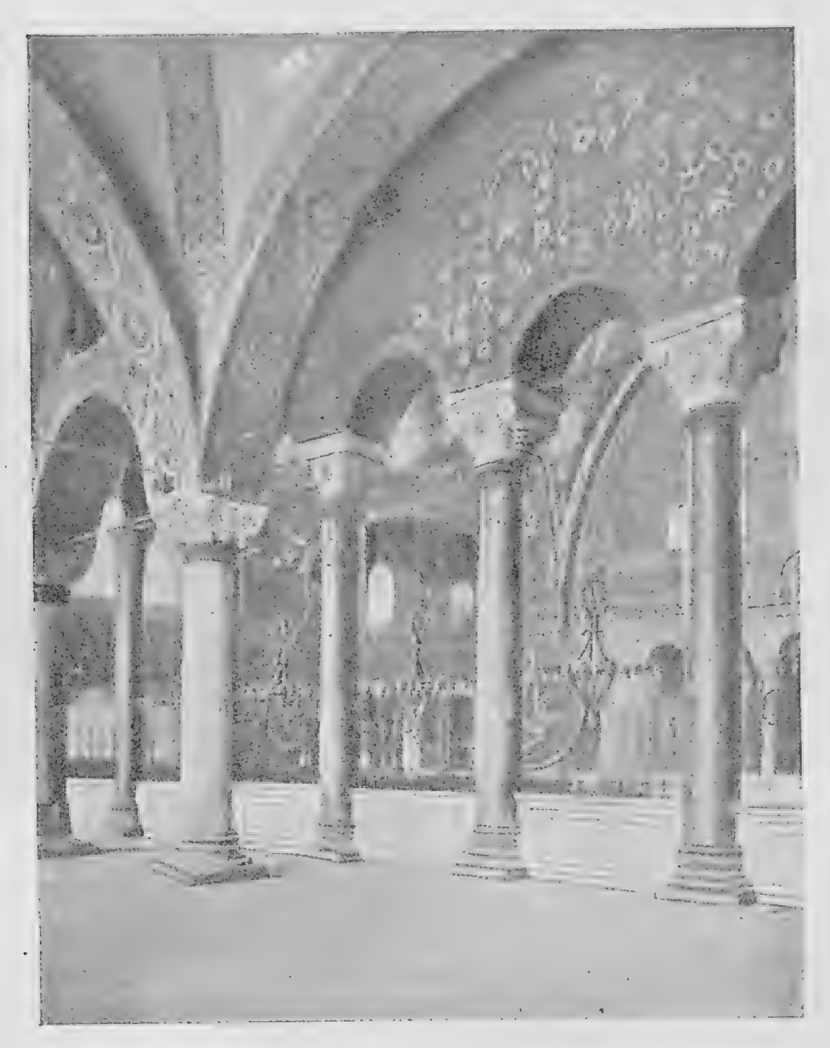
созданіе,—по выраженію Прокопія,—и кажется, что оно лежитъ не на камняхъ, а спущено на золотой цѣпи съ высоты небесъ».

Какое впечатлѣніе производилъ храмъ Св. Софіи на современниковъ Юстиніана В., видно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ ихъ. У одного читаемъ: «Это — твореніе могучее, несравненное, такое, которому до сихъ поръ не было еще примѣра въ исторіи; дивная церковь, единая въ своемъ родѣ, описать которую слово безсильно». Поэтъ императорскаго двора Павелъ Силенціарій посвятилъ собору поэму въ 1000 стиховъ. Но лучше всего—слова историка Прокопія, въ которыхъ превосходно выражено впечатлѣніе отъ собора Св. Софіи: «Когда входишь,—говоритъ онъ,—въ этотъ храмъ для молитвы, то тотчасъ чувствуешь, что этотъ храмъ не есть дѣло людского могущества и искусства, но скорѣе дѣло самого Божества, и душа, обращаясь къ небу, сознаетъ, что Богъ—здѣсь, близко отъ нея, и что Ему нравится домъ Его, который Онъ самъ избралъ для себя».

Впечатлѣніе отъ постройки еще больше увеличивалось, когда обращали вниманіе на роскошь отдѣлки храма. Предъ началомъ постройки Юстиніанъ отдалъ приказъ, чтобы изъ разныхъ мѣстъ свозились въ Константинополь всѣ матеріалы, могущіе пригодиться при сооруженіи собора—колонны, бронзы, двери, мраморы, вообще все, что могло пойти въ дѣло. И осматривая въ настоящее время разнообразное собраніе колоннъ и мраморовъ, украшающихъ Софійскій соборъ, мы можемъ убѣдиться, что приказаніе Юстиніана выполнено было областными правителями въ точности. «Въ цѣломъ лѣсѣ колоннъ, поддерживающихъ главный куполъ храма, мы видимъ колонны, извлеченныя изъ храмовъ Солнца въ Иліополѣ, Артемиды въ Эфесѣ, Аполлона Делосскаго, Аѳины, Кибелы Кизикской и изъ многихъ другихъ менѣе извѣстныхъ языческихъ святилищъ. (Тепловъ. Очеркъ Св. Софіи.)

Но Юстиніанъ желалъ большаго. Вмѣсто мрамора на стѣнахъ и полу онъ хотѣлъ облицевать церковь листами золота, но вынужденъ былъ ограничиться великолѣпіемъ ювелирныхъ издѣлій изъ золота, которыя онъ пожертвовалъ церкви. Въ центрѣ зданія, подъ куполомъ, возвышался огромный амвонъ, «поражающій своими мраморными цвѣтами и чудесами искусства». Матовый отблескъ слоновой кости и серебра и ослѣпительное сіяніе драгоцѣнныхъ камней смѣшивались здѣсь съ переливами самыхъ лучшихъ мраморовъ. Надъ амвономъ воздвигнутъ былъ куполъ, покрытый золотыми листами, украшенными драгоцѣнными камнями, а сверху возвышался крестъ. Главная ниша, которая отведена была для алтаря, отдѣлялась отъ остального пространства храма иконостасомъ изъ чистаго чеканнаго серебра. На колоннахъ, образовывавшихъ иконо-

стасъ, помѣщались въ особыхъ медальонахъ образа І. Христа, Божіей Матери, архангеловъ, пророковъ и апостоловъ: но главное чудо представлялъ собой алтарь, скрытый за этимъ

Верхнія галлереи церкви Св. Софіи.

иконостасомъ. Престолъ былъ весь изъ золота и украшенъ драгоцѣнными камнями и эмалью; надъ нимъ 4 серебряныя вызолоченныя колонны поддерживали сѣнь, украшенную большимъ золотымъ крестомъ въ 75 фунтовъ вѣсомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными камнями. «Кто не будетъ пораженъ,—говоритъ

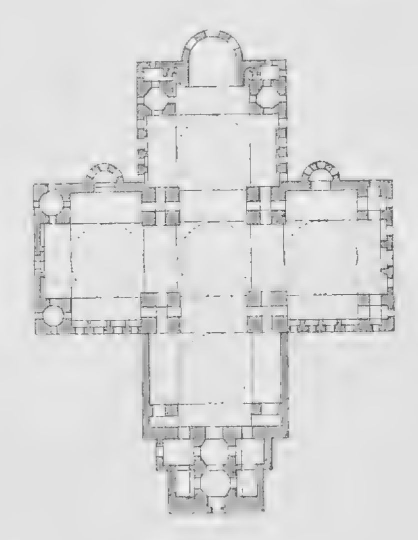
поэтъ того времени, — великолѣпіемъ престола. Кто можетъ понять, какъ онъ сдѣланъ, когда онъ сіяетъ самыми разнообразными цвѣтами, то отражая блескъ золота и серебра, то блистая, какъ сапфиръ, бросая всюду многообразные лучи, соотвѣтственно драгоцѣннымъ камнямъ, жемчугамъ и всякаго рода металламъ, изъ которыхъ онъ сдѣланъ». Напрестольная пелена была изъ чудной ткани, разукрашенной мелкими вышивками изъ пурпура и золота. Наконецъ, въ глубинѣ алтаря стоялъ патріаршій тронъ, тоже изъ вызолоченнаго серебра, и если пожелать составить себѣ представленіе обо всемъ этомъ великолѣпіи, то достаточно запомнить, что, по словамъ Прокопія, только на одинъ алтарь съ солеею храма Св. Софіи пошло около 40 тысячъ фунтовъ серебра.

Капитель византійской колонны.

Особенное удивленіе современниковъ вызывало освѣщеніе храма во время большихъ праздниковъ. Павелъ Спленціарій очень подробно описалъ серебряныя поликандила, лампы въ видѣ кораблей, канделябры, имѣвшіе видъ деревьевъ, такъ что огни казались цвѣтами, наружные фонари, подвѣшенные къ круглому основанію купола, и т. п. Въ день освященія собора Юстиніанъ подарилъ храму золотыя вазы и богатыя облаченія. Въ пригородахъ Константинополя для собора назначено было 365 имѣній, а штатъ собора превосходилъ 800 человѣкъ (считая въ томъ числѣ священно и церковно-служителей, пѣвчихъ и др.). Пышность великолѣпія въ «Великой Церкви» сдѣлалась единственной въ своемъ родѣ и послужила образцомъ для другихъ странъ. (О впечатлѣніи отъ Св. Софіи — вспомн. разсказъ русскихъ, отправленныхъ при Владимірѣ Святомъ для испытанія вѣръ).

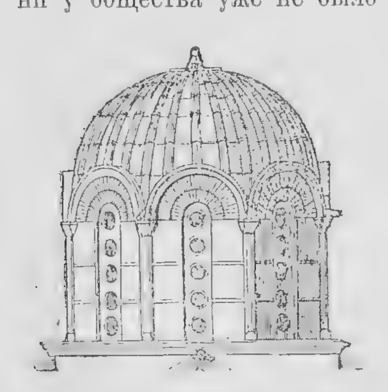
Послѣ Св. Софіи до конца XII в. на Востокѣ нельзя указать ни одного храма въ видѣ базилики: всѣ они внутри имѣютъ одну и ту же форму квадрата съ вписаннымъ равностороннимъ крестомъ, надъ срединой котораго поднимается главный или единственный куполъ.

Планъ церкви въ видѣ креста.

Размѣры храма Св. Софіи: стороны креста 241 футъ и 226 фут.; куполъ при основаніи имѣетъ 100 футовъ въ діаметрѣ, высшая точка его лежитъ отъ пола на 179 фут.

Юстиніанова Св. Софія представляетъ собой купольную церковь въ полномъ развитіи ея формы, такъ какъ дальше идти было уже некуда. Далѣе и не пошли. Но послѣ Юстиніана настала очередь купола. Дѣло въ томъ, что хотѣли сохранить идею церкви купольной, т.-е. создать Богу храмъ, подобный храму нерукотворенному, подобный небесной сферѣ надъ нашими головами; но, чтобы быть отраженіемъ небесной сферы, куполъ долженъ былъ быть возможно большимъ: между тѣмъ послѣ Юстиніана ни у императоровъ, ни у общества уже не было средствъ осуществить еще разъ то̀, что сдѣлалъ Юстиніанъ. Чтобы выйти изъ создавшагося затрудненія, византійскіе архитекторы сократили діаметръ купола и взамѣнъ того пошли въ высь: на подкупольныхъ столбахъ стали ставить тамбуръ или барабанъ, болѣе или менѣе высокій, и уже на него помѣщать куполъ. Появляются церкви съ нѣсколькими куполами надъ каждымъ изъ концовъ креста и его срединой, какъ, напр., церковь Св. Апостоловъ въ Константинополѣ. Церковь Св. Ирины (тамъ же) своимъ планомъ и внутренностью сильно напоминаетъ Св. Софію въ маломъ видѣ, но кромѣ главнаго купола въ ней есть еще другой, лежащій надъ трапезной

Куполъ въ VI в.

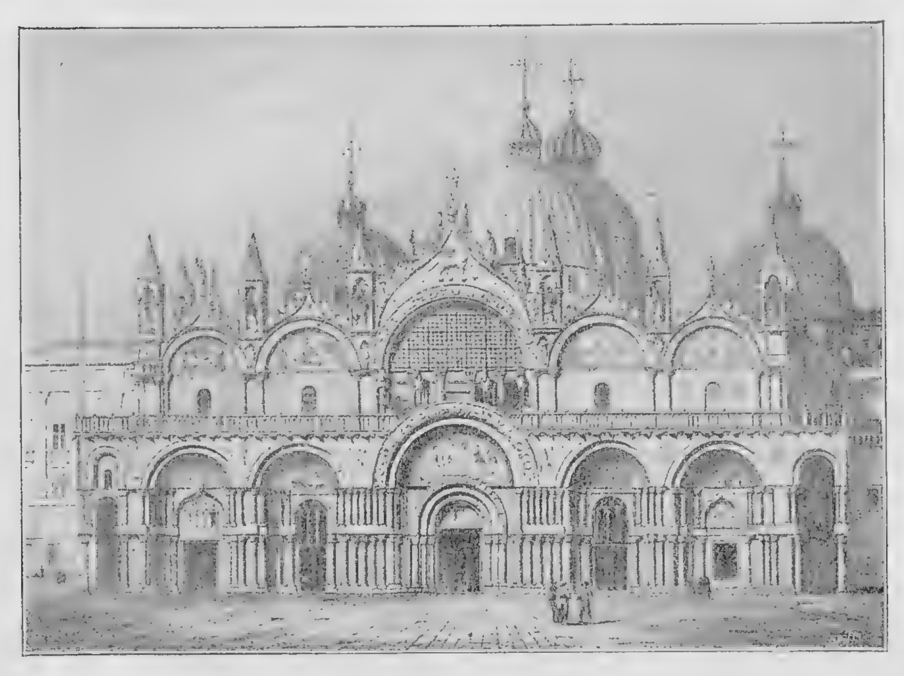
(задней) частью храма и имѣющій рѣдкую форму эллипса. Одной изъ самыхъ изящныхъ церквей въ Константинополѣ является относящаяся къ IX вѣку церковь Богородицы «Теотокосъ»: ея фасадъ состоитъ изъ аркадъ на колонкахъ, съ окнами въ 2 яруса, и 4 легкими главами, изъ которыхъ одна—главная, возвышается надъ срединой церкви. Изъ церквей, сооруженныхъ внѣ Константинополя, заслуживаетъ вниманія соборъ въ Аѳинахъ (VIII или IX в.), имѣющій форму креста, съ единственной главой надъ срединой его. Къ этому же типу подходятъ: церковь Св. Никодима въ Аѳинахъ (съ 13 куполами), церковь Св. Ѳеодора и нѣсколько церквей въ Салоникахъ. Съ наступленіемъ XIII вѣка развитіе византійской архитектуры прекратилось, и подъ конецъ существованія Византійской имперіи архитектора только повторяли полученное отъ прежнихъ временъ, иногда примѣшивая заимствованные откуда-нибудь элементы, но такъ, что заимствованіе это сразу бросается въ глаза.

Вліяніе Византіи въ области архитектуры выразилось въ томъ, что въ разныхъ странахъ мы находимъ слѣды византійскаго искусства: таковы церкви Равенны, соборъ Св. Марка въ Венеціи и др. Памятники искусства въ Равеннѣ связаны съ именами Галлы Плацидіи, Теодориха Великаго и Юстиніана В. Галла Илацидія, сестра императоровъ Аркадія и Гонорія, была замужемъ за вестготскимъ королемъ Атаульфомъ. Когда императоромъ Зап. Римской имперіи сдѣлался ея сынъ, Валентиніанъ III, она поселилась въ Равеннѣ, которую украсила многочисленными постройками, внутри отдѣланными мозаиками. Къ сожалѣнію, бальшая часть построекъ Г. Плацидіи до насъ не дошла. Отъ временъ Теодориха осталась его гробница въ окрестностяхъ Равенны, церковь св. Антоллинарія Новаго и баптистерій аріанъ. Въ царствованіе Юстиніана были воздвигнуты многіе памятники свѣтской и духовной архитектуры; изъ нихъ въ исторіи искусствъ особенно отмѣчаются—церковь св. Аполлинарія in Classe (въ гавани г. Равенны) и церковь св. Виталія.

Соборъ св. Марка въ Венеціи былъ построенъ въ XI вѣкѣ по плану церкви св. Апостоловъ, сооруженной въ Константинополѣ при Юстиніанѣ В. Въ позднѣйшія времена соборъ этотъ много разъ перестраивался, но по своему первоначальному плану въ видѣ равноконечнаго креста и по нѣкоторымъ мозаикамъ онъ является копіей византійскаго образца. Есть слѣды византійскаго зодчества во Франціи. Но сильнѣе всего они замѣтны въ Грузіи, Арменіи и Россіи.

Въ скульптурѣ и живописи первоначально также замѣтно заимствованіе языческихъ формъ. Первоначально христіан-

ство даже не признавало изображеній, а допускало только символы (рисунки см. въ нашемъ курсѣ «Греція и Римъ»), какъ мы можемъ видѣть въ римскихъ катакомбахъ. Съ эпохи Константина В. начинается изображеніе ветхо и новозавѣтныхъ событій. Но на скульптурныя изображенія Церковь всегда смотрѣла неодобрительно и постановленіемъ собора 843 г. статуи, напр., были совершенно удалены изъ храмовъ. Поэтому скульптура не развилась въ Византіи, хотя рѣзьба изъ дерева или (въ особенности) изъ слоновой кости достигла высокой степени совершенства.

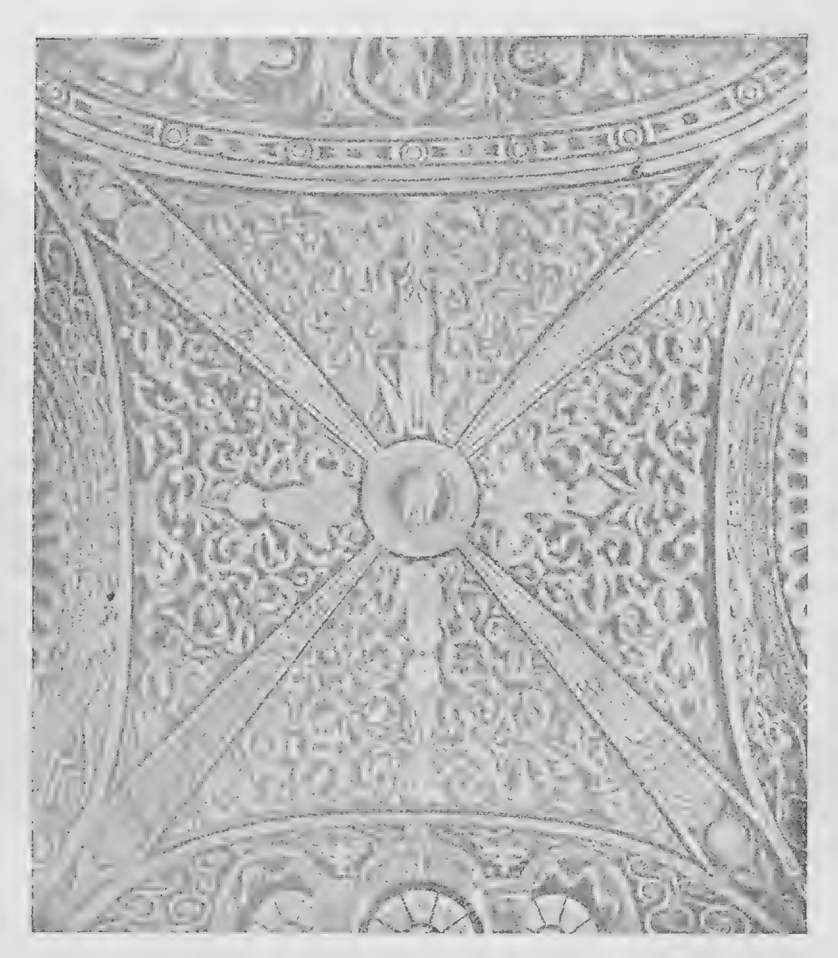

Венеція. Соборъ св. Марка.

Въ противоположность ваянію, живопись нашла себѣ широкое примѣненіе, какъ въ украшеніи храмовъ стѣнными картинами, исполненными красками и мозаикой, такъ и въ изготовленіи небольшихъ иконъ и украшеніи рукописей т. н. миніатюрами. (Мозаикой называется воспроизведеніе картины или какого-нибудь узора (орнамента) путемъ подбора разноцвѣтныхъ стеклышекъ, мраморовъ или кусочковъ дерева, такъ что получается впечатлѣніе живописи.) Въ настоящее время своими мозаиками славится Флоренція; изъ работъ послѣдняго времени въ Россіи можно указать на портреты рус-

скихъ князей и государей на потолкѣ галлереи у памятника имп. Александру II въ Москвѣ.

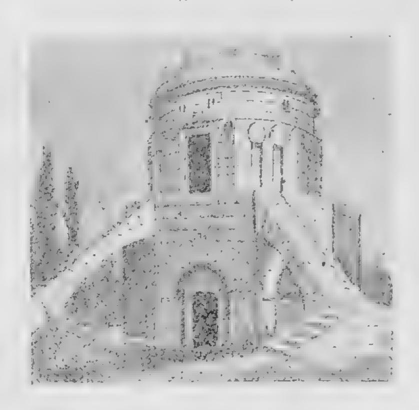
Византійская живопись унаслѣдовала, несомнѣнно, основныя начала отъ античнаго искусства, но въ ея произведеніяхъ, сравнительно съ произведеніями античнаго искусства, замѣтенъ

Мозаика на сводѣ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.

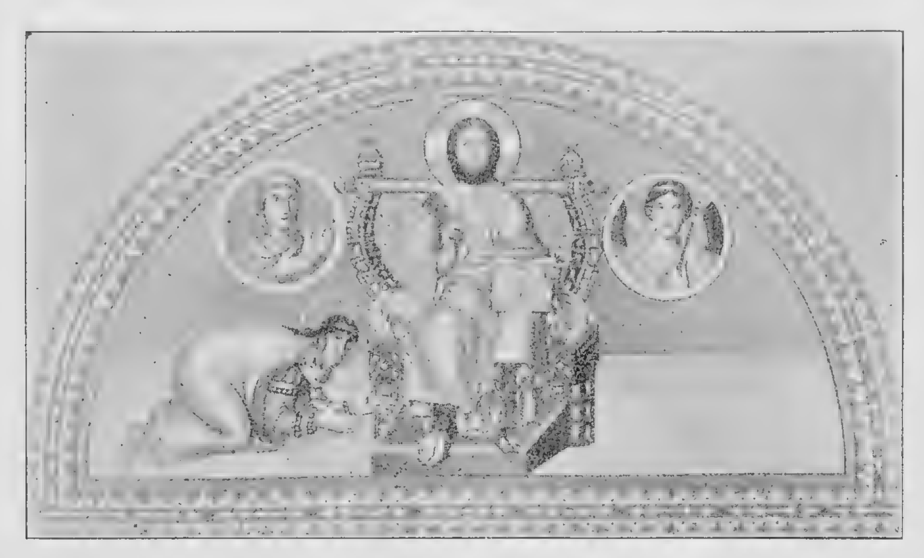
все-таки упадокъ. Вполнѣ обособляется византійскій живописный стиль съ эпохи Юстиніана В. На его образованіе повліяли два обстоятельства: 1) близость азіатскаго Востока, пристрастнаго къ роскоши, которая перешла къ византійскому двору и византійскому духовенству, и 2) важное значеніе, какое получили у правительства и въ государствѣ представители церкви

и монашество. Вслѣдствіе этихъ вліяній живопись и мозаика отличались богатствомъ красокъ и роскошью подробностей, иногда въ ущербъ правильности рисунка и естественности колорита, а, начиная съ половины IX вѣка, стали все болѣе и болѣе строго придерживаться опредѣленныхъ установленныхъ авторитетомъ церкви типовъ изображеній, связывающихъ художника и подъ конецъ даже обратившихъ искусство въ ремесло. Отличительныя черты византійскихъ живописныхъ и мозаичныхъ изображеній—сухость и худощавость тѣлъ, слишкомъ длинная пропорція фигуръ, скулистость лица, длинный тонкій носъ, искусственная складка губъ, миндалевидная форма глазъ, позы неловкія, принужденныя, узкія, туго обтянутыя по тѣлу драпировки, покрытыя множествомъ прямыхъ складокъ, обязательная симметричность расположенія фигуръ (что повторяется много разъ) и сильное злоупотребленіе яркими цвѣтами и золотомъ. Но, несмотря на указанные недостатки, византійская живопись и мозаика произвели въ цвѣтущую свою пору прекрасные образцы и сберегли въ себѣ многіе элементы античнаго искусства, которые, будучи потомъ перенесены византійскими мастерами въ Италію, помогли развиться дивнымъ образомъ искусству эпохи Возрожденія. Лучшій періодъ византійской живописи и мозаики, точно такъ же, какъ и архитектуры, совпадаетъ съ временемъ Юстиніана В. Нѣкоторыя мозаичныя изображенія его времени достигали монументальныхъ размѣровъ: въ храмѣ Св. Софіи на золотомъ и синемъ фонѣ были помѣщены колоссальныя изображенія Богоматери, апостоловъ, евангелистовъ и греческихъ крестовъ съ надписью—«симъ побѣдиши». Въ главномъ куполѣ было изображеніе Предвѣчнаго Отца и четырехъ херувимовъ; въ западномъ полукуполѣ былъ образъ Богородицы съ святыми апостолами Петромъ и Павломъ; на боковыхъ стѣнахъ корабля, надъ хорами, были изображенія пророковъ и мучениковъ. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ изображеній была уничтожена или испорчена турками въ XV в. и въ цѣломъ видѣ до насъ не дошла. Очень хорошо сохранилась въ храмѣ Св. Софіи мозаика, изображающая Спасителя, возсѣдающаго въ бѣломъ одѣяніи на великолѣпномъ тронѣ: Онъ благословляетъ

Гробница Теодориха въ Равеннѣ.

одной рукой входящихъ въ храмъ, а въ другой держитъ книгу, на страницахъ которой можно прочитать: «Азъ есмь свѣтъ

Мозаика въ храмѣ Св. Софіи.

міру». Слѣва и справа, въ медальонахъ, изображены арх. Михаилъ и Пр. Богородица; у ногъ І. Христа — поклоняющійся Ему императоръ въ богатомъ одѣяніи, съ діадемой на головѣ.

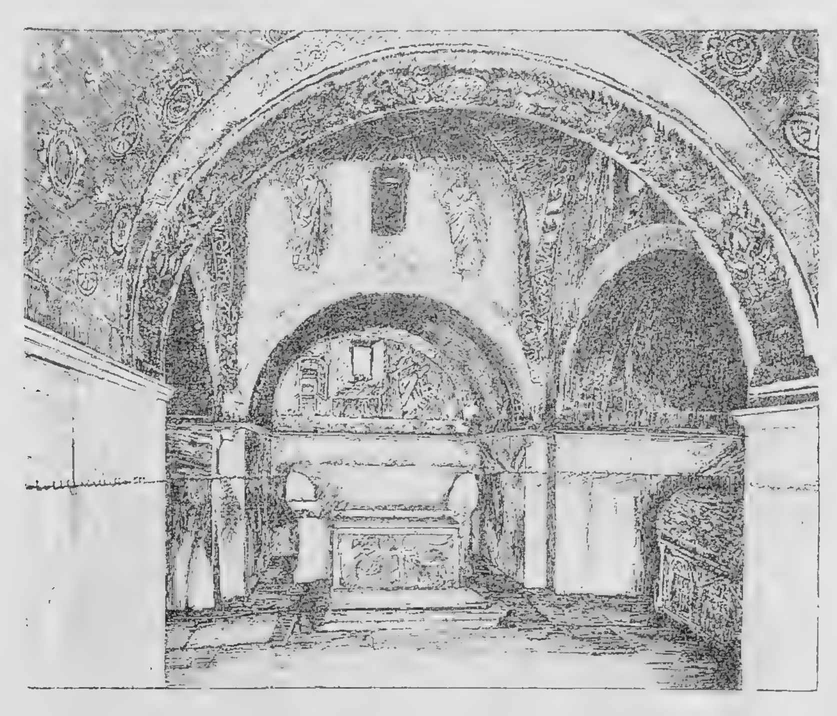
Особенно славилась своими мозаиками Равенна въ Италіи.

Мозаика въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи въ Равеннѣ.

Нѣкоторые храмы этого города сохранили мозаики западныхъ мастеровъ — Баптистерій (гдѣ въ древности крестили языч-

никовъ), мавзолей Галлы Плацидіи, и др. Особенно интересны мозаики послѣдняго. На темно-голубомъ фонѣ купола блестятъ золотыя украшенія; верхнія части всѣхъ четырехъ стѣнъ закрыты мозаиками: подъ куполомъ изображены апостолы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ глазами, поднятыми къ кресту, изображенному у вершины купола; надъ входной дверью помѣщено изображеніе І. Христа въ видѣ Добраго Пастыря, съ большимъ крестомъ въ лѣвой рукѣ; правой Онъ ласкаетъ ягненка; овцы и ягнята находятся вокругъ Него; задній фонъ картины занятъ

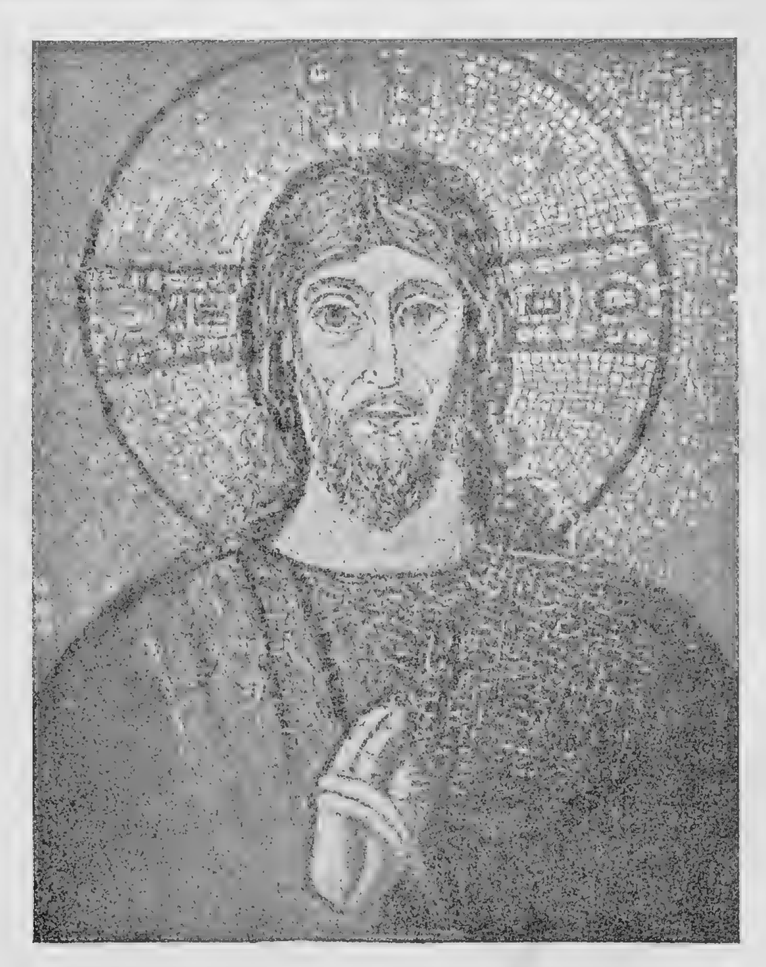

Внутренній видъ мавзолея Галлы Плацидіи въ Равеннѣ.

скалами и цвѣтами. Эти мозаики не блещутъ золотомъ и выборъ камней не отличается пестротой.

Въ противоположность этимъ памятникамъ, мозаики церквей Св. Виталія и Аполлинарія Новаго весьма хорошо знакомятъ насъ съ работами византійскихъ мастеровъ, которые не жалѣли золота и драгоцѣнныхъ камней. «На стѣнахъ храма расцвѣтаютъ сверкающіе всѣми красками мозаичные ковры. Виноградныя лозы вьются около оконъ верхней галлереи, отведенной для женщинъ (матронея). Рѣзкіе лики византійскихъ святыхъ смотрятъ изъ круглыхъ медальоновъ, точно въ са-

момъ дѣлѣ осыпанныхъ жемчугами, сапфирами, рубинами и изумрудами. Въ залитой золотомъ абсидѣ возсѣдаетъ торжественный, но еще безбородый молодой Христосъ,—еще молодой, какъ молода Византія. А по сторонамъ, среди министровъ, священниковъ, тѣлохранителей, евнуховъ и наперсницъ, изобра-

Благословляющій Христосъ.
(Мозаика церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ.)

жены нечеловѣчески неподвижные правители Византіи—имп. Юстиніанъ и императрица Ѳеодора» (Муратовъ. Образы Италіи, т. I).—А въ противоположность этому можно указать, что мозаики въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи и Баптистеріи напоминаютъ плавностью линій античные барельефы.

Внутренній видъ церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ (нач. VI в.).

Храмъ Св. Аполлинарія Новаго имѣетъ форму базилики, которую 24 колонны дѣлятъ на 3 пролета: съ боковъ, въ глубинѣ абсиды, «вездѣ мозаики такъ и блещутъ сіяніемъ своего золота. На боковыхъ стѣнахъ 2 процессіи развертываются

Христосъ на тронѣ среди ангеловъ.
(Мозаика въ ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ.)

Пр. Дѣва на тронѣ среди ангеловъ.
(Мозаика церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ.)

подъ аркадами—единственный въ своемъ родѣ образецъ византійскаго искусства: одна—святыхъ мужчинъ, другая—свя-

Костюмы женщинъ въ VI в. (Мозаика въ ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ.)

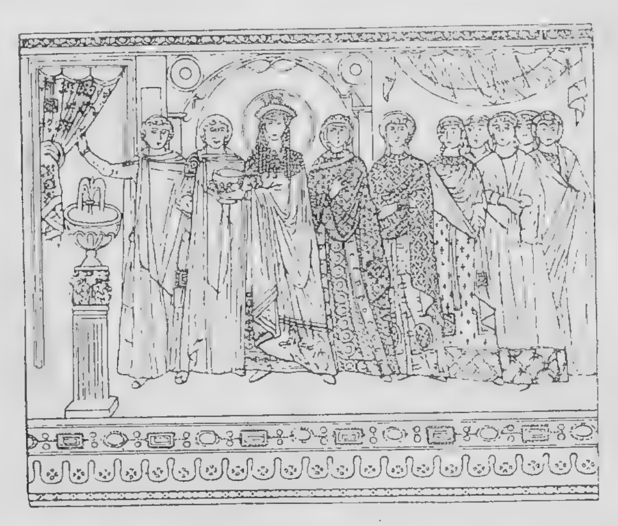
тыхъ женщинъ, идущихъ изъ-за ограды г. Равенны по направленію къ І. Христу и Пр. Дѣвѣ, сидящимъ на тронѣ по-

Имп. Юстиніанъ и его дворъ. (Мозаика въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.)

среди ангеловъ. Особенно поражаетъ процессія женщинъ: блескъ костюмовъ, правильность чертъ, изящное движеніе головы,

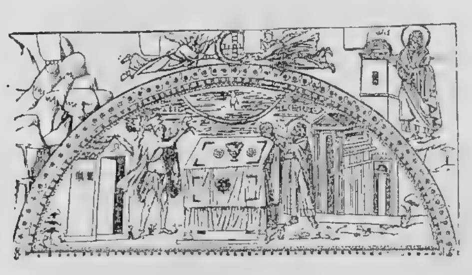
красота драпировки—придаютъ этимъ фигурамъ исключительную прелесть». Въ храмѣ Св. Виталія также привлекаютъ вниманіе 2 историческія картины, изображающія имп. Юстиніана и императрицу Ѳеодору, окруженныхъ придворной свитой.

Имп. Ѳеодора со свитой. (Мозаика въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.)

Здѣсь такъ же, какъ въ первомъ храмѣ, оживаютъ передъ зрителемъ извѣстные историческіе моменты. (Ш. Диль.)

Насколько искусство Равенны является дѣйствительно византійскимъ искусствомъ, сказать трудно. По этому вопросу высказано было много противоположныхъ мнѣній, но въ настоящее время ученые изслѣдователи сходятся на одномъ, что начало всего того, что мы видимъ въ Равеннѣ, было положено не въ Византіи, а въ большихъ городахъ Малой Азіи, Сиріи и Египта (Эфесѣ, Антіохіи, Александріи и др.), но перешло въ Равенну черезъ посредство Византіи, которая восприняла и усовершенствовала заимствованныя формы, и въ такомъ видѣ византійское искусство, по выраженію только что упомянутаго историка,—«охватило большую часть Италіи и оказывало могущественное вліяніе

Мозаика въ церкви св. Виталія. (Постр. въ 526—527 гг.)

почти на весь Западъ въ теченіе многихъ столѣтій средневѣковья».

Для византійскаго искусства позднѣйшихъ временъ имѣютъ большое значеніе мозаики церкви монастыря Дафни въ Греціи, недалеко отъ Аѳинъ, по дорогѣ къ развалинамъ древняго Элевзиса: тамъ обращаютъ на себя вниманіе бюстъ І. Христа въ куполѣ и изображенія Богородичныхъ и Господнихъ праздниковъ. Для эпохи еще болѣе поздней характерны мозаики въ бывшей церкви монастыря Хора въ Константинополѣ, превращенной турками въ мечеть (наз. Кахріэ-Джами): тамъ въ двухъ притворахъ хорошо сохранились мозаики изъ исторіи Ветхаго Завѣта, а также изъ земной жизни Спасителя и Пр. Дѣвы Маріи. Изслѣдователи относятъ эти мозаики къ XIV-му вѣку.

Мозаика въ церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ.

Важную отрасль византійскаго искусства, кромѣ мозаики и стѣнной живописи, составляли писанныя на деревѣ небольшія иконы (переносныя) и миніатюры, служившія иллюстраціями къ рукописямъ. Иконъ отъ IX в. и позднѣе до настоящаго времени уцѣлѣло очень много, между прочимъ и въ Россіи, въ разныхъ церквахъ и монастыряхъ; нѣкоторыя иконы причислены къ числу чудотворныхъ. Опредѣлить точно, когда онѣ написаны,— невозможно, такъ какъ болѣе поздния иконы представляютъ собою почти буквальное повтореніе иконъ болѣе древнихъ, съ тѣми же типами и тѣми же техническими пріемами. Что касается миніатюръ, то изученіе ихъ интересно тѣмъ, что знакомитъ насъ лучше, чѣмъ изученіе мозаикъ и живописи византійскихъ съ искусствомъ Византіи: въ мозаикѣ и живописи художникъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ извѣстными «законами» искусства; въ миніатюрахъ онъ давалъ больше простора своей фантазіи, почему такія миніатюры лишены однообразія, сухости и рутинности рисунка. Образцы византійскихъ рукописей, украшенныхъ миніатюрами, можно видѣть въ разныхъ музеяхъ Европы; особенно много ихъ въ Парижской Національной библіотекѣ.

Мечеть Кахріэ-Джами. (Бывш. ц. Спасителя.)

Мозаичный образъ І. Христа въ мечети Кахріэ-Джами. (Бывш. церковь Спасителя.)

Иконоборческое движеніе, какъ указано выше, почти уничтожившее въ Византіи скульптуру въ примѣненіи ея къ церкви, нанесло сильный ударъ и церковной живописи. Въ эту эпоху въ иконописи усиливается такъ наз. богословское направленіе: «византійское творчество все больше и больше оказывается скованнымъ догматами ученія, подпадая все больше и больше подъ вліяніе духовенства и аскетизма». Для художника становится обязательнымъ сохраненіе разъ навсегда выработанныхъ формъ: художникъ становится копировщикомъ. Занятіе Византіи крестоносцами нанесло византійской иконописи послѣдній ударъ. Послѣ этого византійская живопись нашла себѣ пріютъ въ монастыряхъ, гдѣ прозябаетъ и до настоящаго времени. Въ рукахъ монаховъ она утратила всякое значеніе свободнаго художественнаго творчества и обратилась въ особый видъ иноческаго послушанія. Исполнитель священныхъ изображеній не смѣетъ ни на іоту уклоняться отъ предписаній, установленныхъ Церковью, и обязанъ руководиться правилами, выработанными ею въ т. н. «Лицевыхъ Подлинникахъ», которые являются самыми точными указателями, какъ изображать того или другого святого или то или другое библейское событіе. Такой способъ исполненія убиваетъ всякую самостоятельность художника и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ произведенія монастырской живописи столь похожими одно на другое, какъ будто они исполнены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Главнымъ пунктомъ такого иконописанія со времени паденія Констан-

Св. Іоаннъ Предтеча. (Аѳонской живописи).

тинополя является до настоящаго времени гора Аѳонъ съ ея монастырями.

Но самый упадокъ византійскаго искусства оказался въ пользу ему. Въ такомъ видѣ оно оказалось болѣе доступно, болѣе удобно для передачи другимъ народамъ, находившимся еще на низкой ступени развитія. «Во всей исторіи,—говоритъ изслѣдователь (Н. Тарасовъ),—мы не видимъ другого искусства, которое имѣло бы такой широкій кругъ вліянія и распространенія. Византія являлась центромъ, отъ котораго на разныя стороны шелъ свѣтъ техническихъ знаній, и чѣмъ ближе, тѣмъ больше, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше: совершенно различные народы въ теченіе тысячъ лѣтъ находили постоянно въ ней исходный пунктъ для своей художественной дѣятельности».

Культура ислама.

Византійское вліяніе. Еще до завоеванія Сиріи и части Малой Азіи, арабы уже находились подъ вліяніемъ греческо-византійскаго образа жизни. Греческіе художники и архитекторы часто отправлялись въ области, населенныя арабами, за заработками, и результатомъ ихъ дѣятельности является множество построекъ, носящихъ византійскій характеръ. Къ Ю.-В. отъ г. Алеппо сохранились развалины базилики, въ которой можно различить основной планъ съ большимъ среднимъ кораблемъ, двумя боковыми, абсидой на восточной сторонѣ и главными воротами на западной. Въ этой базиликѣ сохранились надписи о ея основаніи (на греческомъ, сирійскомъ и арабскомъ языкахъ) въ 512 г. Каждый слой населенія тутъ прославлялъ основаніе храма по-своему: правящій чиновничій классъ—по-гречески, широкіе слои населенія—по-сирійски, а арабы, проникшіе въ Сирію и здѣсь обращенные въ христіанство,—по-арабски. (Т. н. Цебадская надпись.)—Другая такая же греческо-арабская надпись (изъ Гаррана въ Трихонитской области) относится къ 568 году. Такимъ образомъ несомнѣнно доказываются тѣсныя сношенія грековъ съ арабами задолго еще до Мухаммеда.

Въ арабскомъ языкѣ появляются выраженія съ греческаго, относящіяся къ строительной техникѣ,—черепица, камень, гвоздь и т. п.; мѣрой у нихъ служилъ византійскій фунтъ, свои товарные склады они называли по-гречески т. е. греческими словами; названія фруктовъ и писчей бумаги взяты также съ греческаго языка. Экономическая и правовая жизнь

арабовъ находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи. Въ Дамаскѣ, Тиверіадѣ и другихъ городахъ арабы сначала пользовались греческими монетами, а потомъ, когда стали чеканить ее сами, то сперва чеканили ее съ греческими надписями. Вліяніе Византіи видно, напр., изъ того, что по греко-римскому обычаю освобождались отъ опеки по достиженіи 25 лѣтъ; войска арабовъ были вооружены и маршировали на византійскій манеръ; дома въ городахъ и корабли строились по образцу греко-римскихъ.

Изъ Византіи же проникла къ арабамъ и греческая наука

Внутренній видъ мечети Эль-Акса въ Іерусалимѣ, бывшей при Юстиніанѣ В. церковью.

(нѣсколько позднѣе). Многіе изъ халифовъ покровительствовали ученымъ и философамъ и особенно гостепріимно принималъ ихъ у себя Гарунъ-аль-Рашидъ, современникъ Карла В. (786—809). Историкъ Гельвальдъ говоритъ, что «въ то время, какъ Зап. Европа забыла произведенія Золотого вѣка античной литературы, произведенія Аристотеля стали оракуломъ мусульманскаго міра». Правда, распространеніе греческой (правильнѣе, эллинистической) образованности шло не особенно быстрыми шагами, но связь между культурами византійской и арабской существовала весьма тѣсная. Сначала арабы удовлетворялись персидскими переводами греческихъ авторовъ отъ

временъ знаменитаго персидскаго государя Хозроя I Нуширвана, а со временъ халифа Мамуна I (813—833) появляются уже арабскіе переводы съ греческихъ подлинниковъ.

Начало самостоятельной арабской культуры слѣдуетъ относить къ тому времени, когда прекратился первый періодъ арабскихъ завоеваній (къ концу VII вѣка). Въ это время въ составъ арабскаго государства входили области, прежде принадлежавшія персамъ и византійцамъ, области, уже обладавшія извѣстной культурой. Теперь, когда средоточіемъ всей жизни арабскаго государства сдѣлалась мѣстность по рр. Тигру и Евфрату (Иракъ), «не было ни одного народа въ государствѣ халифовъ и граничившихъ съ нимъ странахъ, который не имѣлъ бы своихъ представителей въ столицѣ Аравіи—сначала Дамаскѣ, позднѣе Багдадѣ, не было ни одной культуры, которая не оказала бы своего вліянія на арабовъ. Здѣсь, на почвѣ древней цивилизаціи, необходимо должны были расцвѣсть искусства и науки, здѣсь было наиболѣе благопріятное мѣсто во всемъ тогдашнемъ мірѣ, чтобы учить и учиться. Если же ученымъ и поэтамъ, кромѣ того, свѣтило еще солнце благосклонности монарха и привлекало къ себѣ всѣ таланты, какіе только можно было найти во всѣхъ областяхъ государства, тогда можно было ожидать блестящаго времени духовнаго подъема». И ожидать этого нужно было тѣмъ болѣе, что особенныя свойства различныхъ народовъ, стекавшихся въ царство Омайядовъ и Аббассидовъ, удивительнымъ образомъ дополняли другъ друга. «Острый, нѣсколько сухой духъ араба соединился здѣсь въ благородномъ сочетаніи съ необузданной творческой фантазіей иранца, и смутное чувство гармоніи древне-греческой жизни, равно какъ и чувство мистической глубины индійской мысли, пробуждались въ душахъ представителями этихъ противоположныхъ полюсовъ арійскаго культурнаго развитія».

Культурная работа арабскихъ халифовъ прежде всего выразилась въ томъ, что они заботились о дорожныхъ сооруженіяхъ, о постройкѣ фонтановъ и больницъ, объ укрѣпленіи вѣры. Для послѣдней цѣли халифъ Абдъ-ал-Меликъ (нач. VIII в.) ревностно заботился о распространеніи всюду списковъ Корана, а халифъ Валидъ (705—715) требовалъ обязательнаго изученія его и оказывалъ почтеніе людямъ набожнымъ. При этихъ же халифахъ были построены первыя большія мечети въ Іерусалимѣ и Дамаскѣ; мечеть Абдъ-ал-Мелика на горѣ Морія (т. н. «Куполъ скалы») и выстроенная Валидомъ мечеть Омайядовъ въ Дамаскѣ являются старѣйшими, извѣстными изслѣдователямъ памятниками арабской архитектуры и, само

собою, свидѣтельствуютъ о развитіи этого искусства въ высокой степени. Пока арабы были еще незначительнымъ народомъ, они довольствовались храмомъ въ видѣ палатки, увеличенной до размѣровъ большого амбара; но когда арабы покорили подъ свою власть сосѣдніе народы, халифы рѣшили создать такое зданіе, которое свидѣтельствовало бы о могуществѣ народа и его вѣры. Впрочемъ, оказалось, что среди арабовъ не нашлось для этого мастеровъ, и такъ какъ восьмиугольное зданіе «Купола скалы» сильно напоминаетъ византійскіе образцы (церкви св. Сергія и Вакха, св. Виталія), то-есть основаніе думать, что эта мечеть была выстроена греческими мастерами. Внутреннее устройство и мозаики мечети Омайядовъ въ Дамаскѣ говорятъ о томъ, что эта мечеть была перестроена изъ византійскаго храма; на это указываютъ мозаики, сходныя съ мозаиками храма св. Марка въ Венеціи, и греческая надпись надъ однимъ изъ задѣланныхъ боковыхъ входовъ: «Господь будетъ царствовать вовѣки, Богъ твой Сіонъ въ родъ и родъ».

Но заимствованіе отъ Византіи ограничилось только формой зданія: религія требовала устраненія всѣхъ произведеній живописи и скульптуры, изображавшихъ живыя существа. Но обладая большимъ вкусомъ, арабы не рѣшились оставить стѣны мечетей совершенно обнаженными и стали украшать ихъ надписями, содержавшими исповѣданіе вѣры и другіе подходящіе стихи Корана. Свои письмена они старались изобразить какъ можно художественнѣе, и заимствованныя у сирійцевъ неуклюжія и неказистыя очертанія буквъ преобразовывались у арабовъ постепенно въ изящныя письмена, особенно бросающіяся въ глаза при разсматриваніи арабскихъ рукописей (не печатнаго текста). Это же стремленіе выступало и въ архитектурѣ, въ орнаментаціи. И эти художественныя сплетенія надписей, съ окаймляющими ихъ волнистыми линіями и росчерками, впослѣдствіи перешли со стѣнъ строеній на дорогія матеріи средневѣковой восточной тканевой фабрикаціи и всюду стали появляться подъ названіемъ арабесокъ; послужили они также образцами и для Запада. (Въ архитектурѣ эта склонность выразилась въ томъ, что простые строительные элементы были видоизмѣнены и замѣнены вычурными завитками колоннъ и сводовъ.)

Ради мусульманскихъ обрядовъ оказалось необходимымъ устроить внѣ стѣнъ мечетей возвышенныя мѣста, откуда муэдзинъ могъ бы призывать правовѣрныхъ на молитву. Такимъ образомъ появились минареты (маяки), или «мазанетъ» (мѣсто призыва на молитву).

Развитіе арабской литературы. Укрѣпленіе вѣры во вновь завоеванныхъ странахъ потребовало записи ученія Мухаммеда. Это дѣлалось тщательно со временъ еще первыхъ халифовъ. Но арабскія письмена, которыми Коранъ былъ записанъ, были крайне несовершенны и на каждомъ шагу подавали поводъ къ разногласіямъ, а это могло повести къ ересямъ: многія буквы писались совершенно одинаково, знаковъ препинанія не не было и т. п. Трудно было справиться съ этимъ природнымъ арабамъ, а народамъ, вновь обращеннымъ въ мусульманство,—и совершенно невозможно. Поэтому придумана была цѣлая система пояснительныхъ знаковъ и принята правильная разстановка знаковъ препинанія. Такимъ образомъ, совмѣстно съ искусствомъ чтенія Корана, возникла арабская грамматика. Появляются школы, гдѣ, кромѣ чтенія и изученія текста Корана, заботились о сохраненіи преданій изъ жизни Мухаммеда (Сунна). Самыми почитаемыми школами были—въ Мединѣ и въ Куфѣ (къ югу отъ Багдада, близъ Евфрата), а второе мѣсто занимали школы въ Меккѣ и Басрѣ (на нижнемъ Евфратѣ). Постепенно эти преданія были приведены въ порядокъ, систематизированы и изъ отдѣльныхъ историческихъ данныхъ сложилось жизнеописаніе Мухаммеда. Такимъ образомъ было положено начало исторической литературы. Изъ ученыхъ, потрудившихся на этомъ поприщѣ, можно отмѣтить Ибн-Исхака, жившаго при дворѣ халифа Мансура (754—755). При этомъ же халифѣ было предпринято собраніе стихотвореній и легендъ древне-арабской геройской эпохи (при чемъ эти стихотворенія сопровождались пояснительными толкованіями) и нѣкоторые ученые писали сочиненія въ подражаніе древнимъ. Былъ сдѣланъ переводъ на арабскій языкъ занесенныхъ изъ Индіи въ Персію сказокъ, извѣстныхъ впослѣдствіи подъ названіемъ сборника сказокъ «1001 ночь». Этотъ сборникъ и до сихъ поръ не потерялъ своего значенія на Востокѣ, а въ европейской литературѣ заимствованія изъ него можно найти съ эпохи крестовыхъ походовъ вплоть до сборника сказокъ бр. Гриммовъ. При Мансурѣ же была переведена на арабскій языкъ «Книга царей» (Шахнамэ), содержавшая легенды про иранскихъ царей и героевъ, которая впослѣдствіи стала канвой для великаго эпоса Фирдуси.

При Мансурѣ было положено начало переводамъ сочиненій греческихъ философовъ и естествоиспытателей. Они уже давно переводились въ христіанскихъ монастыряхъ Сиріи и Месопотаміи на сирійскій языкъ, а теперь были сдѣланы переложенія на арабскій языкъ, и нѣкоторые арабскіе ученые пытались разбирать и комментировать нѣкоторые отдѣлы «Логики» Аристотеля.

Кстати нужно отмѣтить культурную заслугу сирійцевъ Месопотаміи. «Этотъ спокойный, неповоротливаго ума народъ, со слабой изобрѣтательностью, составлялъ яркій контрастъ съ подвижными, можно сказать, безпокойными по темпераменту, своими сосѣдями-единоплеменниками—іудеями и арабами. По зато они неизмѣнно отличались упорнымъ прилежаніемъ: столѣтія собирали сирійцы усердно въ свои житницы плоды умственной дѣятельности другихъ національностей, для того, чтобы передать ихъ другимъ народамъ. Они изучали философскія сочиненія Аристотеля, сочиненія великихъ врачей и естествоиспытателей—Гиппократа, Галена и др.; имъ были извѣстны Эвклидъ и Птолемей (міровая система). Все это терпѣливые монахи сирійскихъ обителей, разбросанныхъ отъ Антіохіи до Моссула, передали слово въ слово на свой родной языкъ». (Мюллеръ.) Арабскіе халифы уже раньше стали привлекать къ своему двору сирійцевъ, знакомыхъ съ медициной, и поручали имъ переводить сочиненія медицинскаго содержанія на арабскій языкъ (Мансуръ, Гарунъ-аль-Рашидъ). Халифъ Ма-Мунъ (813—833) этой передачѣ греческихъ классиковъ придалъ новое направленіе. Онъ побуждалъ арабскихъ ученыхъ заниматься математикой, астрономіей и философіей. Въ Багдадѣ основано было учрежденіе подъ названіемъ «Дома наукъ»; тамъ же помѣщались библіотека и обсерваторія. Около этого учрежденія образовался кружокъ ученыхъ, которые, вмѣсто рабски буквальнаго сирійскаго перевода греческихъ авторовъ, давали переводъ тѣхъ же авторовъ хорошимъ литературнымъ арабскимъ языкомъ. Насколько цѣнились работы такихъ ученыхъ, указываетъ, напр., тотъ фактъ, что одному изъ нихъ (Ибнъ-Исхаку изъ Хиры) халифъ Ма-Мунъ платилъ за переводы золотомъ буквально по ихъ вѣсу (и историкъ шутливо замѣчаетъ, что ученый бралъ бумагу необыкновенной плотности и заставлялъ переписчика писать самыми крупными буквами). Особеннаго вниманія заслуживаетъ также самостоятельная обработка и замѣчательное развитіе математическихъ и физическихъ знаній. При указанномъ халифѣ Ма-Мунѣ одинъ ученый получилъ титулъ «арабскаго философа» (Ал-Кинди) и историкъ указываетъ, что изъ цѣлаго ряда слѣдовавшихъ за нимъ ученыхъ ни одинъ не сумѣлъ заслужить его универсальнаго значенія.

Центры арабской культуры. Кромѣ Багдада, центрами арабской образованности были Испагань и Бухара въ Азіи, и Севилья и Кордова въ Европѣ. Ученые и поэты, пользовавшіеся покровительствомъ многихъ халифовъ, часто странствовали изъ одной страны въ другую и вездѣ находили себѣ

радушный прiемъ. Нерѣдко испанскiе богословы и философы отправлялись въ Египетъ, чтобы продолжить тамъ свои научныя занятiя, а окончательную, такъ сказать, отдѣлку своего образованiя они получали въ школахъ Самарканда и Бухары. Кордова была университетскимъ городомъ съ массой прекрасныхъ учителей, слушать которыхъ собирались ученики даже изъ отдаленныхъ областей Африки и Азiи. Тысячи учащихся наполняли залы мечетей, въ которыхъ учили любимѣйшiе изъ профессоровъ. Изъ кордовскихъ халифовъ-покровителей наукъ нужно отмѣтить Абдуррахмана III, при которомъ около 951 г. была получена и переведена греческими монахами, специально для того выписанными, фармакологiя (наука о лѣкарствахъ) греческаго ученаго Дiоскорида. Но еще больше заслуживаетъ вниманiя халифъ Хакамъ II (ум. въ 976 г.). Его страстью было собиранiе книгъ. Во всѣхъ большихъ городахъ Востока, отъ Каира до Багдада, у него были агенты, добывавшiе списки съ новыхъ сочиненiй и покупавшiе цѣлые экземпляры старыхъ; съ особеннымъ удовольствiемъ онъ принималъ и щедро награждалъ за посвященныя ему книги, которыя ему наперерывъ преподносили ученые Востока, услышавшiе о его щедрости по отношенiю къ представителямъ науки. При своемъ дворѣ онъ радушно принималъ изслѣдователей, «черезъ пустыни и моря» приходившихъ къ товарищу по наукѣ, у котораго они разсчитывали встрѣтить не только научное общенiе, но и громкое признанiе своихъ литературныхъ заслугъ. Не одинъ миллiонъ золотыхъ истратилъ онъ на свою библiотеку, гдѣ собрано было все, сколько нибудь достойное вниманiя. Число томовъ въ ней достигало, говорятъ, до 400 тысячъ; одинъ только списокъ заглавiй составлялъ 44 тома по 20 (а по другимъ указанiямъ—по 50) листовъ каждый, и существовало мнѣнiе (довольно неправдоподобное, такъ какъ для этого не хватило бы человѣческой жизни), что самъ халифъ прочиталъ всѣ эти книги и на большинствѣ изъ нихъ сдѣлалъ свои помѣтки. Его одушевленiе и усердiе были не простой прихотью: это видно изъ того, что онъ стремился сдѣлать главнѣйшiя основы образованiя доступными и для народныхъ массъ: въ одной только Кордовѣ онъ основалъ 27 училищъ, гдѣ безплатно обучались мальчики изъ бѣдныхъ семействъ. И результаты его культурной дѣятельности были весьма велики: «въ Андалузiи почти каждый умѣлъ читать и писать, между тѣмъ какъ въ христiанскихъ государствахъ Европы даже самыя высокопоставленныя особы, не принадлежавшiя къ духовенству, не имѣли объ этомъ понятiя». (Мюллеръ.)

Нѣкоторые изъ халифовъ сами лично занимались съ усер-

діемъ науками. Одинъ изъ нихъ былъ авторомъ сочиненія объ изящной литературѣ, состоявшаго изъ 50 томовъ, другой написалъ трактатъ по алгебрѣ. Какъ арабы уважали ученыхъ, поэтовъ и художниковъ указываетъ, напр., тотъ фактъ, что когда извѣстный арабскій музыкантъ Зоріабъ (X в.) прибылъ съ Востока въ Испанію, кордовскій халифъ самъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу. (Училище музыки въ Кордовѣ поддерживалось щедростью правительства: тамъ получало образованіе множество музыкантовъ, повліявшихъ потомъ на развитіе музыки на Западѣ Европы; изъ Испаніи въ Зап. Европу проникли гитара и лютня, трубы и литавры.)

Развитіе поэзіи. Уже было указано выше, что еще въ VIII в. у арабовъ появились сборники народной поэзіи—пѣсни и сказки. Въ правленіе Аббассидовъ поэзія приняла льстивно-хвалебный характеръ по отношенію къ халифамъ, но зато ея произведенія стали отличаться утонченностью внѣшней отдѣлки и разнообразіемъ формъ. Въ это время въ арабской литературѣ появляется эпическій элементъ, возникшій, какъ уже было сказано, подъ вліяніемъ Индіи и Персіи. Величайшимъ памятникомъ этого направленія литературы является трудъ поэта Фирдуси «Книга Царей» (Шахнамэ), гдѣ онъ имѣлъ въ виду возстановить полную исторію Ирана отъ древнѣйшихъ временъ до вторженія арабовъ. 12 лѣтъ работалъ Фирдуси надъ своей поэмой, пока, наконецъ, въ 1001 году не окончилъ своего поэтическаго произведенія, про которое онъ самъ сказалъ, что «могучій строй, который онъ возвелъ, не боится бурь и грома урагановъ, тогда какъ отъ палящихъ лучей солнца и дождя блекнутъ своды холмовъ и дворцы царей». Поэма заключала въ себѣ 60 тысячъ двойныхъ стиховъ. Написана она была на персидскомъ языкѣ.

Дальнѣйшее развитіе персидской литературы подъ вліяніемъ ислама ознаменовано въ XIII и XIV вв. появленіемъ еще двухъ знаменитыхъ поэтовъ—Саади и Хафиза. Хафизъ (правильнѣе, Шемсъ-адъ-динъ-Мухаммедъ) сочинялъ безсмертныя пѣсни въ честь вина и любви. Слава Саади, кромѣ весьма популярныхъ лирическихъ стихотвореній, разсказовъ и басенъ, основана на его дидактическихъ произведеніяхъ — «Бостанъ» (Плодовый садъ), въ стихахъ, и «Гюлистанъ» (Розовый садъ), смѣсь прозы со стихами; эти произведенія представляютъ полный кодексъ мудрости и правилъ нравственности, замѣчательно вѣрный исконному характеру персидскаго народа; изложенъ онъ изящнымъ и вмѣстѣ простымъ языкомъ и проповѣдуетъ энергію и дѣятельность въ жизни, стремленіе къ истинѣ и пренебреженіе суетными благами міра сего.

Оба эти писателя были ближе и понятнѣе соотечественникамъ, чѣмъ Фирдуси, возвышенныя произведенія котораго не всѣмъ нравились. Но зато относительно Фирдуси изслѣдователь (Мюллеръ) говоритъ, что «онъ одинъ проникнутъ духомъ, вѣющимъ отъ Гомера, Наля и Дамаянти и Нибелунговъ».

Еще богаче, чѣмъ на Востокѣ, развилось поэтическое творчество у арабовъ Испаніи. Въ теченіе своего владычества на Пиренейскомъ полуостровѣ, арабы создали такую громадную поэтическую литературу, что уже въ X вѣкѣ сборникъ замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ заключалъ въ себѣ 20 тысячъ двойныхъ стиховъ. Господствующій родъ поэзіи остался тотъ же, что и на Востокѣ. Но испанская лирика обнаруживаетъ уже слѣды европейской почвы: рыцарское чувство чести и личнаго достоинства, высокое уваженіе къ женщинѣ, общая деликатность и человѣчность чувствъ — эти черты испанской арабской поэзіи указываютъ уже на болѣе высокое нравственное развитіе народа.

Арабская наука. Что касается арабской науки, то, прежде всего, арабскіе ученые, какъ уже было указано, оказали большія услуги математикѣ. Своими математическими познаніями они обязаны были двумъ источникамъ—греческому и индійскому, но они значительно усовершенствовали ихъ. Отъ индусовъ арабы заимствовали счисленіе при помощи 9 цифръ и нуля. Самое слово «цифра» происходитъ отъ арабскаго «tsaphara», или «ciphra», которое обозначало нуль. Арабское слово «algorithum» осталось въ математикѣ до настоящаго времени, равно какъ арабскіе астрономическіе термины: азимутъ, зенитъ, надиръ.

Съ давнихъ поръ арабы занимались также приложеніемъ математики къ математической географіи и физикѣ. Арабскими учеными довольно точно было опредѣлено наклоненіе эклиптики и величина земли; въ то время, какъ въ Зап. Европѣ и Византіи твердо было принято ученіе о землѣ, какъ о плоскомъ кругѣ, арабы изучали географію даже въ народныхъ школахъ по глобусамъ.

Первая обсерваторія въ Европѣ была устроена арабами, именно въ Севильѣ, въ концѣ XII вѣка, гдѣ подъ руководствомъ спеціалистовъ математиковъ выстроена была башня (Джиральда), впослѣдствіи (въ XV в.) обращенная въ колокольню.

Кромѣ математическихъ наукъ арабы увлекались науками естественными и медициной. Продолжая работать въ этихъ областяхъ послѣ ознакомленія съ трудами греческихъ ученыхъ, арабы создали химію: ими открыты были фосфоръ, азотная и др. кислоты; до сихъ поръ въ употребленіи (въ рецептурѣ) осталось не мало арабскихъ словъ—сиропъ, элексиръ и др.

Изъ арабскихъ ученыхъ, прославившихся на этомъ поприщѣ, слѣдуетъ отмѣтить Ибнъ-Сина, извѣстнаго на Западѣ Европы подъ именемъ Авиценны (980 — 1037). Дарованія его были удивительно разнообразны: «онъ былъ одновременно врачъ, государственный дѣятель, ученый и царедворецъ. Онъ написалъ безчисленное множество книгъ медицинскихъ, математическихъ, трактующихъ объ этикѣ, физикѣ, риторикѣ, алхиміи, музыкѣ, и къ тому же сочинялъ стихи, по желанію, на арабскомъ или персидскомъ языкѣ». Онъ является энциклопедистомъ знанія, и его главная заслуга заключается въ томъ, что онъ «систематично, ясно и понятно скомпилировалъ научныя пріобрѣтенія своихъ арабскихъ и персидскихъ предшественниковъ, особенно въ области медицины». И его авторитетъ былъ настолько великъ, что послѣ появленія «Свода законовъ врачебнаго искусства» (Канонъ) Авиценны, медицинская наука весьма долго не развивалась. «Книга эта была переведена на латинскій языкъ и въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ расходилась въ Средніе вѣка, такъ какъ считалась высшимъ авторитетомъ; даже до настоящаго времени бѣдные персы пользуются книгой Авиценны, какъ лѣчебникомъ». (Мюллеръ.)

Башня Джиральда въ Севильѣ.

Нѣсколько позднѣе Авиценны жилъ Аверроэсъ (по-арабски Ибнъ-Рушда, 1126—1198), знаменитый арабскій философъ. Онъ былъ ревностнымъ поклонникомъ Аристотеля, многія сочиненія котораго перевелъ на арабскій языкъ, и примѣнительно къ ученію Аристотеля онъ излагалъ и объяснялъ Коранъ, почему въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть названъ творцомъ магометанской религіозной философіи. Въ Зап. Европѣ, по незнакомству съ греческимъ языкомъ, весьма долгое время изучали Аристотеля по латинскимъ переводамъ съ арабскаго

текста Аверроэса (у христіанскихъ схоластиковъ Аверроэсъ пользовался большой извѣстностью: его ученіе о единствѣ общаго разума вызвало церковный споръ, конецъ которому положилъ папа Левъ X, предавъ анаѳемѣ и самое ученіе и его защитниковъ). Изъ другихъ сочиненій Аверроэса извѣстна медицинская терапевтика «Colliget»; въ области астрономіи Аверроэсу приписывается открытіе пятенъ на солнцѣ.

Еще больше, чѣмъ въ высшихъ отрасляхъ наукъ, обязаны мы арабамъ въ искусствахъ техническихъ и промышленныхъ. Арабы познакомили Европу съ усовершенствованными способами земледѣлія (искусственное водоснабженіе и др.). Имъ обязаны мы культурой риса, сахара, хлопчатой бумаги и почти всѣхъ садовыхъ и огородныхъ плодовъ. Они улучшили производства ткацкія, глиняныя, стальныя и желѣзныя. Они знали водяные часы и пользовались маятникомъ. Имъ были извѣстны компасъ и порохъ. Благодаря компасу, арабы весьма сильно развили свою торговлю. Основанные ими города—Каиръ въ Египтѣ, Багдадъ и Моссулъ на Тигрѣ, Куфа на Евфратѣ, Бассора на устьяхъ Тигро-Евфрата сдѣлались не только центрами промышленной и умственной жизни для всего мусульманскаго міра, но и исходными пунктами просвѣщенія для Азіи и Африки, гдѣ арабы проникали до Мадагаскара. Арабскіе купцы, бывшіе въ то же время весьма любознательными путешественниками, оставили потомству массу свѣдѣній о посѣщенныхъ ими странахъ, такъ что эти путешествія арабовъ-купцовъ сдѣлали большой вкладъ въ науку географіи и исторіи. Изъ такихъ путешественниковъ собственно для насъ особенно интересны Ибнъ-Дастъ, Ибнъ-Фодланъ и Масуди (сочиненіе «Золотые луга»), въ разсказахъ которыхъ мы находимъ весьма много цѣнныхъ свѣдѣній о хазарахъ, болгарахъ камскихъ и о славянахъ—до образованія Русскаго государства. Изъ представителей исторической науки, которой съ особенной любовью занимались въ Испаніи, можно указать Ибнъ-Хазма и въ особенности Ибнъ-Хайяна изъ Кордовы, который написалъ исторію своего времени въ 60 томахъ.

Внѣшняя культура. Постройки. Говоря о культурѣ арабовъ, нельзя обойти молчаніемъ вопроса о благоустройствѣ арабскихъ городовъ, въ которыхъ сосредоточивалась обрабатывающая промышленность. По словамъ современниковъ, въ одной только долинѣ р. Гвадалквивира было 12 тыс. мѣстечекъ, городовъ и поселковъ. Въ Кордовѣ было 113 тыс. домовъ, 80 высшихъ школъ, 300 бань, 28 предмѣстій, 85 тысячъ лавокъ и 600 мечетей. Улицы Кордовы были отлично вымощены и освѣщены, между тѣмъ какъ въ это самое время (въ XII в.) на темныхъ

улицахъ Парижа и Лондона нельзя было показаться въ 7 часовъ вечера, не рискуя быть ограбленнымъ. Не уступали Кордовѣ и другіе города арабской Испаніи—Севилья, Гренада, Толедо, которые, вмѣстѣ съ Кордовой, и являются самыми роскошными городами во всемъ свѣтѣ. Дворцы халифовъ въ этихъ городахъ были великолѣпно украшены. «Испанскіе магометане принесли съ собой на свою новую родину всю роскошь и расточительность Азіи. Ихъ дворцы или стройно высились къ голубому небу, или таились въ глубинѣ рощъ. Мраморные полированные балконы этихъ дворцовъ висѣли надъ померанцевыми садами; на дворахъ были каскады воды; внутреннія залы съ разрисованными стеклами и сводами украшены были золотомъ; полы и стѣны ихъ представляли собой великолѣпную мозаику. Подъ потолками, вокругъ которыхъ шли чеканные золотые карнизы, висѣли люстры, изъ которыхъ нѣкоторыя были весьма велики (на нѣсколько десятковъ, даже сотенъ лампъ). Мебель вся была изъ сандальнаго или лимоннаго дерева, выложеннаго перламутромъ, слоновой костью, серебромъ или украшеннаго рельефами изъ золота и малахита... Зимнія комнаты обиты были богатыми обоями; полы устилались вышитыми персидскими коврами. Подушки и диваны разставлялись кругомъ залъ, накуренныхъ ладаномъ». (Осокинъ.) Дворецъ Абдеррахмана, напр., имѣлъ 1200 колоннъ изъ греческаго, итальянскаго и африканскаго мрамора. Зала для парадныхъ пріемовъ была украшена золотомъ и жемчугомъ.

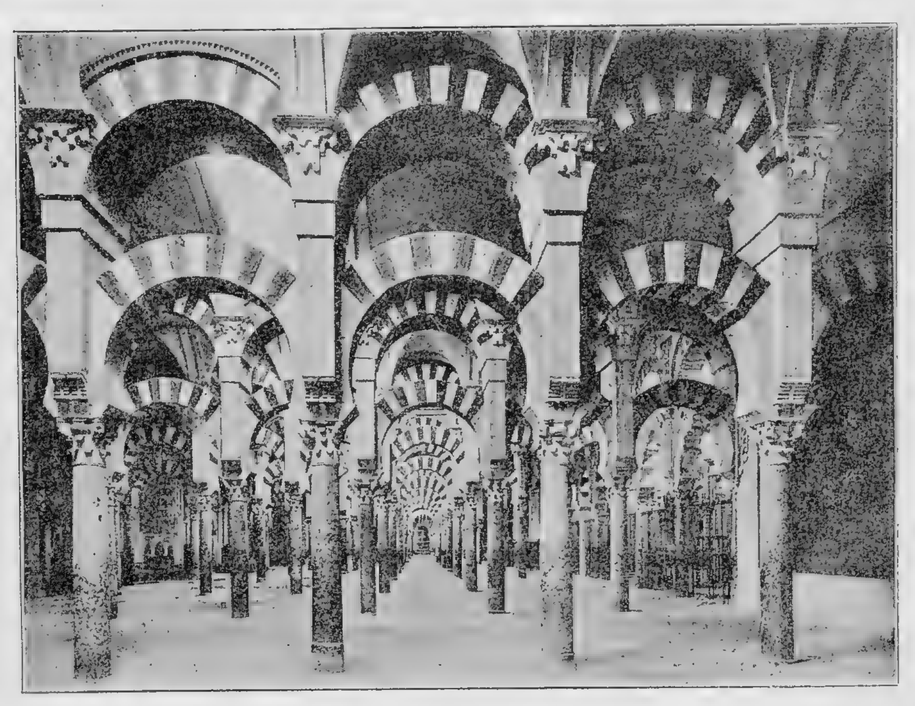
Частные дома снаружи не представляли ничего привлекательнаго, какъ и въ настоящее время на Востокѣ, но внутри они поражали всевозможными украшеніями и рѣдкостями садовъ.

(Нельзя не упомянуть и о томъ, что арабамъ мы многимъ обязаны въ нашемъ домашнемъ комфортѣ. Пріученные правилами религіи къ опрятности, арабы составляли полную противоположность обитателямъ Зап. Европы, которые носили часто платье до тѣхъ поръ, не перемѣняя, пока оно не разваливалось у нихъ на плечахъ. Отъ арабовъ европейцы заимствовали широкій кафтанъ, не стѣсняющій движеній (халатъ), мягкую мебель—софу, диванъ, мягкія кресла и удобныя кровати съ матрацами, балдахинъ, туфли и мн. др.)

Но особенную славу пріобрѣли арабы своими архитектурными сооруженіями, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ мечети, правильнѣе — «месджидъ» (мѣсто поклоненія). Можно отмѣтить два стиля, которыми строились мечети, — древнехристіанской базилики и византійскій. Памятники перваго находятся въ Европѣ, второй, сдѣлавшійся впослѣдствіи общимъ магометанскимъ, нашелъ примѣненіе на Востокѣ. Но заимствованныя формы арабы преобразовали по-своему, примѣшавъ къ нимъ кое-что заимствованное изъ Индіи. Всего больше оригиналь-

ность арабской фантазіи выразилась въ украшеніяхъ, въ подробностяхъ, гдѣ надо было избѣгать всякихъ опредѣленныхъ формъ и образовъ, находящихся въ природѣ.

Чудомъ арабской архитектуры была мечеть въ Кордовѣ, которую арабы начали строить тотчасъ же послѣ завоеванія Пиренейскаго полуострова въ VIII вѣкѣ и строили 2 столѣтія. (Слѣдуетъ отмѣтить, что при завоеваніи того или другого города арабы прежде всего сооружали въ немъ мечеть и строили школу.) Въ Кордовской мечети было 19 воротъ и 19 продоль-

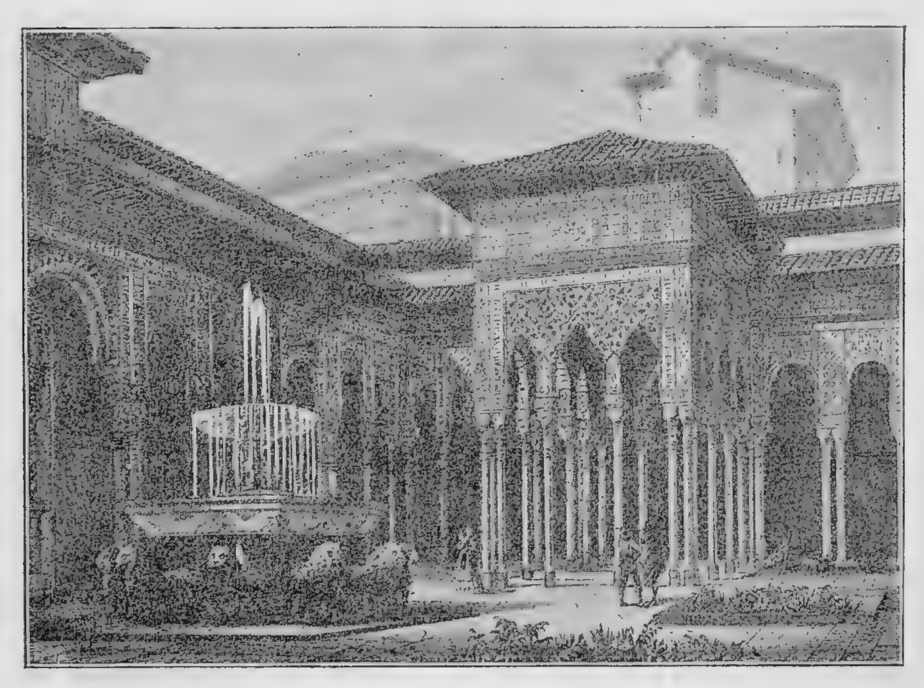

Мечеть въ Кордовѣ.

ныхъ галлерей, 1400 мраморныхъ колоннъ и 4700 лампъ, въ которыхъ выгорало по 2 пуда масла въ ночь. Снаружи мечеть не поражаетъ зрителя, но внутри «глаза разбѣгаются въ безчисленныхъ рядахъ мраморныхъ колоннъ, теряющихся въ сумрачной дали (ихъ до настоящаго времени осталось больше 860). Ходишь, словно по густому лѣсу колоннъ, разросшихся въ безчисленные переплетающіеся своды. Эти колонны не очень высоки, но чрезвычайно легки, изящны и безъ пьедесталовъ: кажется, словно онѣ растутъ изъ земли». (Боткинъ.) Рѣдкія маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полумракъ,

царствующій здѣсь, еще больше усиливаетъ необыкновенность впечатлѣнія.

Любимымъ архитектурнымъ украшеніемъ, необходимой принадлежностью всѣхъ арабскихъ построекъ является арка подковой. Ее можно встрѣтить на каждомъ шагу. Стѣны были украшены арабесками самыхъ затѣйливыхъ рисунковъ, написанныхъ красками, выложенныхъ цвѣтными и золочеными кристаллами. Для половъ и стѣнныхъ украшеній особенно полюбили мозаику, которая примѣнялась въ широкихъ размѣрахъ уже при постройкѣ греческими художниками и съ тѣхъ поръ

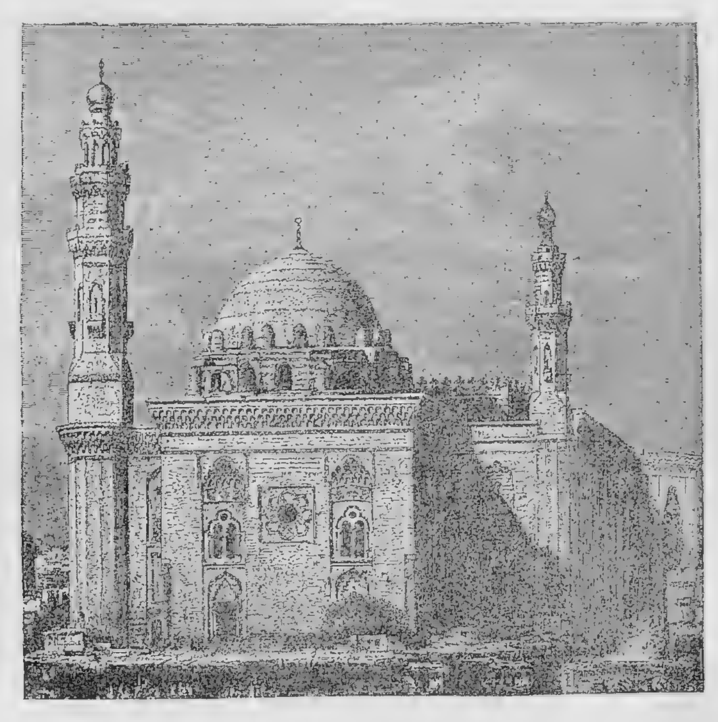
Альгамбра.

обратилась, можно сказать, въ излюбленное украшеніе у арабовъ. Нѣсколько позднѣе въ Испаніи вошли въ употребленіе «азулехосы» — цвѣтныя фаянсовыя плитки, или глазированные кирпичи (изразцы).

Кромѣ Кордовской мечети слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія зданія, сохранившіяся болѣе или менѣе до настоящаго времени. Въ Севильѣ уцѣлѣлъ Алькасаръ—дворецъ мѣстныхъ арабскихъ владѣтелей. Внутренность его представляетъ изящныя залы, сплошь усѣянныя рѣзьбой изъ камня. Эта рѣзьба настолько тонка, рисунки настолько причудливы, что сразу не вѣрится,

что все это «кружево» создано изъ камня. Комнаты выходятъ на внутренніе дворы съ колоннами и фонтанами. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ потолки устроены куполомъ и усѣяны цвѣтными стеклами и звѣздами; въ другихъ—плоскій дубовый потолокъ, съ рѣзными арабесками и золочеными украшеніями.

Третій знаменитый памятникъ мавританскаго стиля—дворецъ Альгамбра въ Гренадѣ, въ которомъ отлично сохранилось нѣсколько комнатъ и дворовъ, украшенныхъ колоннами,

Мечеть Гассана въ Каирѣ.

арками и арабесками. Особенно замѣчателенъ «дворъ львовъ» — главный внутренній дворъ дворца, въ 17 саж. въ длину и 10 саж. въ ширину, съ «фонтаномъ львовъ»; слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что фигуры самыхъ львовъ сдѣланы не особенно хорошо, такъ какъ пластика, по причинамъ уже указаннымъ, не была развита у арабовъ. Изъ залъ этого дворца выдѣляются—т. н. «Залъ сестеръ», въ которомъ весь полъ состоитъ изъ 2 громадной величины мраморныхъ плитъ, и «Залъ Абенсераговъ». Все было тщательно раскрашено синей и пунцовой краской съ позолотой. Въ «Залѣ сестеръ» свѣтъ проходитъ

въ 8 маленькихъ оконъ, сдѣланныхъ въ куполѣ между углубленіями лѣпныхъ украшеній, и проходитъ такъ эффектно, придаетъ такую воздушность куполу и стѣннымъ арабескамъ, что вся комната кажется сотканной изъ разноцвѣтныхъ кружевъ. Внутреннія комнаты имѣютъ ванны и фонтаны; свѣтъ проникаетъ также сверху, сквозь маленькія отверстія, такъ что въ нихъ были постоянные прохлада и сумракъ, столь любимые жителями Востока. Въ мраморномъ полу верхняго этажа въ одной изъ башенъ продѣланы маленькія скважины, сквозь которыя проходилъ дымъ сожигаемыхъ внизу ароматныхъ куреній.

Великая мечеть въ Дамаскѣ.

Изъ восточныхъ построекъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ—мечеть Гассана въ Каирѣ, расположенная въ видѣ креста, стороны котораго равняются 140 и 76 метрамъ, уже упомянутая мечеть Омара въ Іерусалимѣ и «Великая мечеть въ Дамаскѣ».

Феодализмъ.

Подъ именемъ феодализма разумѣется тотъ государственный и общественный строй, который сложился въ Зап. Европѣ въ X—XI вѣкахъ. Сущность феодализма заключается въ томъ, что 1) страна, гдѣ устанавливался феодализмъ, распадалась на множество крупныхъ и мелкихъ владѣній, хозяева которыхъ считали себя независимыми государями; 2) эти государи въ то же время были болѣе или менѣе крупными помѣщиками, такъ какъ вся ихъ сила заключается именно въ томъ,

сколько кто имѣетъ земли; 3) всѣ эти государи помѣщики находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ къ другу: мелкіе владѣльцы находились какъ бы въ подчиненіи или подъ покровительствомъ болѣе крупныхъ, а эти въ свою очередь соблюдали такія же отношенія къ еще болѣе крупнымъ. Такимъ образомъ владѣльцы помѣстій—феодовъ—составляли какъ бы лѣстницу, на разныхъ ступеняхъ которой они расположились въ зависимости отъ величины ихъ земельнаго владѣнія, при чемъ каждая ступенька такъ же относилась къ нижней, какъ къ ней самой относилась та, которая была выше ея.

Происхожденіе и развитіе феодализма. Начало феодализма слѣдуетъ относить къ эпохѣ еще Римской имперіи. Уже съ III в. по Р. Х. въ Римской имперіи авторитетъ центральной власти ослабѣваетъ; выдвигаются на первый планъ мѣстныя нужды; крупныя помѣстья уступаютъ мѣсто мелкимъ хозяйствамъ, на которыхъ хозяйничаютъ полусвободные арендаторы, связанные съ хозяевами ихъ маленькихъ усадебъ извѣстными отношеніями по землѣ. Эти отношенія по землѣ являются господствующими вообще въ имперіи: въ томъ же III и IV в.в. правительство само, не имѣя возможности платить жалованье войскамъ, отводитъ земли цѣлымъ частямъ и отдѣльнымъ лицамъ, обязывая ихъ служить. При этомъ служба является наслѣдственной, если наслѣдники оставляютъ за собой землю. Одновременно съ этимъ измѣнятся и характеръ военной службы; въ войскѣ больше и больше значенія начинаетъ пріобрѣтать конница: въ эпоху междоусобныхъ войнъ, предшествовавшихъ установленію въ Римѣ имперіи, на каждыхъ 10 пѣхотинцевъ приходился 1 всадникъ; въ III в. по Р. Х. конница по численности равняется въ арміи пѣхотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство начинаетъ имѣть дѣло не съ солдатами, а съ предводителями цѣлыхъ дружинъ, которые обязуются за извѣстное вознагражденіе доставить правительству по требованію извѣстное количество вооруженныхъ людей: такимъ образомъ появляются въ государствѣ военные люди, находящіеся на службѣ не у правительства, а у вождей, которые въ свою очередь служатъ правительству: является классъ посредниковъ между правительствомъ и массой войска.

Такими же посредниками между правительствомъ и обществомъ являются въ IV и V вв. крупные помѣщики, которымъ правительство, сознавая свою слабость, поручало собирать съ сельскаго населенія подати, ставить рекрутовъ, назначать священниковъ и судить неважныя дѣла. Часть этихъ дѣлъ правительство уступило крупнымъ собственникамъ, а часть они захватили сами, пользуясь слабостью центральнаго прави-

тельства. Варварскія правительства, заступившія мѣсто Рима въ Зап. Европѣ, по своей слабости и малому знакомству съ римскими порядками, признавали эти круги «частнаго вліянія»: и крупные собственники являются сначала только посредниками между правительствомъ и обществомъ по сбору податей, по суду и т. д., но потомъ они присваиваютъ себѣ цѣликомъ право распоряжаться совершенно самостоятельно въ своемъ кругу.

Бурныя событія эпохи Великаго переселенія народовъ заставили слабыхъ добровольно отдаться подъ покровительство богатыхъ и сильныхъ. Создается такимъ образомъ кругъ покровительства частнаго, независимаго отъ подчиненія правительству. Нѣкоторые, подобно Тацитовской дружинѣ, добровольно признаютъ надъ собой власть болѣе сильнаго сосѣда не изъ слабости, а изъ желанія (въ его свитѣ) славы и добычи.

При слабой организаціи податной системы, преемники Хлодвига вознаграждали своихъ слугъ пожалованіями землей (вмѣсто денегъ) изъ т. н. королевскаго д о м е н а. (Впослѣдствіи то же самое дѣлали преемники Карла Великаго.) Но эти земли раздавались не въ полное и наслѣдственное владѣніе, а во временное пользованіе. Получившій отъ короля землю несъ по отношенію къ нему извѣстныя обязанности, главнымъ образомъ, обязанъ былъ помогать королю во время войны. Полученная такимъ образомъ земля носила названіе ф е о д а, или б е н е ф и ц і я.

Когда у преемниковъ Хлодвига не осталось больше земель для такихъ раздачъ, они потеряли въ своемъ государствѣ всякое значеніе. А въ обществѣ забрала большую силу знать, которая составилась изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, уцѣлѣвшихъ еще отъ римскихъ временъ, изъ приближенныхъ или слугъ короля, обогатившихся благодаря милостямъ его, и т. п. Чѣмъ слабѣе были преемники Хлодвига, тѣмъ больше силы забирала знать. Богатые и могущественные люди стали притѣснять простой народъ, сильные не стѣснялись даже отнимать землю у болѣе слабыхъ, а ихъ самихъ подчинять своей власти. Такое своеволіе знатныхъ заставляло бѣдняковъ искать покровительства среди знати же, при чемъ эти бѣдняки брали на себя добровольно обязанность подчиняться тому лицу, которое брало ихъ подъ свое покровительство.

При слабыхъ преемникахъ Карла В. владѣльцы бенефиціевъ или феодовъ—т. н. ф е о д а л ы—скоро превратили, пользуясь слабостью центральнаго правительства, временно и условно пожалованныя имъ земли—въ наслѣдственную собственность. Равнымъ образомъ сдѣлались наслѣдственными различныя должности и соединенные съ ними титулы. (Наслѣдственность

должностей и феодовъ подтверждена была уже т. н. Керсійскимъ капитуляріемъ Карла Лысаго, 877 г.) А это имѣло весьма важное значеніе. Какъ только должность, напр., графа сдѣлалась наслѣдственной, графъ изъ управителя области по назначенію королемъ становился ея государемъ, и королевство, такимъ образомъ, стало распадаться на столько отдѣльныхъ государствъ, сколько было въ немъ графовъ. Кромѣ графовъ, наслѣдственными феодалами дѣлались вообще всѣ крупные землевладѣльцы, въ числѣ которыхъ были, напр., епископы, монастыри.

Пожалованіе феодомъ.

Короли сами помогали такому превращенію крупныхъ помѣщиковъ въ настоящихъ государей тѣмъ, что предоставляли имъ самимъ, помимо королевскихъ чиновниковъ, поддерживать порядокъ и творить судъ въ ихъ помѣстьяхъ. Такія порученія назывались иммунитетами. Сначала иммунитеты давались преимущественно духовнымъ владѣльцамъ, но потомъ ими стали пользоваться и свѣтскіе князья. Такимъ образомъ, на пространствѣ государства являлись какъ бы острова, до которыхъ правительственная власть не имѣла права коснуться. Обстоятельства складывались такъ, что этотъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ выдвигается на первый планъ и за-

бираетъ въ свои руки низшіе слои общества. 1) Постоянныя наступательныя войны Карла В. способствовали появленію особаго военнаго класса—конницы, рыцарей, которые являлись въ сопровожденіи своихъ «людей»; по отношенію къ этимъ людямъ рыцарь являлся «сеньоромъ» (Senior), т.-е. старшимъ, слѣдовательно, имѣлъ надъ ними нѣкоторую власть. 2) Набѣги норманновъ заставили западно-европейское общество группироваться не около центра, которымъ являлся король, а около мѣстныхъ укрѣпленій, около замковъ помѣщиковъ, которые за покровительство и помощь во время набѣговъ норманновъ, несомнѣнно, старались возможно дальше распространить свое вліяніе на окружавшее ихъ общество. 3) При Каролингахъ началась усиленная раздача земель въ вознагражденіе за службу, а вслѣдствіе этого, благодаря слабости королевской власти, всякій областной правитель, сдѣлавшійся наслѣдственнымъ графомъ или княземъ, былъ землевладѣльцемъ; наоборотъ, каждый помѣщикъ, благодаря иммунитетамъ, полученнымъ отъ слабыхъ королей, становился правителемъ. Такимъ образомъ, произошло полное соединеніе пользованія извѣстной властью съ владѣніемъ землей.

Конечно, не всѣ феодалы имѣли одинаковое значеніе: одни были важнѣе и сильнѣе, другіе ниже и слабѣе. При этомъ, такъ же, какъ въ эпоху Великаго переселенія народовъ, происходила «коммендація», т.-е. болѣе слабые землевладѣльцы волей-неволей искали покровительства у болѣе сильныхъ. Такимъ образомъ, одни феодалы становились вассалами другихъ. Это было прямой необходимостью въ эпоху постоянныхъ междоусобій, происходившихъ между феодальными владѣльцами. Тотъ, кто отдавался подъ покровительство другого, отказывался въ его пользу отъ своей земли и получалъ ее назадъ въ видѣ феода или лена. Между покровителемъ и коммендировавшимся устанавливались извѣстныя отношенія, подобно тому, какъ устанавливались они тамъ, гдѣ одинъ получалъ отъ другого землю для службы и на условіяхъ дальнѣйшей службы. Въ концѣ-концовъ всѣ помѣстья сдѣлались феодами и каждый помѣщикъ былъ въ одно и то же время и сеньоромъ и вассаломъ: сеньоромъ по отношенію къ тому, кого онъ принялъ подъ свое покровительство или кому далъ землю, а вассаломъ по отношенію къ лицу, отъ котораго онъ самъ «держалъ» землю. Получилась, такимъ образомъ, какъ бы феодальная лѣстница, вверху которой находился верховный сеньоръ или сюзеренъ-король. Высшую ступень феодальной лѣстницы занимали герцоги, потомъ графы, ниже ихъ—бароны, а еще ниже—простые рыцари (отъ нѣмецкаго слова «Ritter»—всадникъ).

Высшіе духовные сановники (архіепископы, епископы, аббаты) сдѣлались также феодальными владѣльцами, являясь въ одно и то же время и вассалами и сеньорами какого-нибудь лица. Это произошло потому, что церковь и монастыри вла-

Средневѣковые рыцари въ полномъ вооруженіи.

дѣли большими землями, которыя раньше, чѣмъ земли частныхъ лицъ, получили иммунитеты. Карлъ В. привлекалъ духовенство къ отбыванію чисто правительственныхъ обязанностей. Въ феодальную эпоху монастырское или церковное владѣніе разсматривалось вполнѣ какъ феодъ, а епископъ дѣлался

графомъ (духовнымъ) и вассаломъ короля или какого-нибудь свѣтскаго владѣльца.

Такимъ образомъ все западно-европейское общество раздѣлилось на 2 группы: сеньоры и вассалы наверху и остальная масса населенія внизу.

Высшій классъ — классъ господъ — составлялъ благородное сословіе, изъ котораго впослѣдствіи произошло дворянство. Это было сословіе, главной обязанностью котораго являлась, по выраженію средневѣковыхъ писателей, «защита страны оружіемъ». По этому взгляду весь народъ дѣлился на 3 группы: одни молятся за всѣхъ, другіе защищаютъ страну оружіемъ, а третьи работаютъ для пропитанія себя и высшихъ 2 слоевъ. Главной обязанностью духовенства было молиться за всѣхъ, но оно примыкало къ дворянству, такъ какъ набиралось, главнымъ образомъ, изъ этого сословія. Оба эти слоя общества рѣзко отдѣляли себя отъ «работниковъ» и «промышленниковъ»; въ свою очередь «работники» считались «безоружной толпой, которую воители (какъ сказано въ одномъ средневѣковомъ памятникѣ) должны защищать отъ вечернихъ волковъ, словно безвредное стадо».

Отношенія между сеньоромъ и вассаломъ были опредѣлены самымъ строгимъ образомъ. Вассалъ становился на колѣни передъ сеньоромъ и клалъ свои руки въ его руки. Этотъ обрядъ какъ бы обозначалъ, что вассалъ отдаетъ себя въ руки сеньора. Сеньоръ при этомъ цѣловалъ вассала и дѣлалъ ему какой-нибудь подарокъ, который долженъ былъ обозначать передачу лена—копье съ флагомъ, кольцо, перчатку или вѣтку съ дерева. Затѣмъ вассалъ давалъ своему сеньору клятву вѣрности, положивъ руку на Евангеліе или на ковчегъ съ мощами. Обычай врученія кольца, перчатки и т. п. назывался инвеститурой. По смерти вассала его феодъ долженъ былъ вернуться къ сеньору и сеньоръ могъ его удержать или отдать другому лицу; но установился обычай—отдавать феодъ наслѣдникамъ умершаго феодала, съ тѣмъ, чтобы новый держатель феода несъ тѣ же обязанности, что его, напр., отецъ. Такимъ образомъ феодальныя владѣнія стали наслѣдственными; впрочемъ, при смѣнѣ вассаловъ требовалось утвержденіе сеньора, который за это бралъ извѣстное вознагражденіе и производилъ обрядъ инвеституры.

Главной обязанностью вассала была военная служба; вассалъ обязанъ былъ помогать сеньору не менѣе 40 дней въ году и не далѣе предѣловъ извѣстнаго округа, если этотъ сеньоръ затѣвалъ войну. Въ особыхъ случаяхъ сеньору приходилось заключать съ вассаломъ особый договоръ, на который

вассалъ имѣлъ право и не соглашаться. Извѣстенъ, напр., такой фактъ изъ исторіи Германіи XII в.: одинъ германскій герцогъ (Генрихъ Левъ) наотрѣзъ отказался сопровождать императора Фридриха Барбароссу въ походъ на Италію, несмотря на всѣ просьбы и убѣжденія императора. Вассалъ долженъ былъ являться ко двору сеньора къ праздникамъ Рождества, Пасхи и Троицы, когда рѣшались на совѣтѣ у сеньора важныя дѣла. Онъ обязанъ былъ принимать у себя сеньора, когда тотъ совершалъ объѣздъ или охотился. Кромѣ того, онъ долженъ былъ помогать сеньору деньгами въ 4 случаяхъ: въ случаѣ посвященія въ рыцари старшаго сына сеньора, при выдачѣ замужъ старшей дочери, при выкупѣ сеньора изъ плѣна и при путешествіи его къ святымъ мѣстамъ.

Отношенія феодаловъ къ феодаламъ коротко и опредѣленно выражаются старинной французской поговоркой, которая гласитъ: «каждый баронъ есть полный государь въ своемъ баронствѣ» («Chaquin baron est souverain dans sa baronie»). Бароны считали себя равными другъ другу: даже между собой и королемъ они находили разницу только количественную, а не качественную. Такъ какъ каждый баронъ считался самостоятельнымъ государемъ, то отсюда вытекалъ цѣлый рядъ правъ барона—чеканить монету, право быть судимымъ такими же государями, какъ самъ баронъ, право частной войны. Послѣднее право было самымъ важнымъ правомъ средневѣковаго феодала и за это право они дольше всего боролись позднѣе съ королевской властью. Но отъ такихъ войнъ страдало мирное населеніе, больше всего крестьяне. Рыцаря въ его тяжеломъ вооруженіи убить было довольно трудно. Поэтому во время войнъ истребляли рабочій скотъ, уничтожали инструменты и орудія, вытаптывали поля и избивали крестьянъ. Въ виду этого церковь весьма рано стала вмѣшиваться въ отношенія феодаловъ другъ къ другу и всячески старалась ослабить зло частныхъ войнъ. Въ концѣ концовъ устанавливается т. н. «Божіе перемиріе» («Treuga Dei»): дѣлается постановленіе, что съ вечера четверга до утра понедѣльника нельзя воевать; устанавливаются извѣстныя ограниченія: врываться въ церковь нельзя, нельзя уничтожать мельниковъ или мельницъ; нельзя было рубить оливковыхъ деревьевъ въ Провансѣ, не слѣдовало трогать земледѣльческихъ орудій. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что «Божіе перемиріе» не особенно стѣсняло феодаловъ и частныя войны прекратились только съ развитіемъ королевской власти, которое начинается лишь въ XIII вѣкѣ.

Не менѣе разорительно было для крестьянъ исключительное право охоты феодаловъ. Лѣсовъ въ тѣ времена было весьма

много и они изобиловали дичью, какъ мелкой, такъ и крупной. Но охотиться на звѣрей имѣли право только феодалы: крестьянамъ строго воспрещалось не только охотиться въ лѣсахъ, но даже прогонять дичь съ полей и убивать звѣрей, если они уничтожали посѣвы крестьянъ. Охота феодала съ его свитой являлась, кромѣ того, для крестьянина своего рода непріятельскимъ нашествіемъ, такъ какъ всадники, въ погонѣ за звѣремъ, не разбирали дороги и топтали поля и луга.

Такъ какъ баронъ—государь, то судить его могли только пэры, т.-е. равные ему, товарищи его по подчиненію извѣстному сюзерену. Судъ этихъ пэровъ собирался подъ предсѣдательствомъ самого сюзерена, который, однако, не судилъ, а только руководилъ вызовомъ въ судъ и преніями сторонъ. Дѣло по существу не разбиралось; судъ, главнымъ образомъ, сводился къ тому, что враждующія стороны становились въ одинаковыя условія и потомъ имъ предлагалось рѣшить дѣло судомъ Божіимъ или при помощи ордалій (по древне-германскому обычаю, путемъ испытанія горячей водой, каленымъ желѣзомъ и т. п.). На такой судъ не было никакой апелляціи; провѣрить постановленіе или отмѣнить его было некому, такъ какъ здѣсь собрались государи судить одного изъ такихъ же государей. Однако, если одна изъ сторонъ была недовольна приговоромъ, то она обращалась къ судьѣ и обвиняла его «въ ложномъ приговорѣ». (Такимъ же образомъ поступали по отношенію къ свидѣтелю, показаніемъ котораго извѣстная сторона была недовольна.) Тогда получался поединокъ между стороной и судьей. Чтобы обезопасить судью отъ непріятностей, которыя могли его ожидать за приговоръ, этотъ приговоръ произносили обыкновенно нѣсколько судей (7, 10, даже 12), другъ за другомъ, но каждый отдѣльно, такъ что тутъ недовольной сторонѣ приходилось вызывать на поединокъ всѣхъ судей, а на это не всякій способенъ былъ отважиться.

Какъ государь, баронъ признавалъ только тѣ законы и постановленія, въ составленіи которыхъ онъ самъ участвовалъ, при чемъ онъ могъ и не согласиться на извѣстное постановленіе; впослѣдствіи это право нѣсколько видоизмѣнилось: баронъ могъ требовать, чтобы его вызывали для участія въ составленіи законовъ. Въ самыя позднія времена это привело къ участію представителей сословія (или сословій) въ составленіи законодательства.

Если баронъ находилъ, что король, его сеньоръ, или его пэръ дѣйствуютъ почему либо противъ него незаконно, онъ имѣлъ право оказать имъ сопротивленіе. Въ одномъ изъ средневѣковыхъ сборниковъ права (въ Іерусалимскихъ Ассизахъ)

мы прямо читаемъ, что сюзеренъ можетъ отказать своему вассалу въ просьбѣ собрать съѣздъ для разсмотрѣнія его законныхъ претензій: въ такомъ случаѣ оскорбленный вассалъ

Феодальный замокъ.

долженъ былъ собрать своихъ товарищей-пэровъ и заявить имъ, что сюзеренъ не даетъ ему «суда и права». Потомъ онъ снова требовалъ у сюзерена созыва съѣзда, и въ случаѣ но-

ваго отказа его товарищи должны были идти съ нимъ войной противъ его сюзерена.

Феодальное землевладѣніе. Особенностью земельнаго владѣнія было то, что всякое лицо владѣло землей по феодальному праву, по праву условнаго пользованія: собственности въ нашемъ смыслѣ слова не существовало; право пользованія допускалось только при извѣстномъ ограниченіи отъ высшаго собственника, а единственнымъ настоящимъ собственникомъ земли предполагался король. Изъ этого основного положенія развилось то обстоятельство, что всѣ земли феодальной эпохи стоятъ другъ отъ друга въ подчиненіи по степенямъ. За пользованіе однѣми землями платилось военной службой, за другія—деньгами или работой; но земли, свободной отъ повинности—нѣтъ. Это выражалось во французскомъ языкѣ поговоркой: «nulle terre sans seigneur», т.-е. всякій, имѣющій землю, обязанъ извѣстными повинностями по отношенію къ высшему сеньору и обязанъ показать, кто этотъ высшій собственникъ.

Сословный строй. Высшій классъ феодальнаго общества составляло военное сословіе, доставлявшее конницу. Въ этотъ классъ входили: 1) бароны, владѣльцы болѣе или менѣе значительныхъ леновъ, 2) рядомъ съ ними существовала масса т. н. рыцарей (Ritter), которые или владѣли маленькими участками земли (на условномъ правѣ) или даже не владѣли землей вовсе. Напр., когда ленъ поступалъ къ старшему сыну рыцаря, то его младшіе братья оставались безъ земли. Эта весьма многочисленная масса рыцарей имѣла очень важное значеніе. Такъ какъ вассалы обязаны были служить сеньору только извѣстный срокъ, а событія требовали содержанія крупныхъ военныхъ отрядовъ на болѣе долгое время, чѣмъ тѣ 40 дней, о которыхъ часто говорится въ феодальныхъ сборникахъ права, то владѣльцы крупныхъ леновъ были поставлены въ необходимость набирать себѣ помощниковъ изъ среды именно безземельныхъ рыцарей. Положеніе ихъ являлось до извѣстной степени зависимымъ, но они пользовались почти всѣми феодальными правами и подлежали (вышеописанному) феодальному суду.

Рядомъ съ этимъ чисто военнымъ классомъ стоятъ небольшіе остатки стараго городского населенія. Особенно много остатковъ такихъ старыхъ свободныхъ людей сохранилось въ Англіи. Всѣ они находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ королей.

Массу населенія составляли крѣпостные крестьяне. Этотъ классъ сложился изъ нѣсколькихъ элементовъ: съ одной стороны, въ него вырождаются древніе рабы, съ другой—въ него

опускаются прежніе свободные; есть въ этой массѣ и остатки тѣхъ полусвободныхъ классовъ, о которыхъ сообщаетъ еще Тацитъ и которыхъ, подъ разными названіями, можно найти и у франковъ, и у лангобардовъ, и у саксонцевъ. Общее положеніе этихъ крѣпостныхъ было весьма тяжелое. Крестьянинъ вполнѣ былъ подчиненъ тому, на чьей землѣ въ данный моментъ онъ сидѣлъ, и ничто и никто не могъ остановить произвола господина. «За злоупотребленія взыщетъ Богъ»,—говоритъ средневѣковая теорія, т.-е., другими словами, лишній разъ подчеркивалось полное безправіе крестьянской массы.

Средневѣковая деревня.

Это безправіе выражается, напр., въ обычаѣ, который носилъ названіе «мертвой руки» (manus mortua). По этому установленію выходило, что крестьянинъ не имѣетъ рѣшительно ничего собственнаго на томъ клочкѣ земли, который онъ занимаетъ; во всякое время помѣщикъ, которому принадлежитъ земля, можетъ взять его участокъ, его рабочій инвентарь, можетъ отказать сыну въ утвержденіи наслѣдства. На практикѣ это право рѣдко примѣнялось, такъ какъ помѣщику не было расчета произвольно отнимать у крестьянина или его наслѣдниковъ участокъ. Но дѣти крестьянина, получая послѣ отца

дворъ и землю, обязаны были платить помѣщику извѣстную сумму денегъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣщикъ не брезговалъ платьемъ, сукномъ или полотномъ домашней выдѣлки; въ Англіи и Германіи онъ бралъ обыкновенно за это лучшую голову скота, почему и самое право помѣщика называлось Besthaupt.

Крестьянинъ не имѣлъ никакихъ личныхъ правъ. Самъ онъ, его семейство и дѣти принадлежали помѣщику. Вслѣдствіе этого строго запрещались браки «смѣшанные», т.-е. крестьянинъ одного помѣщика не имѣлъ права выдавать замужъ дочь за крестьянина сосѣдняго помѣщика: дочь крестьянина—виллана—должна была выходить замужъ въ предѣлахъ своей бароніи; въ противномъ случаѣ помѣщикъ бралъ большой выкупъ, а иногда случалось, что помѣщики заключали между собой соглашеніе, въ силу котораго дѣти отъ такихъ браковъ дѣлились между помѣщиками. За землю, которую крестьянинъ получалъ отъ сеньора, онъ обязанъ былъ тяжелой работой—оброкомъ, который платился сначала натурой, а съ XIII вѣка сталъ платиться деньгами. Кромѣ того, каждый крестьянинъ обязанъ былъ нести весьма тяжелую барщину—каждый дворъ работалъ на господина не менѣе 3 дней въ недѣлю. Точно было распредѣлено и указано, когда начинать сѣнокосъ или жатву; но въ экстренныхъ случаяхъ помѣщикъ могъ выгнать на свои поля и луга все населеніе деревни, кромѣ хозяйки, которая оставалась дома, и, конечно, кромѣ стариковъ и дѣтей.

Слѣдуетъ отмѣтить т. н. «банальныя повинности». Эти повинности вытекали не изъ права землевладѣльца надъ своими крѣпостными, а изъ права государя надъ своими подданными. (Вѣдь баронъ—государь въ своемъ баронствѣ.) Устанавливается цѣлый рядъ политическихъ и экономическихъ преимуществъ барона, которыя примѣнялись какъ къ крѣпостнымъ, такъ и къ свободнымъ, жившимъ на землѣ извѣстнаго помѣщика. Самыми обыкновенными изъ этихъ правъ были «право помола» и право «винограднаго точила». Только одинъ помѣщикъ могъ держать мельницу или виноградный прессъ, и онъ требовалъ, чтобы его крестьяне въ соотвѣтствующихъ случаяхъ обращались къ нему. Онъ вывозилъ свои припасы 2—3-мя днями раньше крестьянъ на рынокъ; онъ запрещалъ крестьянамъ имѣть печь для хлѣба, а строилъ для деревни свою, и за печеніе хлѣбовъ бралъ извѣстную часть припека; очень распространенъ былъ обычай устраивать на землѣ помѣщика загонъ для скота, вслѣдствіе чего только помѣщикъ пользовался навозомъ, и мн. др.

Рядомъ съ крѣпостнымъ населеніемъ существовало сравнительно малочисленное свободное населеніе. Эти свободные

получали отъ помѣщика землю въ наслѣдственную аренду, платили за нее оброкъ и несли опредѣленныя повинности. Поэтому отъ владѣльца земли они зависѣли только потому, что сидѣли на его землѣ. Они были вѣчными арендаторами; положеніе ихъ было утверждено навсегда, такъ какъ помѣщикъ не имѣлъ права отнять у нихъ землю или увеличить повинности. Подъ условіемъ аккуратной уплаты условленной суммы, они могли свободно распоряжаться своими участками, могли завѣщать ихъ или дробить свои части. (Впрочемъ, случалось, что своевольный помѣщикъ обращался съ ними, какъ съ своими крѣпостными, и свободные люди мало-по-малу обращаются въ крѣпостныхъ, теряя постепенно свои права.)

Города также вошли въ общую феодальную систему. Но въ первой половинѣ Ср. вѣковъ города не имѣютъ никакого значенія. Феодальные сеньоры жили въ своихъ замкахъ среди своихъ помѣстій, какъ въ отдѣльныхъ государствахъ, и не нуждались въ городахъ: все, для нихъ необходимое, производилось въ помѣстьяхъ руками ихъ крѣпостныхъ. Отдѣльныя хозяйства—замки—почти не мѣнялись своими произведеніями, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Въ феодальномъ обществѣ не было ни продавцовъ, ни покупателей. Предметы роскоши требовались въ очень ограниченномъ количествѣ и спросъ на нихъ совершенно удовлетворялся евреями, торговавшими въ разносъ. Въ виду этого и горожанамъ, чтобы не умереть съ голода, приходилось, какъ крѣпостнымъ или свободнымъ арендаторамъ, заниматься земледѣліемъ. Все отличіе древняго средневѣковаго города отъ деревни заключалось только въ томъ, что онъ былъ окруженъ стѣной. Какъ и деревня, городъ обыкновенно находился въ зависимости отъ свѣтскаго или духовнаго сеньора. Позднѣе, въ эпоху крестовыхъ походовъ (1096—1291), появляется уже особое городское сословіе.

Рыцарство. Высшій классъ феодальнаго общества является военнымъ сословіемъ: свѣтскіе люди считали военную жизнь единственнымъ почетнымъ образомъ жизни.

Весь этотъ классъ извѣстенъ подъ именемъ рыцарскаго, такъ какъ всѣ феодалы сражались (начиная съ IX в.) исключительно на лошадяхъ. Съ теченіемъ времени рыцари сдѣлались почетнымъ военнымъ сословіемъ, вступленіе въ которое совершалось посредствомъ особаго обряда посвященія въ рыцари и которое имѣло свои особые обычаи, для всѣхъ обязательные. Носить оружіе—считалось честью; поэтому, прежде, чѣмъ получить это право, нужно было сдѣлаться достойнымъ этой чести. И постепенно обрядъ посвященія въ рыцари превратился въ сложную религіозную церемонію. Оружіе вруча-

лось молодому рыцарю священникомъ или епископомъ, который при этомъ напоминалъ посвящаемому его обязанности—защищать слабыхъ, вдовъ и вообще угнетенныхъ, а прежде всего Церковь, говорить всегда и вездѣ только правду, соблюдать разъ данное слово, избѣгать нечистыхъ способовъ обогащенія и т. д. Для церемоніи выбирались обыкновенно дни большихъ праздниковъ—Пасхи или Троицына дня, а иногда посвященіе пріурочивалось къ какимъ-нибудь большимъ домашнимъ торжествамъ у герцога, графа и т. п. Рыцарское общество под-

Рыцарскій праздникъ.

чинялось въ своей жизни особымъ обычаямъ «рыцарской чести и вѣжливости», которыя вырабатывались постепенно и не измѣнялись въ продолженіе почти всѣхъ Ср. вѣковъ. (Особенно развилось въ рыцарствѣ вѣжливое обращеніе съ дамами, перешедшее даже въ особый культъ дамы.)

Распространеніе феодальныхъ учрежденій.

Феодализмъ возникъ и развился въ странахъ, образовавшихся изъ имперіи Карла В., но получилъ распространеніе и за ея

предѣлами. Изъ Германіи феодальные порядки проникли къ венграмъ, славянамъ и скандинавамъ; изъ Франціи, путемъ завоеванія, они были перенесены въ Англію и Южную Италію. Такимъ образомъ, для народовъ Зап. Европы феодализмъ сдѣлался общимъ явленіемъ. Но въ разныхъ частяхъ монархіи Карла В. феодализмъ получилъ различный характеръ. Во Франціи, Сѣв. и Ср. Италіи произошло крайнее раздробленіе земельной собственности: самостоятельныя феодальныя государства можно считать тысячами. Въ Испаніи, гдѣ древнее государство христіанъ было уничтожено арабами, каждый изъ уцѣлѣвшихъ вестготскихъ государей принималъ титулъ короля, такъ что, по выраженію лѣтописца, было столько королей, сколько было провинцій. Въ Германіи крупные землевладѣльцы старались стать въ болѣе или менѣе независимое положеніе отъ императора и сначала это имъ удавалось, но съ XIII вѣка феодальная раздробленность устанавливается и въ Германіи. Въ Англіи феодализмъ получаетъ особый характеръ: король не теряетъ власти надъ всей землей.

Феодализмъ во Франціи.

Послѣ раздѣленія монархіи Карла В. въ 843 г., Франція постепенно стала дробиться на мелкія части, которыя, принадлежа феодальнымъ князьямъ, почти не зависѣли отъ короля. Главными изъ такихъ феодальныхъ княжествъ были область Иль-де Франсъ, Бретанское, Тулузское, Аквитанское, Бургундское, Шампанское, Фландрія и Нормандія. Владѣльцы каждаго изъ этихъ княжествъ имѣли въ своихъ земляхъ права верховныхъ правителей и только клятва, которую они сами давали королю, напоминала такому владѣтелю о его зависимости отъ королевской власти. Короли, преемники Карла В., благодаря раздачѣ своихъ земель феодаламъ, были разорены и не имѣли средствъ для внушенія феодаламъ мысли о необходимости имъ подчиняться; мало того, въ своихъ даже собственныхъ земляхъ они не разъ подвергались опасности быть захваченными въ плѣнъ кѣмъ нибудь изъ своихъ вассаловъ. Особенно послѣдніе Каролинги не имѣли никакой силы, такъ какъ ихъ собственныя владѣнія состояли почти исключительно изъ города Лаона съ его округомъ. Все безсиліе королей выразилось въ борьбѣ съ норманнами въ IX вѣкѣ, которые заставили королей Франціи уступить имъ значительную часть территоріи на С.-З. Франціи, гдѣ и образовалось герцогство Нормандское.

Когда прекратилась династія Каролинговъ во Франціи, французскіе феодалы выбрали на королевскій престолъ одного изъ

своей среды Гуго Капета (987 г.). Выборъ палъ на него потому, что его владѣнія были весьма невелики сравнительно съ землями другихъ феодаловъ, и онъ такимъ образомъ не представлялся опаснымъ для феодальныхъ князей. Ему принадлежала небольшая область Иль-де-Франсъ съ двумя значительными городами—Парижемъ и Орлеаномъ. (Въ этой же области находилось нѣсколько маленькихъ владѣній бароновъ, которые чрезвычайно стѣсняли дѣятельность короля.) По подсчету историковъ, Капету принадлежало пространство, равное 5 нынѣшнимъ департаментамъ Франціи; рядомъ съ его владѣніями лежали: Фландрія въ 4 департамента, Нормандія и Бретань по 5 деп-товъ, Шампань—въ 6 деп-товъ, Аквитанія въ 33 деп-та, Бургундія, Лотарингія и Арелатъ—вмѣстѣ 21 департаментъ. Вслѣдствіе территоріальной слабости власть перваго Капетинга была очень невелика. Правда, онъ носилъ титулъ короля, но онъ являлся только «первымъ между равными». Какъ смотрѣли на своего вновь избраннаго короля феодалы, видно изъ слѣдующаго: на югѣ Франціи нѣкто Адальбертъ Перигорскій возмутился противъ своего сеньора и образовалъ самостоятельное княжество. Капетъ потребовалъ его на судъ и между прочимъ спросилъ: «Кто сдѣлалъ тебя княземъ?» Адальбертъ отвѣтилъ на это: «А кто сдѣлалъ тебя королемъ?» Отвѣтъ подразумѣвается такой: то же феодальное право. Такимъ образомъ, разница между королемъ и какимъ-нибудь сеньоромъ была только количественная, но не качественная. Неудивительно, что положеніе короля было довольно жалкое. Мы читаемъ про сына и преемника Гуго Капета—Роберта I, что его восхваляли за религіозность, за то, что онъ пѣлъ на клиросѣ, не сердился, когда его обманывали и обкрадывали, но, какъ государь, онъ не внушалъ къ себѣ никакого уваженія и даже ближайшіе сосѣди его не боялись.

Сознавая свою слабость, первые Капетинги воздерживались отъ крупныхъ предпріятій, а старались утвердить свою власть въ предѣлахъ ихъ области. Между прочимъ, чтобы упрочить престолъ за своимъ домомъ, Капетинги ввели обычай коронаціи наслѣдника: царствующій король еще при жизни назначалъ себѣ преемника и короновалъ его церковнымъ обрядомъ. Вассалы уступили не сразу и примирились съ этимъ нововведеніемъ только за извѣстное вознагражденіе. Тѣмъ не менѣе въ концѣ-концовъ наслѣдственность престола была установлена.

Въ концѣ XI вѣка произошло 2 событія, которыя способствовали усиленію власти французскихъ королей: въ 1066 году герцогъ нормандскій переправился въ Англію, завоевалъ ее и сдѣлался англійскимъ королемъ; въ самомъ концѣ XI вѣка

начались т. н. крестовые походы. Оба эти предпріятія вывели изъ Франціи массу безпокойныхъ людей и феодаловъ, искавшихъ славы, богатствъ и приключеній. Оставшіеся феодалы ослабѣли, и королю стало легче справляться съ ними. Съ половины XII вѣка власть французскихъ королей значительно усиливается.

Феодализмъ въ Англіи.

Феодализмъ въ Англіи былъ занесенъ въ 1066 году, когда Англія была завоевана Вильгельмомъ Нормандскимъ, извѣстнымъ подъ именемъ Вильгельма Завоевателя.

Въ то время, когда норманны завоевали Англію, вся она дѣлилась на множество частей, въ каждой изъ которыхъ сохранялись слѣды ихъ прежней самостоятельности. Самой мелкой изъ такихъ частей было село, съ сельскимъ сходомъ во главѣ; сходъ слѣдилъ за веденіемъ общиннаго хозяйства и разбиралъ мелкія судебныя дѣла. (Въ городахъ, пользовавшихся нѣсколько большей самостоятельностью, сельскому сходу соотвѣтствовали городскія собранія.) Слѣдующимъ дѣленіемъ была сотня, объединявшая нѣсколько селъ и помѣстій. Въ собраніе сотни, наряду съ крупными землевладѣльцами, являлись староста и 4 представителя отъ каждаго села; разбирались на такихъ собраніяхъ болѣе важныя уголовныя дѣла или дѣла, касавшіяся сразу нѣсколькихъ селъ. Во главѣ цѣлой области и графства стояло собраніе графства, которое могло издавать законы для цѣлой области: собранія графства наблюдали за жизнью всего округа и съ ними вели переговоры и представители центральной власти. Но эта власть дѣйствовала не одна, а съ т. наз. витенагемотомъ (собраніемъ мудрыхъ): это былъ королевскій совѣтъ, который составлялся какъ изъ дружинниковъ короля, по его приглашенію, такъ и изъ представителей областей и сословій. Благодаря существованію мѣстной самостоятельности, королевская власть не могла оказывать сильнаго вліянія въ той или другой области; съ другой стороны, оно пріучало англійское общество къ самоуправленію и политической дѣятельности.

Покоривъ Англію, норманны, вслѣдствіе своей малочисленности (сравнительной), не могли вполнѣ уничтожить мѣстную самостоятельность: собранія сотенъ и графствъ продолжали засѣдать и дѣйствовать попрежнему; правда, село признало надъ собой власть барона, которому отдана была Вильгельмомъ Завоевателемъ извѣстная часть территоріи, но сходъ не потерялъ своей силы вполнѣ и баронъ являлся на немъ только предсѣдателемъ. Тѣмъ не менѣе при Вильгельмѣ и его бли-

жайшихъ преемникахъ королевская власть была, по разнымъ причинамъ, довольно могущественной: съ одной стороны, покоренные норманнами саксы поддерживали ее въ борьбѣ съ непокорными баронами, съ другой—сами бароны, чувствуя свою малочисленность среди враждебнаго населенія, тоже тѣснились поближе къ королю; кромѣ того, необходимо отмѣтить слѣдующее отличіе англійскаго феодализма отъ феодализма на материкѣ Европы. Будучи самъ феодальнымъ княземъ, Вильгельмъ хорошо сознавалъ всѣ отрицательныя стороны феодальнаго устройства, а потому, сдѣлавшись королемъ Англіи, онъ принялъ мѣры для того, чтобы феодалы не были опасны для королевской власти. Прежде всего, онъ не давалъ одному лицу крупнаго помѣстья въ одномъ мѣстѣ; если между его вассалами и попадались позднѣе крупные землевладѣльцы, то владѣнія ихъ были обыкновенно разбросаны по всему пространству англійскаго государства, чѣмъ уничтожалась возможность слишкомъ сильнаго вліянія этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ на другихъ феодаловъ; а кромѣ того, ему не такъ легко было сосредоточить свои силы противъ короля, если бы онъ это захотѣлъ сдѣлать. Въ общемъ, королевскія земли величиной превосходили земли феодаловъ. Право суда и право собиранія податей и налоговъ осталось въ каждомъ феодальномъ владѣніи за королемъ. Землевладѣльцы были устранены отъ управленія графствами, въ которыя были назначены чиновники-шерифы, которыхъ назначалъ и смѣнялъ самъ король. Наконецъ вассалы вассаловъ (т. н. подвассалы), кромѣ клятвы своему сеньору, приносили клятву вѣрности и королю: такимъ образомъ, ихъ сеньоры не могли поднять ихъ противъ короля, а вслѣдствіе этого они не могли сдѣлаться сильными противниками короля и самостоятельными государями, какъ это происходило на материкѣ Европы.

Желая привести въ извѣстность государственные доходы и повинности, Вильгельмъ велѣлъ произвести перепись всей поземельной собственности въ государствѣ, съ обозначеніемъ владѣльцевъ отдѣльныхъ участковъ и тѣхъ повинностей, которыя лежали на каждомъ земельномъ участкѣ. Эта перепись извѣстна подъ именемъ «Книги Страшнаго Суда» (Doomsdaybook). Въ ней весьма многія земли, отнятыя у англосаксонской знати, являются записанными за новыми владѣльцами изъ норманнскихъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта перепись показываетъ силу англійскаго короля, которому всѣ безусловно повиновались.—Но совершенно уничтожить мѣстную самостоятельность въ Англіи норманнскіе короли оказались не въ силахъ: даже витенагемотъ, собраніе свѣт-

скихъ и духовныхъ князей, сохранился, превратившись въ феодальный съѣздъ всѣхъ непосредственныхъ вассаловъ короля, который созывался 3 раза въ годъ—на Пасхѣ, на Троицу и на Рождествѣ—для совѣщанія о законодательныхъ вопросахъ и о податяхъ.

Феодализмъ въ Германіи.

Исторія развитія государственной власти въ Германіи послѣ Карла В. тѣсно связана съ двумя вопросами: съ національными стремленіями отдѣльныхъ областей, искусственно сплоченныхъ въ одну массу, и съ развитіемъ могущества духовенства. Преемники Карла В. не хотѣли отказаться отъ мысли о единствѣ имперіи, но въ то же время чувствовали потребность дать извѣстное значеніе областямъ; поэтому въ областяхъ ставятся отдѣльные начальники, хотя и изъ фамиліи Каролинговъ. Но скоро между преемниками Карла В. начинаются усобицы: каждый изъ сыновей Людовика Благочестиваго имѣетъ въ виду свои личные интересы, каждый хочетъ расширить свою область. Такое впечатлѣніе получается при бѣгломъ взглядѣ на исторію Германіи при преемникахъ Карла В. Но на самомъ дѣлѣ, подъ споромъ сыновей императора идетъ споръ между областями, которыя были слабо связаны между собою.

Съ Карла Великаго выступаетъ на сцену исторіи Германіи и другая сила, созданная Карломъ В.,—сила духовенства. Въ государствѣ Карла В. духовенство играло политическую и административную роль. Ему принадлежали громадныя земли и оно имѣло поэтому большое значеніе, какъ классъ землевладѣльческій; ему ввѣрена была также административная власть: на духовенство приходилось опираться потому, что при ограниченномъ политическомъ кругозорѣ варваровъ, еще не привыкшихъ къ обширнымъ политическимъ соединеніямъ, свѣтская власть тянула скорѣе въ сторону узко-мѣстнаго развитія; такой силой, которая возвышалась бы надъ мѣстными интересами, которая руководилась бы болѣе обширной традиціей, чѣмъ традиція отдѣльной области или даже отдѣльнаго города, было духовенство. И послѣ Карла В. духовенство поняло свою силу. На соборѣ въ 829 году въ Парижѣ было высказано общее положеніе, что Церковь въ своей совокупности имѣетъ опеку и направляетъ дѣятельность: сначала проведена была разница между свѣтскими и духовными отношеніями; затѣмъ Церковь ясно и прямо потребовала себѣ надзора за свѣтскими отношеніями и высказала мысль о посредствую-

щемъ значеніи Церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда въ государствѣ возникаютъ усобицы и раздоры. На основаніи этого взгляда папа Григорій IV (въ 833 г.) вмѣшивается въ распрю между Людовикомъ Благочестивымъ и Лотаремъ I въ пользу послѣдняго, и Людовикъ вынужденъ былъ принести покаяніе и просить прощенія и помощи у Церкви. Такимъ образомъ императорская власть вслѣдствіе внутренняго раздора, вслѣдствіе того, что единство имперіи было подорвано, съ одной стороны, династическими, съ другой національными противоположностями, вынуждена была склониться передъ властью того духовенства, которое, по мысли Карла Великаго, должно было быть самымъ сильнымъ орудіемъ имперіи.

При распространеніи христіанства среди германцевъ Церковь всячески привлекалась на службу правительства: государство вводило христіанство съ тѣмъ, чтобы дѣлать изъ епархій и монастырей прежде всего соціально вліятельныя корпораціи. Монастыри получали массу земли, частью пустопорожней, частью уже заселенной мелкими свободными людьми, и на монастыри возлагалась обязанность—заселить мѣстность и вызвать ее къ хозяйственной дѣятельности. И монастыри въ большинствѣ случаевъ успѣшно справились съ поставленной имъ задачей. Скоро на монастырскія земли стали переселяться люди съ земель свѣтскихъ владѣльцевъ, такъ какъ на монастырскихъ земляхъ они избавлялись отъ военной службы, а кромѣ того, монастыри, благодаря своей близости къ правительству, могли доставлять своимъ колонистамъ такія льготы, какихъ свѣтскіе владѣтели оказать не могли. Епископы и монастыри постепенно оказались сильнѣе не только мѣстныхъ землевладѣльцевъ, но и назначаемыхъ правительствомъ графовъ, такъ какъ графы рѣдко опирались на обширныя связи, бывшія въ распоряженіи монастырей и епископовъ, а кромѣ того они рѣдко могли проводить свои тенденціи, такъ какъ ихъ смѣняли весьма часто.

По составу населенія Германія является весьма неоднородной, хотя на всемъ протяженіи ея господствовалъ нѣмецкій языкъ, въ отличіе отъ французскаго въ бывшей Галліи. Тѣ племенные союзы, которые играли громадную роль при завоеваніи римскихъ провинцій, которые сломили, можно сказать, силу Рима, продолжали существовать и раздѣлять германскую націю на нѣсколько группъ. Главныхъ племенныхъ союзовъ было три: франки, по Рейну, швабы на ю.-з. Германіи (къ нимъ можно прибавить остатки свевскихъ и аллеманскихъ племенъ) и саксонцы на сѣверѣ; рядомъ съ ними нужно поставить союзъ болѣе смѣшаннаго происхожденія, но также

имѣющій племенной характеръ — баваровъ. И во всѣхъ этихъ союзахъ выдѣляются самостоятельныя племенныя герцогства; кромѣ того, является Лотарингія, германскій остатокъ королевства Лотаря, которая также имѣла самостоятельное положеніе, если не племенное (такъ какъ въ составъ ея населенія входили франки), то политическое. Герцогская власть въ этихъ областяхъ образуется вслѣдствіе различныхъ комбинацій. Больше всего элементъ племенной обособленности замѣтенъ въ образованіи Саксонскаго герцогства, начало которому надо считать отъ одного изъ князей, перешедшаго на сторону Карла Великаго во время его борьбы съ саксами и потому уцѣлѣвшаго, хотя и въ составѣ Германской имперіи. Въ Баваріи, бывшей пограничнымъ оплотомъ имперіи противъ Италіи, аваровъ и славянъ, герцогская власть—военнаго происхожденія, но постепенно военачальникъ баварской пограничной области (марки) превращается въ національнаго вождя племени. Въ Швабіи герцогская власть развивается изъ института «королевскихъ посланцевъ» Карла В.: тамъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, наѣзжавшіе время отъ времени ревизоры были замѣнены постоянными: область была поставлена подъ надзоръ лица, постоянно въ ней живущаго. Такимъ образомъ является еще новое основаніе герцогской власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Швабіи, какъ и въ сосѣдней Франконіи, замѣтно стремленіе мѣстныхъ графовъ округлить свои владѣнія и стать въ положеніе, независимое отъ императора.

Существованіе этихъ четырехъ (по крайней мѣрѣ) отдѣльныхъ крупныхъ политическихъ единицъ не давало власти нѣмецкихъ государей развиваться въ глубину, а потому власть эта старалась развиваться въ ширину. Она чувствовала себя не въ состояніи одолѣть племенное сопротивленіе внутри государства и потому поставила своей задачей—представлять общегерманскую національность въ противоположность всѣмъ національностямъ—славянской, французской и итальянской. Такой задачей и опредѣляется ходъ развитія императорской власти въ Германіи.

Существованіе въ Германіи нѣсколькихъ крупныхъ племенныхъ герцогствъ было причиной того, что въ 911 г. послѣ смерти Людовика Дитяти династія Каролинговъ въ Германіи прекратилась. Возможно было бы искусственно продолжить династію путемъ приглашенія какого-нибудь Каролинга изъ Франціи, но выставлено было требованіе, чтобы центральная власть была связана съ одной изъ мѣстныхъ племенныхъ властей. И именно на этомъ основаніи и произошло избраніе въ императоры сначала герцога франконскаго Конрада, а чрезъ нѣсколько лѣтъ герцога саксонскаго—Генриха I Птицелова.

Саксонскій домъ. Генрихъ I рѣшилъ утвердить сначала свою власть въ качествѣ государя Саксоніи: какъ герцогъ Саксоніи, онъ дѣйствовалъ противъ славянъ между Эльбой и Одеромъ, противъ чеховъ (его дѣятельность можно сравнить съ дѣятельностью первыхъ Капетинговъ во Франціи); даже противъ венгровъ онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ какъ герцогъ саксонскій, стараясь укрѣпиться въ предѣлахъ Саксоніи и развить тамъ тяжелыя конныя ополченія, тогда какъ вся остальная Германія оставлена была на произволъ судьбы и почти до самаго конца царствованія Генриха I платилась дань венграмъ.

Совершенно на другой точкѣ зрѣнія стоялъ его сынъ и преемникъ—Оттонъ I (936—973). Сначала онъ попытался выступить изъ той тѣсной областной политики, которую велъ его отецъ, и точно опредѣлить свои отношенія къ другимъ герцогамъ. Онъ силой подчинилъ себѣ всѣхъ герцоговъ, но оказался не въ состояніи удержать всю Германію въ своихъ рукахъ; онъ, правда, во всѣхъ герцогствахъ посадилъ своихъ родственниковъ, но съ каждымъ изъ нихъ онъ заключилъ договоръ на отдѣльныхъ основаніяхъ, и общей чертой этихъ договоровъ является то, что Оттонъ дѣлаетъ уступки герцогамъ, т.-е., другими словами, уже не считаетъ возможнымъ вполнѣ уничтожить племенныя особенности.

Но чувствуя, что свѣтская власть такимъ образомъ уходитъ изъ подъ ногъ, Оттонъ I начинаетъ искать поддержки у епископовъ, старается противъ интересовъ свѣтскихъ князей поставить интересы князей духовныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ въ виду организовать всю массу духовныхъ княжествъ такъ, чтобы изъ нея составить своего рода общеимперскую силу. Онъ, прежде всего, развиваетъ церковный иммунитетъ и отказывается отъ права чеканить монету, отъ права суда въ областяхъ духовныхъ князей и передаетъ эти права епископамъ и аббатамъ: такимъ образомъ все духовенство оказывается изъято изъ-подъ контроля императорскихъ намѣстниковъ и вліянія герцоговъ. Такая политика, естественно, доставила Оттону громадную силу: если разобрать грамоту, которою императоръ вызывалъ свое войско, то окажется, что въ составѣ этого войска двѣ трети принадлежитъ духовнымъ землямъ. Духовныя же земли доставляли императору содержаніе. Самъ Оттонъ и его сыновья не имѣли, можно сказать, постоянной столицы, а весьма часто переѣзжали изъ одного города въ другой, но главными ихъ квартирами при этихъ переѣздахъ были всегда большіе монастыри и города епископовъ, которые обязаны были содержать императора и его дворъ.

Такимъ образомъ цѣною обоюдныхъ соглашеній складывается извѣстная сила государства, основанная на духовномъ иммунитетѣ. Этой-то силой и воспользовался Оттонъ, чтобы въ концѣ-концовъ возстановить зданіе имперіи. Его вмѣшательство въ дѣла внѣ-германскія было значительнѣе, нежели вмѣшательство кого-либо изъ его наслѣдниковъ. Онъ вмѣшался во французскія отношенія и во Франціи поддержалъ Людовика Заморскаго противъ Гуго Капета, который уже тогда пытался захватить въ свои руки власть, пользуясь нерасположеніемъ населенія къ королю-иностранцу. Затѣмъ онъ поддержалъ въ Италіи королеву Адельгейду противъ Беренгара Иврейскаго и овладѣлъ ломбардской короной. И это интернаціональное значеніе Оттона, которое держалось на расцвѣтѣ духовной власти, завершалось тѣмъ, что въ 962 году онъ вмѣшался прямо въ римскія дѣла, пошелъ въ Италію и стѣснилъ настолько папу Іоанна XII, что папа долженъ былъ исполнить желаніе Оттона и короновать его. Но императоръ на этомъ не остановился. Онъ, какъ извѣстно, смѣстилъ папу Іоанна XII и поставилъ своего, изъ нѣмцевъ. И вообще Оттонъ въ своей итальянской дѣятельности чрезвычайно сильно и успѣшно выражалъ ту идею, которая была еще у Карла В., именно, что, хотя папскій престолъ въ духовныхъ дѣлахъ независимъ, тѣмъ не менѣе его постояннымъ опекуномъ является императоръ. Въ данномъ случаѣ Оттона поддерживало не только нѣмецкое духовенство и его нѣмецкіе подданные, но онъ находилъ нравственную поддержку въ самыхъ историческихъ условіяхъ. Какъ извѣстно, въ это время власть папы чрезвычайно низко упала, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостойнаго образа жизни папъ. Іоаннъ XII выдавался своими пороками даже среди другихъ папъ, и неудивительно, что въ борьбѣ съ нимъ Оттонъ имѣлъ на своей сторонѣ симпатіи лучшихъ людей тогдашняго общества.

Вмѣшательство въ итальянскія дѣла еще больше усиливалось при преемникахъ Оттона I и особенно ярко выражается въ дѣятельности Оттона III (983—1002), который, проникнувшись идеей всемірной римской имперіи, совершенно забросилъ германскія дѣла и вездѣ и всюду чувствовалъ себя «римляниномъ». Во время одного изъ волненій въ Италіи онъ, напр., съ такими словами обратился къ возставшимъ жителямъ г. Рима: «Vosne estis mei Romani? Propter vosquidem meam patriam, propinquos quoque reliqui. Amore vestro meos Saxones et cunctos Teutiscos, sanguinem meum proieci»—т.-е. «Не вы ли— мои римляне? Ради васъ я оставилъ мою родину и своихъ близкихъ. Изъ-за любви къ вамъ я пренебрегъ саксонцами и

всѣми германцами, моими соплеменниками!»—Такое увлеченіе итальянскими дѣлами имѣло своимъ дурнымъ послѣдствіемъ то, что роняло авторитетъ императора въ Германіи, такъ какъ ясно было всѣмъ, что императоръ забывалъ про свое главное назначеніе—управлять нѣмецкимъ народомъ.

Одновременно Оттонъ много содѣйствовалъ тому движенію, которое впослѣдствіи должно было свалить императора: онъ всей душой сочувствовалъ мистическому и аскетическому возрожденію, которое зародилось во Франціи и извѣстно подъ именемъ Клюнійскаго движенія (см. главу о папствѣ), и ему до извѣстной степени удалось поднять низко упавшее папство и духовенство.—Такимъ образомъ, когда прекратилась Саксонская династія, другъ противъ друга стояли двѣ силы—императорская власть и духовенство, до извѣстной степени реорганизованное и занимавшее въ имперіи болѣе или менѣе привилегированное положеніе. И являлся вопросъ, въ состояніи ли будетъ духовенство окончательно реорганизовать свой строй, а затѣмъ воспользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы сокрушить ту власть, которая въ сущности только на духовенствѣ и держалась—власть императора. Эти вопросы ставились и разрѣшались въ эпоху Салическихъ императоровъ.

Салическій домъ. При первыхъ императорахъ Салическаго (Франконскаго) дома слабость положенія свѣтской власти совершенно незамѣтна. Напротивъ, имп. Генрихъ III представляетъ собой, можно сказать, самое сильное напряженіе внѣшняго могущества Германской имперіи. Италія подчинялась ему безусловно, тѣмъ болѣе, что папы назначались императоромъ; онъ одержалъ верхъ надъ славянами, ему подчинилась Бургундія. Власть его — власть абсолютная. Курьезное выраженіе этого находимъ мы у одного лѣтописца, который говоритъ со страхомъ о силѣ императора; онъ говоритъ, что императоръ Генрихъ все можетъ сдѣлать, его не можетъ стѣснять никакой законъ, что онъ—сильнѣе закона: у закона—бронзовый носъ, а у Генриха—рука желѣзная, которая можетъ согнуть этотъ носъ, куда хочетъ.

Но власть Генриха III была сильна потому, что совпадала съ моментомъ, когда папство еще не организовалось. Его преемникъ, выросшій подъ опекой кельнскаго и бременскаго архіепископовъ, понялъ силу духовной власти; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ принципіально положеніе императорской власти лучше, чѣмъ всѣ его предшественники, и сдѣлалъ самую энергичную попытку создать императорскую власть въ Германіи. Онъ хотѣлъ устроить въ Германіи правильное государ-

ство, но именно вслѣдствіе того, что эта попытка Генриха IV была слишкомъ энергична, она встрѣтила такое сопротивленіе, что въ концѣ-концовъ дѣло окончилось пораженіемъ.

Генрихъ IV вернулся къ политикѣ Генриха Птицелова и хотѣлъ утвердить свою власть на территоріальномъ основаніи, а также поддерживалъ только что зародившееся движеніе въ городахъ, стремившихся освободиться изъ-подъ власти свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ. И именно тутъ онъ столкнулся больше всего съ духовенствомъ, во главѣ котораго стояло реформированное Григоріемъ VII папство. Между императоромъ и папой завязывается борьба какъ-будто изъ-за симоніи и инвеституры, и борьба эта, закончившаяся при преемникахъ Генриха IV и Григорія VII, приводитъ къ полной побѣдѣ папства. Правда, по Вормскому конкордату 1122 г. инвеститура скипетромъ должна была слѣдовать за папской инвеститурой кольцомъ и посохомъ, послѣднее слово, такъ сказать, осталось за императоромъ, но все, что выигралъ императоръ, уравнивалось уступкой князьямъ: все соглашеніе ставилось подъ наблюденіемъ княжескаго сословія Германіи. Это признаніе самостоятельности князей сильно подрывало авторитетъ императорской власти. Чтобы исправить эту ошибку, чтобы освободиться отъ униженія и отъ опеки князей, нужно было опять бороться— и снова начинается борьба между императорами и папами, борьба на этотъ разъ рѣшительная, въ царствованіе императоровъ изъ дома Гогенштауфеновъ.

Впервые выступаетъ императорская власть Гогенштауфеновъ противъ папы въ лицѣ знаменитаго Фридриха I Барбароссы, который является такимъ же поборникомъ идеи неограниченной монархіи, какъ папа Григорій VII—идеи главенства папы. Фридрихъ Барбаросса развиваетъ новую теорію императорской власти. Эта теорія явилась слѣдствіемъ того, что въ XII в. возобновилось изученіе римскаго права, и болонскіе ученые юристы такъ формулировали теорію императорской власти: «Знай, — писали они императору Фридриху Барбароссѣ,—что право устанавливать законъ принадлежитъ тебѣ. Твоя воля— законъ. Ибо написано: «Quod principi placuit, legis habet vigorem»—«воля государя—законъ», всякое судебное рѣшеніе государя, всякое его распоряженіе тотчасъ же становится правомъ. Развѣ не справедливо, что императоръ, обязанный охранять всѣхъ, имѣетъ право повелѣвать всѣми». По этому взгляду императоръ объявлялся владыкой міра», стоящимъ «выше закона», «воплощеннымъ закономъ на землѣ» и «покровителемъ Церкви». Усвоивъ ученіе болонскихъ юристовъ, Фридрихъ Барбаросса считалъ имперію господствомъ надъ

всѣмъ міромъ; всѣ государи, по его взгляду, были только его вассалами, всѣ земли и государства—его лены. Въ Германіи по Рейну существовало нѣсколько самостоятельныхъ городовъ. Къ этой самостоятельности Фр. Барбаросса относился въ высшей степени враждебно: онъ считалъ города второстепенными вассалами извѣстныхъ сеньоровъ или несвободными подданными самого императора, который могъ черезъ своихъ «приказчиковъ» взыскивать оброки и барщины. Напр., когда г. Майнцъ, имѣвшій различныя «вольности», отказался платить по требованію майнцскаго архіепископа, то Фридрихъ рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдняго; когда же граждане убили архіепископа, то Фридрихъ явился съ войскомъ и разгромилъ Майнцъ: стѣны города были срыты, множество народа вынуждено было переселиться въ другія мѣста и самыя «вольности» города были уничтожены.

Но главнымъ образомъ новую теорію Фр. Барбаросса хотѣлъ примѣнить въ Италіи, гдѣ и проводилъ идею неограниченной монархіи въ двухъ отношеніяхъ—въ судебномъ и финансовомъ. Онъ утверждалъ, что только онъ имѣетъ право облагать сборами купцовъ, чеканить монету и пр. Онъ лишалъ города и области самостоятельной полиціи и настаивалъ на томъ, что императоръ есть источникъ всякаго права: нѣтъ суда, который не исходилъ бы изъ суда императора. Въ главные города онъ хотѣлъ поставить своихъ императорскихъ чиновниковъ (podesta), которымъ должно было быть вручено управленіе городомъ, тогда какъ до тѣхъ поръ города управлялись самостоятельно. Но такого рода притязанія Фр. Барбароссы вызвали открытое возстаніе, во главѣ котораго сталъ г. Миланъ. Сопротивленіе городовъ было сломлено императоромъ, Миланъ взятъ и разрушенъ до основанія, но тутъ императорская власть столкнулась съ папствомъ. Папа не только вступился за покоренные и униженные города, но снова поднялъ вопросъ о правѣ императора на корону и преобладаніи духовной власти надъ свѣтской: указывалось, что одинъ изъ предшественниковъ Фр. Барбароссы получилъ власть отъ папы на ленномъ основаніи. (Особенно рѣзко выразилась борьба противъ Фридриха при папѣ Александрѣ III.)

Столкновеніе папы и императора окончилось пораженіемъ послѣдняго вслѣдствіе вмѣшательства крупнаго княжескаго дома Гвельфовъ, который держалъ въ своихъ рукахъ 2 герцогства—Баварское и Саксонское и по средствамъ мало уступалъ Гогенштауфенамъ. Гвельфы стали на сторону папы, и Фридриху Барбароссѣ пришлось сдѣлать цѣлый рядъ уступокъ: онъ хлопоталъ только о возстановленіи Вормскаго кон-

кордата, отказался отъ непосредственнаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла и призналъ папу, избраннаго соборомъ духовенства противъ его желанія.

Исходъ этой борьбы показалъ императорамъ, что всякая попытка устроить государственную власть должна исходить не изъ широкаго основанія имперіи, слишкомъ широкаго, соединяющаго массу противоположностей. Справиться съ задачами всей имперіи заразъ не въ силахъ былъ даже такой могущественный и лично авторитетный императоръ, какъ Фридрихъ Барбаросса. Очевидно было, что надо вернуться къ забытому принципу и развивать власть съ узкой территоріальной основы.

Въ этомъ отношеніи началомъ является царствованіе Генриха VI (1190—1197). Онъ переноситъ центръ тяжести своей власти въ Южн. Италію, гдѣ почва представлялась особенно удобной для развитія сильной власти.

Эта почва была подготовлена византійскимъ владычествомъ въ началѣ Ср. вѣковъ, когда подъ единымъ византійскимъ правомъ объединились (и подчинились ему безусловно) различныя итальянскія народности, населявшія Южн. Италію. Византія же еще больше соединила эти народности, отстоявъ ихъ, съ своей стороны, противъ лангобардовъ. Норманнскіе герцоги, наслѣдовавшіе Южн. Италію отъ Византіи, воспользовались административными традиціями Византійской имперіи: пришлось, не имѣя связи съ мѣстнымъ населеніемъ, организовать власть на основаніи полицейскаго надзора, причемъ ради самосохраненія норманнами былъ проведенъ принципъ централизаціи. На этой почвѣ Генриху VI легко было укрѣпить свою власть, но зато, оставивъ безъ вниманія Германію, онъ совершенно уронилъ въ ней авторитетъ императорской власти.

Это обстоятельство сказалось на дѣятельности его преемника Фридриха II (1215—1250), который по своему честолюбію, по своимъ способностямъ и по своему могуществу является достойнымъ поборникомъ императорской идеи.

Имперія Фридриха II представляетъ рѣзкую двойственность: въ Италіи онъ проводитъ идею неограниченной монархіи, а въ Германіи, сознавая свое безсиліе, постепенно отрекается отъ монархическихъ правъ. Въ Италіи императоръ являлся исполнителемъ Божественнаго Промысла; императорская власть— посреднической, миротворческой властью, отправляющейся отъ Божественной власти. Она должна была быть выше всѣхъ другихъ властей; поэтому феодальныя учрежденія никакого значенія имѣть не должны. Согласно съ этимъ, бароны должны были уступить императору цѣлый рядъ судебныхъ правъ (не

имѣли права разбирать дѣла уголовныя, такъ какъ кровь проливается только по постановленію императора или народа); они не имѣли права строить укрѣпленія; запрещены были частныя войны; заключать браки между собой феодалы могли только съ разрѣшенія императора, которому весьма важно было знать, какъ соединяются тѣ или другія владѣнія въ однѣхъ рукахъ; всѣ подвассалы, кромѣ присяги, приносимой сеньору, обязаны были присягать въ вѣрности императору. По отношенію къ духовенству проведенъ былъ также цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ: Фридрихъ II требовалъ привлеченія духовенства къ свѣтскому суду по свѣтскимъ дѣламъ—о землѣ, наслѣдствѣ, о государственной измѣнѣ; запрещено было продавать и завѣщать земли Церкви. Подати во всемъ государствѣ устанавливались самимъ императоромъ и собирались его чиновниками. Были изданы законы, касавшіеся земледѣлія, виноделія и торговли. Такимъ образомъ, является попытка взять въ свои руки направленіе всей государственной жизнью. (Въ XVIII вѣкѣ мы встрѣтимся съ подробнымъ явленіемъ въ исторіи т. н. «просвѣщеннаго абсолютизма».)

Совершенно иначе дѣйствовалъ Фридрихъ II въ Германіи. Занимаясь преимущественно итальянскими дѣлами, онъ назначилъ вмѣсто себя малолѣтняго сына Генриха, а опекунами—архіепископа Кельнскаго, графа Баварскаго и епископа Регенсбургскаго. И очень скоро Германія оказалась враждебно настроенной противъ Фридриха II, и ему пришлось сдѣлать германскимъ князьямъ большія уступки: онъ отказался отъ права строить крѣпости въ территоріяхъ князей; онъ предоставилъ имъ право чеканить монету; города, постоянные союзники императоровъ въ борьбѣ съ князьями, теперь были ограничены въ правахъ въ пользу князей. Чтобы хоть немного ограничить власть послѣднихъ, въ соглашеніи между князьями и императоромъ было проведено условіе, что князья могутъ облагать податями населеніе въ своихъ областяхъ не иначе, какъ съ согласія лучшихъ людей княжества.

Но Фридриху не удалось установить спокойствія въ Германіи. Князья возстали противъ Генриха и онъ былъ низложенъ, а въ 1237 г. Фридрихъ поставилъ въ Германіи второго сына. Во время переговоровъ съ князьями по этому поводу князья заявили императору, что они желаютъ обезпеченія своей княжеской самостоятельности. «Престолъ императорскій, — говорили они,—съ которымъ мы соединены, какъ члены тѣла соединены съ головой, покоится на нашихъ плечахъ и охраняется нашей силой, при чемъ имперія получаетъ блестящую славу, и наше княжеское сословіе заимствуетъ отъ нея свой блескъ». Они

сравнивали себя съ римскимъ сенатомъ, который являлся ближайшимъ совѣтникомъ императора, но въ то же время и сдерживалъ его власть. Такимъ образомъ, власть Фридриха II была весьма незначительна и въ Германіи феодализмъ развился необыкновенно широко, что привело эту страну къ большой политической раздробленности.

Разложеніе феодализма.

Значеніе крестовыхъ походовъ. Съ эпохи крестовыхъ походовъ феодальныя учрежденія начинаютъ клониться къ упадку. Особенно хорошо это можно отмѣтить во Франціи, такъ какъ французы больше всѣхъ другихъ народовъ принимали участіе въ указанныхъ походахъ. Громадныя траты людьми разрѣдили главнымъ образомъ ряды феодальной аристократіи, бывшей повсюду самымъ важнымъ препятствіемъ къ образованію сильной королевской власти; съ другой стороны, мелкіе феоды также исчезали, такъ какъ ихъ владѣльцы, передъ отправленіемъ въ походъ, обыкновенно продавали ихъ королямъ или крупнымъ собственникамъ. Въ первомъ крестовомъ походѣ ни одинъ изъ государей Европы, какъ извѣстно, не участвовалъ. Несомнѣнно, оставшись дома, они воспользовались создавшимся положеніемъ для ослабленія феодаловъ. Усиленію королевской власти немало помогло и другое обстоятельство. Нуждаясь въ деньгахъ для отдаленнаго предпріятія на Востокъ, многіе феодалы продавали зависѣвшимъ отъ нихъ городамъ грамоты на самоуправленіе и самостоятельный судъ. Такимъ образомъ города мало-по-малу освобождались изъ-подъ власти феодаловъ и превращались въ политически самостоятельныя общины, получившія названіе городскихъ коммунъ.

Развитіе свободныхъ городскихъ общинъ. Въ Зап. Европѣ существовало нѣсколько типовъ городовъ. Нѣкоторые изъ нихъ вели свою исторію еще отъ временъ Римской имперіи, особенно во Франціи; въ этихъ городахъ населеніе пользовалось значительными правами и они представляли собой маленькія республики, гдѣ представители дворянства, духовенства и купечества дѣйствовали заодно. Но такихъ городовъ было сравнительно мало; большая часть ихъ сдѣлалась т. н. епископскими сеньоріями (Аміенъ, Ланъ, Бове), другіе достались королямъ (Парижъ, Орлеанъ), иные попали въ руки свѣтскихъ князей (Бордо, Анжеръ), и весьма значительная часть ихъ потеряла значеніе городовъ и превратилась въ села или даже исчезла совсѣмъ. Внѣшняя опасность эпохи Великаго переселенія народовъ, набѣги норманновъ и другія подобныя при-

чины заставляли населеніе Зап. Европы селиться вокругъ укрѣпленныхъ монастырей или замковъ, и такимъ образомъ появились довольно густо населенные пункты, впослѣдствіи извѣстные подъ именемъ городовъ. Нерѣдко случалось также, что сами феодалы устраивали на болѣе или менѣе удобныхъ мѣстахъ поселки, которые, благодаря своему выгодному положенію, скоро обстраивались, расширялись и богатѣли. Всѣ такіе города по большей части находились въ зависимости отъ того или другого феодальнаго сеньора и несли въ его пользу разныя повинности. Феодалъ, правда, мало вмѣшивался во внутреннюю жизнь городовъ, но такъ какъ онъ все-таки имѣлъ право поступать въ городѣ по своему усмотрѣнію, то, разу-

Средневѣковый городъ.

мѣется, городское населеніе рано стало стремиться къ освобожденію отъ произвола феодала и къ уничтоженію зависимости. Но въ началѣ Среднихъ вѣковъ имъ это не удавалось. Дѣло въ томъ, что до X в. ни торговля, ни промышленность не были развиты, такъ какъ не было рынковъ для торговли, не было безопасности, столь необходимой для торговли. Жизнь общественная сосредоточивалась главнымъ образомъ около замковъ, которые существовали на счетъ окружавшихъ его деревень, а города влачили самое жалкое существованіе (за исключеніемъ городовъ по Средиземному морю). Но крестовые походы совершенно измѣнили положеніе городовъ: расширившіяся торговыя сношенія обогащали города и вмѣстѣ съ увеличеніемъ благосостоянія у нихъ является желаніе освободиться изъ-подъ гнета феодальной аристократіи.

Раньше всего это произошло въ Италіи. Въ нѣкоторыхъ ломбардскихъ и тосканскихъ городахъ, подъ вліяніемъ усилившихся сношеній съ Востокомъ, развилась промышленность и торговля, сильно обогатившія эти города. Значительныя матеріальныя средства, скопившіяся въ рукахъ горожанъ, а также извѣстное умственное развитіе людей торговаго класса, бывшее также результатомъ оживленныхъ сношеній съ другими странами, были причиной того, что сеньоры этихъ городовъ мало-по-малу дѣлали имъ (по большей части за деньги) уступки, предоставляли имъ тѣ или другія права и привилегіи внутри ихъ городскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ, въ эпоху крестовыхъ походовъ города Сѣв. Италіи, получивъ отъ своихъ сеньоровъ различныя уступки, превратились въ настоящія маленькія республики; въ составъ населенія этихъ республикъ вошли и мелкіе дворяне, рыцари (капитаны, вавассоры), державшіе сторону городовъ потому, что имъ самимъ угрожала опасность со стороны крупныхъ феодаловъ. Для городовъ же эти люди, хотя и попавшіе въ классъ городской знати, были особенно дороги потому, что они давали горожанамъ именно то, чего у нихъ недоставало—военную силу и привычку къ военному дѣлу. Съ другой стороны, нѣкоторые сеньоры, будучи сами болѣе или менѣе развитыми, понимали, что освобожденіе городовъ и обогащеніе ихъ должно доставить выгоды и имъ самимъ, что степень благосостоянія города зависитъ отъ степени его самостоятельности, а потому не препятствовали городскимъ общинамъ, когда тѣ хотѣли получить права. Во главѣ такихъ самостоятельныхъ городскихъ общинъ стояли выборные магистраты, а когда требовалось общее одобреніе со стороны всѣхъ гражданъ, то созывалось народное собраніе. (Изъ такихъ городовъ-республикъ въ XII вѣкѣ особенно выдвинулся Миланъ, стоявшій, какъ извѣстно, во главѣ союза ломбардскихъ городовъ во время борьбы съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссой.)

Съ этой самостоятельной жизнью итальянскихъ городовъ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, познакомилось населеніе Франціи и Германіи. Неудивительно, что и тамъ въ городахъ пробудилось стремленіе добыть себѣ свободу отъ феодальныхъ владѣтелей, и во многихъ мѣстахъ Франціи и Германіи началась борьба за независимость. Во Франціи населеніе городовъ вступало со своими сеньорами даже въ вооруженную борьбу и заставляло ихъ дѣлать разныя уступки. Въ случаѣ побѣды городъ превращался въ маленькую республику, носившую на сѣверѣ Франціи названіе коммуны. (Въ нихъ были и народное собраніе, и выборная дума, и выборные стар-

шины). Появилось много свободныхъ городовъ и въ Германіи, особенно по большимъ торговымъ дорогамъ, которыя вели изъ Германіи въ Италію и по самой Германіи. Много такихъ городовъ было по р. Рейну, на верхнемъ Дунаѣ и во Фландріи. Позднѣе выдвигаются города Голландіи и т. н. ганзейскіе города въ сѣверной Германіи.

Значеніе развитія городовъ. «Развитіе городовъ во вторую половину Ср. вѣковъ имѣло весьма важное историческое значеніе. Городской бытъ былъ полной противоположностью быту феодальному и потому внесъ въ жизнь тогдашняго общества новыя начала. Феодальное рыцарство было прежде всего сословіемъ военнымъ, горожане, наоборотъ, классомъ людей промышленныхъ и торговыхъ. Матеріальная сила феодаловъ заключалась въ ихъ земляхъ и главнымъ занятіемъ населенія отдѣльныхъ сеньорій было сельское хозяйство, тогда какъ основу матеріальнаго значенія городовъ составляли товары и деньги, а ихъ жители были заняты ремеслами, перевозкой товаровъ и торговлей. Населеніе феодальныхъ сеньорій находилось въ крѣпостной зависимости отъ своихъ господъ, а въ городахъ устанавливалась гражданская свобода. Основу государственной власти въ феодальныхъ княжествахъ и бароніяхъ составляло землевладѣніе, въ городахъ ею стало общее согласіе гражданъ. Наконецъ, развитіе городовъ оказало большое вліяніе и на умственную культуру. Здѣсь впервые началъ складываться классъ свѣтскихъ образованныхъ людей, между тѣмъ какъ раньше образованными людьми были только одни духовные». (Проф. Н. Карѣевъ.)

Освободившись отъ феодаловъ, города явились новой, весьма важной политической силой. Городскія республики, возникшія во время крестовыхъ походовъ, вступили въ борьбу съ феодальнымъ міромъ. Города окружили себя стѣнами, завели собственныя войска. Какое значеніе представляли городскія республики, видно изъ того, что во время, напр., борьбы папъ съ императорами или королей съ феодалами побѣда въ большинствѣ случаевъ склоняется на сторону того, кого поддерживаютъ въ данный моментъ города. Больше всего страдали города отъ произвола и насилій феодальныхъ владѣтелей. Поэтому, когда во Франціи королевская власть начала борьбу съ непокорными и безпокойными феодалами, то города поддержали королей въ этой борьбѣ противъ ихъ общаго врага. Съ своей стороны, короли охотно принимали помощь городовъ и въ благодарность за это давали имъ грамоты, предоставлявшія горожанамъ извѣстныя права на самоуправленіе. Такимъ образомъ появленіе торговыхъ городскихъ республикъ, бывшее однимъ изъ послѣд-

ствій крестовыхъ походовъ, во Франціи способствовало усиленію монархической власти.

Развитіе монархіи во Франціи. Первые Капетинги были очень слабы. Правда, они считали себя неограниченными королями «Божіею милостью», но на самомъ дѣлѣ имъ не только не было подъ силу бороться съ болѣе могущественными владѣтелями, но даже въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ (Иль-де-Франсѣ) они встрѣчали противодѣйствіе со стороны мелкихъ бароновъ. Чтобы укрѣпиться на престолѣ, они обыкновенно еще при жизни своей короновали своихъ сыновей въ г. Реймсѣ, чтобы, такимъ образомъ, обезпечить имъ престолъ по своей смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ первые Капетинги старались пріобрѣсти по сосѣдству со своими владѣніями замки и земли при помощи покупки, брачныхъ союзовъ, а иногда—при помощи оружія.

Башни г. Парижа.

Въ 1108 г. вступилъ на французскій престолъ Людовикъ VI, которому первому удалось значительно утвердить королевскую власть во Франціи. Главной его задачей явилось утвержденіе власти въ предѣлахъ Иль-де-Франса, такъ какъ только послѣ расправы съ мелкими сопротивленіями, которыя оказывали королю бароны этихъ княжествъ, можно было думать о подчиненіи самостоятельныхъ и непокорныхъ феодаловъ за предѣлами собственно королевскихъ земель.

Впрочемъ, Людовику VI пришлось вступить въ борьбу и съ внѣшними врагами—Генрихомъ I англійскимъ и Генрихомъ V

германскимъ, такъ что тутъ онъ дѣйствуетъ, какъ національный государь. Борьбу эту онъ ведетъ успѣшно, потому что на помощь къ нему являются крестьяне со всѣхъ сторонъ Франціи подъ предводительствомъ приходскихъ священниковъ (т. н. приходскія вооруженныя дружины — communitates parrochiarum).

Тѣ же приходскія общины дѣйствовали вмѣстѣ съ королемъ противъ мелкихъ враговъ Людовика VI, такъ какъ сильно страдали отъ своеволія феодаловъ. «Притти съ собаками и охотничьими лошадьми въ монастырь для ночлега или обѣда, отнять у монастырскаго крестьянина, когда онъ ѣдетъ на базаръ, вино, хлѣбъ и скотъ — считалось дѣломъ обыкновеннымъ»,— говоритъ современникъ. И въ этой организаціи крестьянства духовенствомъ приходится видѣть одну изъ тѣхъ силъ, которымъ обязанъ былъ своимъ успѣхомъ Людовикъ VI. Внѣшнимъ проявленіемъ этой связи короля съ крестьянствомъ является тѣсная дружба Людовика VI съ аббатомъ монастыря Сенъ-Дени Сугеріемъ, который по происхожденію былъ крестьяниномъ и никогда этого не забывалъ. Та же дружба съ Сугеріемъ рисуетъ и другой важный элементъ силы Людовика VI, именно—его союзъ съ духовенствомъ, которое, какъ въ Иль-де-Франсѣ, такъ и за предѣлами его, сильно терпѣло отъ произвола свѣтскихъ князей и потому желало возвратить государственной власти ея права, чтобы она взяла духовенство подъ свою постоянную опеку. Подъ предводительствомъ Сугерія, духовенство приняло во Франціи характеръ нѣсколько свѣтскій, очень важный въ политическомъ отношеніи, приняло направленіе, которое никакъ нельзя назвать аскетическимъ. Главная цѣль Сугерія и людей, подобныхъ ему, заключалась въ томъ, чтобы усилить хозяйственное и политическое значеніе Церкви, обезпечить себя со стороны захватовъ свѣтскихъ сосѣдей. Сравнительно съ этими цѣлями гражданской свободы, такъ сказать, цѣли чисто духовныя отступаютъ на второй планъ, и главный представитель аскетическаго направленія въ XII вѣкѣ во Франціи Бернардъ Клервальскій отнесся очень отрицательно къ этому направленію: это направленіе было ненавистно ему, именно, въ лицѣ Сугерія. «Монастырь Сугерія,—говоритъ онъ,—былъ полонъ рыцарей и открывалъ ворота женщинамъ. Въ немъ обсуждались дѣла всякаго рода, иногда происходили ссоры. Безъ замедленія воздавали тамъ Кесарево—Кесареви, но нельзя сказать, чтобы отдавали Божіе—Богу». Но это свѣтское направленіе французскаго духовенства, если оно было ненормально съ точки зрѣнія чисто религіозной, зато принесло громадную пользу созданію французскаго госу-

дарственнаго строя. Король располагалъ сильнымъ военнымъ ополченіемъ монастырей и епископовъ въ такой же степени, какъ собственными своими силами; между духовнымъ властителемъ, къ нему ближайшимъ, и имъ установилась своего рода круговая порука.

Послѣ Людовика VI, въ отсутствіе Людовика VII, принимавшаго, какъ извѣстно, участіе во второмъ крестовомъ походѣ, французскимъ королевствомъ управлялъ тотъ же Сугерій. Управленіе его было чрезвычайно энергично и направлено въ интересахъ королевской власти: «жадные грабители вообразили,—читаемъ мы въ біографіи Сугерія,—что въ отсутствіе государя имъ легко будетъ разбойничать: одни стали открыто отнимать имущество у Церкви и бѣдныхъ, другіе прибѣгли къ болѣе тайнымъ способамъ, но новый вождь (т.-е. Сугерій) тотчасъ вооружился обоими мечами—свѣтскимъ короля и духовнымъ мечомъ Церкви. Со всѣхъ сторонъ Франціи стеклись люди просить его помощи».

Развитіе городской свободы происходило въ царствованіе Людовика VII весьма замѣтно, особенно на югѣ Франціи. У правительства складывается убѣжденіе, что необходимо поддерживать городское населеніе, насколько возможно, и это—одно изъ тѣхъ условій, которыя наиболѣе содѣйствовали возвышенію во Франціи королевской власти.

Но какъ ни успѣшна была дѣятельность Людовиковъ VI и VII, она, главнымъ образомъ сосредоточивалась на устройствѣ внутреннихъ отношеній княжества Иль-де-Франсъ. Филиппъ II Августъ (1180—1223) является уже блюстителемъ интересовъ королевской власти въ болѣе широкой сферѣ: ему не чужды никакіе интересы, болѣе или менѣе, прямо или косвенно, связанные съ королевской властью.

Весьма важное значеніе имѣло для него то обстоятельство, что ему удалось разбить только что образовавшееся англійское могущество на западѣ Франціи въ борьбѣ съ Іоанномъ Безземельнымъ (всп. битву при Бовинѣ), во время которой Филиппъ отнялъ у англичанъ Нормандію, Анжу и Пуату. Правда, эта борьба не покончила спора между Англіей и Франціей, такъ какъ первой во Франціи принадлежало много земель (благодаря браку Элеоноры Анжуйской и Генриха II Англійскаго); но она въ первый разъ поставила національныя границы Франціи, и всѣ послѣдующіе короли (до XV в.) стремились къ той же общей цѣли, которая намѣчена была Ф. Августомъ. Въ этомъ отношеніи его дѣятельность очень важна, такъ какъ онъ первый обезпечилъ образованіе Франціи, какъ сплошной солидарной націи.

Во внутреннемъ управленіи Франціи при Ф. Августѣ нужно отмѣтить устройство центральной королевской администраціи. Прежніе дворцовые слуги, исполнявшіе различныя функціи при дворѣ короля, имѣвшіе, слѣдовательно, характеръ личныхъ слугъ короля, постепенно превращаются въ государственныхъ чиновниковъ.

Сенешаль (старшій дворецкій—Senex scalcus) изъ управляющаго собственными помѣстьями короля становится главнымъ распорядителемъ денежныхъ средствъ государства (какъ бы министромъ финансовъ) и завѣдуетъ наемной частью королевскаго войска. (Такъ какъ опытъ показалъ, что на феодальныя ополченія бароновъ опираться невозможно, то въ разныхъ странахъ Зап. Европы замѣтно съ XIII в. стремленіе замѣнять службу натурой феодальныхъ ополченій службой наемныхъ войскъ, для чего требовали выкупа отъ службы деньгами, подъ названіемъ, напр., щитовой подати). Рыцарская, феодальная часть войска осталась и находилась подъ командой особаго лица—коннетабля. Канцлеръ,—прежде личный секретарь короля,—является помощникомъ короля на судѣ, а такъ какъ онъ получилъ извѣстное образованіе и знакомъ съ римскимъ правомъ (объ этомъ—ниже), то онъ замѣняетъ короля во всѣхъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, когда необходимо предсѣдательство короля для суда надъ какимъ-нибудь крупнымъ феодаломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является главой всей группы чиновниковъ, собранныхъ въ Парижѣ для провѣрки областного управленія.

Во главѣ послѣдняго стоятъ 2 чиновника—прево и бальи. Прево (prévôt, praepositus) прежде всего приказчикъ короля въ его собственныхъ помѣстьяхъ, гдѣ онъ устанавливаетъ барщину, опредѣляетъ количество рабочихъ дней и т. п.; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является представителемъ короля по отношенію ко всѣмъ свободнымъ мелкимъ землевладѣльцамъ: ему не подчинены только бароны. Бароновъ судитъ бальи, самъ рыцарь по происхожденію; притомъ судъ бальи—коллегіальный, при участіи пэровъ подсудимаго, тогда какъ судъ прево—единоличный.

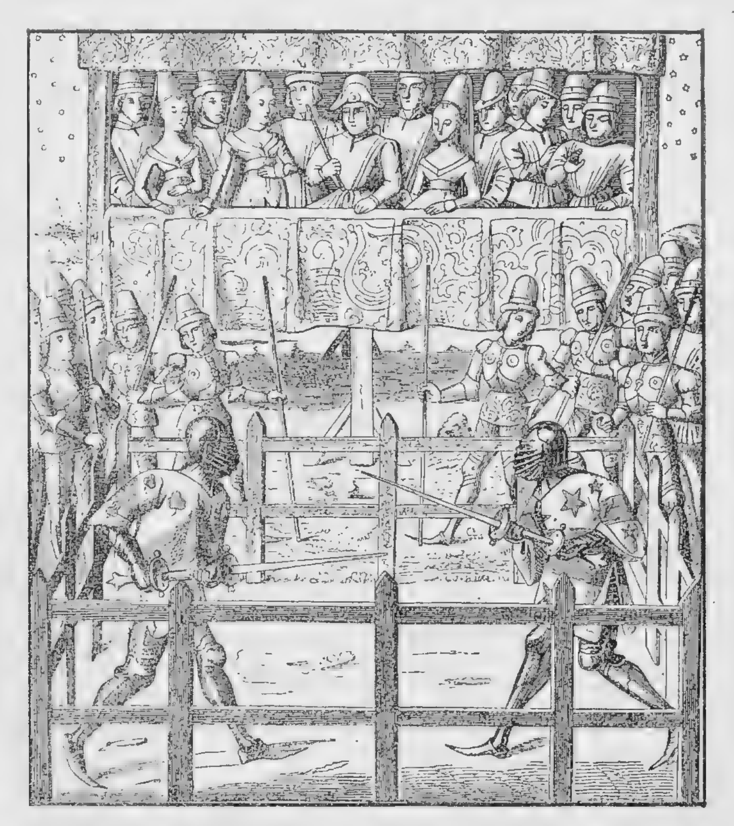
Во главѣ управленія стоитъ частный совѣтъ короля, который постепенно превращается въ настоящее учрежденіе—королевскій административный совѣтъ, состоящій изъ 2 палатъ—судебной и счетной. Высшій слой чиновниковъ пополнялся рыцарями изъ собственно княжества Иль-де-Франсъ (должности сенешаля, коннетабля, канцлера и др.); низшее чиновничество состояло изъ т. н. разночинцевъ—людей, отбившихся отъ своихъ сословій: духовныхъ лицъ, не занимавшихъ прямо духовныхъ должностей, рыцарей, которые почему-либо отказались отъ военнаго дѣла, горожанъ и даже крестьянъ, выказавшихъ тѣ или иныя спеціальныя способности. Въ этой группѣ лицъ, окружающихъ короля, теряется мало-по-малу сознаніе различія сословій и вырабатывается общее направленіе—захватить, что можно, подъ королевскую власть. Такого рода направленіе дѣятельности только что образовавшагося чиновничества объясняется его воспитаніемъ. Уже въ концѣ XII в. начинаетъ образовываться сословіе, воспитанное по-

свѣтски. Въ концѣ XII в. при Ф. Августѣ открывается Парижскій университетъ, и люди, получившіе тамъ образованіе на римскомъ правѣ, начинають осуществлять идею стараго права, возрождать идею римскаго права въ примѣненіи къ условіямъ средневѣковаго феодальнаго міра.

Особенно сильно замѣтно вліяніе изученія римскаго права во Франціи при Людовикѣ IX (1226—1270). Онъ уважалъ права своихъ феодаловъ, но требовалъ отъ нихъ точнаго исполненія ими своихъ обязанностей; всякія беззаконія и насилія онъ запрещалъ и безпощадно каралъ, не обращая вниманія на знатность и высокій санъ провинившагося. При этомъ онъ не стѣснялся узкимъ феодальнымъ взглядомъ относительно вмѣшательства королевской власти, а держался основного положенія, что всякая отдѣльная власть во Французскомъ королевствѣ происходитъ отъ власти французскаго короля и что король долженъ вмѣшиваться въ дѣла своихъ феодаловъ, когда находитъ это полезнымъ. Такъ, онъ произнесъ обвинительный приговоръ своему родному брату за то, что тотъ ограбилъ на большой дорогѣ купца, который имѣлъ королевскую грамоту, или, напр., онъ приговорилъ къ большому денежному штрафу и заключилъ въ тюрьму сеньора де-Куси за то, что тотъ повѣсилъ 3 мирныхъ ремесленниковъ, ѣхавшихъ по его владѣніямъ съ луками и стрѣлами: баронъ де-Куси заподозрѣлъ въ нихъ нарушителей его «права охоты». Такимъ образомъ проводится взглядъ, что юридически вся Франція составляетъ одну область, при чемъ за отправленіемъ правосудія долженъ слѣдить король.

Желая избавить страну отъ разорительныхъ послѣдствій частныхъ войнъ, Людовикъ IX издалъ указъ, въ силу котораго военныя дѣйствія между враждующими сторонами (напр., баронами) должны были начинаться не ранѣе, какъ черезъ 40 дней послѣ объявленія войны. Въ этотъ срокъ (La quarantaine du roi) могъ вмѣшаться король и рѣшить дѣло мирнымъ образомъ или же сами враждующіе имѣли время одуматься и притти къ тому или другому соглашенію безъ пролитія крови. Извѣстному ограниченію подверглось также право суда феодаловъ. Судебные поединки были запрещены, а вмѣсто нихъ введенъ разборъ дѣлъ по существу, на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Для большей безпристрастности судей бальи, прево и сенешали были поставлены въ такое положеніе, что не имѣли право вступать ни въ какія родственныя связи съ населеніемъ своихъ областей. Вмѣстѣ съ тѣмъ за ними былъ учрежденъ строгій контроль, такъ что злоупотреблять своей властью они не могли: на нихъ можно было пожаловаться въ

Парижъ. Даже при смѣщеніи или сложеніи должности бальи долженъ былъ оставаться въ своемъ округѣ 40 дней, чтобы въ этотъ промежутокъ на него можно было принести жалобу, которая была бы разсмотрѣна при немъ. Высшимъ судомъ для разбора самыхъ важныхъ дѣлъ и для принятія жалобъ на приговоры феодальныхъ судовъ сдѣлано было особое отдѣленіе Королевскаго Совѣта, получившее названіе парламента.

Судебный поединокъ при Людовикѣ IX.

Для сужденія о гражданскихъ дѣлахъ, объ уголовныхъ преступленіяхъ высшихъ бароновъ выдѣляется изъ парламента одна комиссія—Cour des pairs, такъ какъ судьями графа или архіепископа могли быть только его перы. Но большая часть дѣлъ сосредоточивается въ т. н. Grande Chambre, главной Судебной Палатѣ, которая вѣдала дѣла, приходившія изъ королевскихъ помѣстій, изъ княжества Иль-де-Франсъ и изъ всѣхъ областей, которыя къ нему примыкали.—Рядомъ съ этими учрежденіями чисто судебнаго характера стояли 2 другихъ: Палаты жалобъ (Chambre des requêtes), куда могли поступать жалобы отовсюду, безъ различія между королевскими и частновладѣльческими землями, и Слѣдственныя Палаты (Chambres

des enquêtes), гдѣ происходило разслѣдованіе дѣла по существу, а не ограничивалось только уравновѣшеніемъ силъ сторонъ, какъ въ судахъ феодальныхъ.

Во всѣ эти учрежденія входили, какъ и въ Королевскій Совѣтъ, т. н. легисты, образованные юристы, изучившіе старинные обычаи и римское право. Они мало-по-малу заняли во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ первенствующее положеніе и измѣнили судопроизводство: феодальному произволу они стали противополагать силу закона, выдвигая общія положенія римскаго права противъ мѣстныхъ обычаевъ, различныхъ въ различныхъ областяхъ. Въ основаніи феодальнаго суда лежало положеніе, что каждый феодальный сеньоръ—государь въ своемъ баронствѣ, а потому можетъ произносить какой угодно приговоръ и высшей инстанціи для суда нера—нѣтъ. Теперь это основное положеніе феодальнаго суда мало-по-малу нарушается королевскимъ судомъ и порядкомъ его судопроизводства. Является постепенное стремленіе со стороны совѣтниковъ короля вызывать на судъ короля для провѣрки (Appelle comme d'abût) рѣшенія феодальныхъ судовъ, по жалобѣ одной изъ сторонъ (Appelle de faux jugement) и устанавливается такимъ образомъ главенство королевскаго суда надъ феодальнымъ.

Кромѣ того, ссылаясь на римское право (императорской эпохи), они старались поднять авторитетъ королевской власти вообще. И насколько великъ уже былъ этотъ авторитетъ, показываетъ, напр., тотъ фактъ, что на ряду съ разнообразной монетой, которую каждый феодалъ чеканилъ по своему усмотрѣнію, во всемъ государствѣ была объявлена обязательной королевская монета и всякій отказъ въ принятіи этой монеты при платежахъ считался преступленіемъ противъ короля: такимъ образомъ подъ видомъ монетной реформы провозглашалось подчиненіе феодальныхъ владѣтелей власти французскаго короля.

Указанная политика французскихъ королей имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что населеніе Франціи стало смотрѣть на короля, какъ на своего защитника отъ произвола феодаловъ, а выступленія королей противъ притязаній духовенства (Людовикъ IX, Филиппъ IV) придали королю ореолъ защитника французской націи вообще. Такое настроеніе народныхъ массъ въ XIV в. во Франціи особенно ярко сказалось въ 1302 г., когда Филиппъ IV Красивый созвалъ т. н. генеральные штаты во время борьбы своей съ папой Бонифаціемъ VIII. Генеральные штаты единодушно поддержали Филиппа IV, вслѣдствіе чего онъ и выступилъ рѣшительно противъ папы, претендовавшаго даже на свѣтское главенство.

Это созваніе «генеральныхъ штатовъ» имѣло весьма важное историческое значеніе. При полномъ развитіи феодализма король былъ только верховнымъ сюзереномъ, стоялъ, такъ сказать, на самой верхней ступенькѣ феодальной лѣстницы сеньоровъ и вассаловъ, безъ согласія которыхъ король не имѣлъ права дѣлать какія-либо общія постановленія. Чтобы договориться относительно общихъ мѣръ, король созывалъ своихъ вассаловъ и испрашивалъ ихъ согласія на изданіе новыхъ законовъ, на установленіе денежныхъ сборовъ на общія нужды,— и бароны обычно давали согласіе на сборъ, напр., денегъ въ ихъ владѣніяхъ, на тѣхъ условіяхъ, что извѣстная часть собраннаго поступитъ въ ихъ пользу. Когда въ государствѣ заняли извѣстное положеніе города, то и городскія общины черезъ своихъ представителей стали принимать участіе въ обсужденіи общихъ мѣръ и въ заключеніи общихъ договоровъ. Новыя собранія, въ которыхъ участвовали представители городовъ наряду съ духовными и свѣтскими сеньорами, были уже не съѣздами феодаловъ, а получили названіе генеральныхъ штатовъ (États généraux). При такихъ обстоятельствахъ король являлся уже не только верховнымъ сюзереномъ, но и національнымъ государемъ, хотя и дѣйствовавшимъ съ согласія представителей сословій. Такимъ образомъ королевская власть во Франціи получила новый характеръ: феодальная монархія превратилась въ сословную.

Въ концѣ царствованія Филиппа IV и при его сынѣ феодалы стали соединяться, чтобы дать отпоръ притязаніямъ короля, тѣмъ больше, что и народъ начиналъ тяготиться непривычными податями, введенными Филиппомъ IV и произволомъ королевскихъ чиновниковъ. Но феодалы сдѣлали ту ошибку, что хлопотали исключительно въ свою пользу, считая себя неизмѣримо выше остальныхъ сословій: напр., они вернули себѣ право частной войны. Населенію это не понравилось и оно, отвернувшись отъ феодаловъ, стало искать покровительства у королей. Такимъ настроеніемъ народныхъ массъ не замедлили воспользоваться сыновья Филиппа IV: одинъ изъ нихъ расположилъ къ себѣ крестьянство Франціи тѣмъ, что въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ отпустилъ на волю всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ (Людовикъ X), а другой (Филиппъ V) вступилъ въ союзъ съ горожанами, мелкими рыцарями и духовенствомъ противъ крупныхъ феодаловъ и поставилъ по областямъ ополченія, чтобы помѣшать частнымъ войнамъ и своеволію бароновъ.

Окончательно симпатіи массъ потеряны были феодалами во время Столѣтней войны (1328—1453). Въ началѣ войны фран-

цузы терпѣли одно пораженіе за другимъ по той причинѣ, что феодальная конница, составлявшая большую часть французскаго войска, не подчинялась никакой командѣ, рыцари сражались безпорядочной толпой, тогда какъ англійскія войска были подчинены одной общей командѣ. И народныя массы понимали причины неуспѣховъ французовъ. Есть извѣстіе, что послѣ битвы при Пуатье (1356 г.), когда участвовавшіе въ сраженіи рыцари возвращались въ Парижъ, то въ народѣ, при видѣ ихъ, кричали: «вотъ эти красавчики, которые предпочитаютъ носить жемчугъ и алмазы на шапкахъ, чѣмъ держать копья и мечи въ рукахъ. Они отлично умѣютъ тратить деньги, которыя собираются королемъ съ народа подъ предлогомъ войны (намекъ на субсидію со стороны генеральныхъ штатовъ 1355 г.), а вотъ англичанъ такъ бить не умѣютъ».— Не малое значеніе имѣло и то обстоятельство, что многіе изъ представителей феодальной аристократіи согласились признать французскимъ королемъ англійскаго принца, тогда какъ симпатіи народныхъ массъ были на сторонѣ законнаго наслѣдника престола. Когда съ помощью народнаго движенія (вси. исторію Жанны д'Аркъ) король Франціи Карлъ VII одержалъ верхъ надъ англичанами, онъ рѣшилъ произвести преобразованія въ военномъ дѣлѣ въ своемъ государствѣ. Онъ прежде всего рѣшилъ завести постоянную армію, устроенную по-новому, съ преобладаніемъ пѣхоты (составленіе военныхъ отрядовъ, независимыхъ отъ короля, было запрещено). Въ этомъ дѣлѣ ему оказало поддержку собраніе сословныхъ представителей, къ помощи которыхъ приходилось часто прибѣгать во время борьбы съ англичанами: генеральные штаты сначала согласились на содержаніе постояннаго войска, а затѣмъ и на введеніе постоянной подати, которая шла бы цѣликомъ на содержаніе этой арміи. Но предоставивъ королю разъ навсегда право собирать налоги, генеральные штаты не поставили ограниченій, которыя заставили бы короля обращаться къ нимъ въ случаѣ нужды и не выговорили себѣ права провѣрять расходы короля. Этимъ штаты, по выраженію историка, «подписали себѣ смертный приговоръ», такъ какъ съ средины XV вѣка французскіе короли стали собирать ихъ очень рѣдко, въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.—Это постоянное войско сдѣлалось главной опорой королевской власти: съ помощью его королю не трудно было справиться съ нѣкоторыми особенно непокорными вассалами и подчинить ихъ своей власти. Артиллерію (когда изобрѣтенъ былъ порохъ) имѣли право заводить только короли и съ этого времени стѣны феодальныхъ замковъ уже не такъ хорошо стали защищать своихъ хозяевъ.

При преемникѣ Карла VII—Людовикѣ XI феодальная аристократія сдѣлала попытку возвратить себѣ прежнее положеніе. Людовикъ, хотя и не безъ борьбы, справился съ феодальной оппозиціей и продолжалъ дѣло усиленія королевской власти. Онъ особенно покровительствовалъ городамъ, въ которыхъ видѣлъ естественныхъ союзниковъ королей противъ феодаловъ. У феодальнаго дворянства онъ отнималъ его привилегіи и учредилъ въ разныхъ городахъ парламенты, т. е. королевскіе суды, чтобы ограничить судебную власть феодальныхъ сеньоровъ. Опасаясь, съ другой стороны, усиленія генеральныхъ штатовъ, Людовикъ собиралъ ихъ рѣдко, а предпочиталъ созывать «штаты» отдѣльныхъ провинцій.

Возникновеніе парламентскаго строя въ Англіи. Преемники Вильгельма Завоевателя, считая свою власть упроченной, дѣйствовали крайне произвольно, нарушая права и интересы всѣхъ сословій. Короли вымогали у своихъ вассаловъ непомѣрную денежную помощь, разоряли имѣнія малолѣтнихъ вассаловъ, пользуясь правомъ опеки; при выдачѣ замужъ или женитьбѣ опекаемыхъ они брали съ нихъ громадныя деньги за свое «согласіе». Въ ущербъ интересамъ сельскаго населенія, часто громадныя пространства земли, даже обработанной, обращались въ лѣса и пустыри, гдѣ охотиться могъ только король (т.-н. регалія). Особенной изобрѣтательностью, когда нужно было найти поводъ къ наживѣ, отличался Вильгельмъ II Рыжій. Нерѣдко онъ назначалъ чрезвычайныя судебныя засѣданія и созывалъ ополченія только для того, чтобы имѣть возможность оштрафовать всѣхъ не явившихся или взять съ нихъ выкупъ. Однажды, напр., былъ отданъ приказъ о созывѣ ополченій по всѣмъ графствамъ, при чемъ предписано было каждой сотнѣ поставить ратника, снабдить его оружіемъ и извѣстной суммой денегъ. Когда ополченія собрались, чиновники короля (шерифы), по его приказанію, отобрали у ратниковъ деньги, а ополченія были распущены по домамъ. Такъ какъ всѣ доходы съ незамѣщенныхъ церковныхъ должностей по закону шли въ пользу короля, то Вильгельмъ оставлялъ нѣкоторыя изъ нихъ незанятыми въ теченіе иногда пяти лѣтъ. Но такія дѣйствія короля возбудили всеобщее негодованіе и преемнику Вильгельма Рыжаго Генриху I пришлось сдѣлать большія уступки Церкви: было точно опредѣлено, что король можетъ требовать отъ Церкви, а также была признана свобода церковныхъ выборовъ.

Со смертью Генриха I (1135 г.) въ Англіи прекратился домъ Вильгельма Завоевателя и послѣ долголѣтней смуты на престолъ Англіи вступилъ (1154 г.) графъ Анжуйскій Генрихъ II Плантагенетъ, владѣвшій во Франціи громадными землями.

Первымъ дѣломъ этого короля было возстановленіе авторитета королевской власти и порядка въ странѣ послѣ смуты. Опираясь на помощь и поддержку саксонскаго населенія, онъ разрушалъ замки феодаловъ, лишалъ ихъ права частной войны и т. д. Особенное вниманіе Генрихъ обратилъ на расширеніе судебныхъ правъ короля. Цѣлый рядъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, отнятъ былъ у сотенныхъ и феодальныхъ судовъ и переданъ на разрѣшеніе суда королевскаго. Слѣдуетъ отмѣтить, что судъ этотъ разбиралъ дѣла по существу, тогда какъ въ судѣ сотни или въ судѣ феодальномъ все сводилось къ судебному поединку или испытанію огнемъ и желѣзомъ. Кромѣ того, къ участію въ судѣ привлечено было само населеніе. Вся страна для судопроизводства была раздѣлена на 6 округовъ, изъ которыхъ въ каждый назначено было трое судей—для ихъ объѣзда. Прибывъ на мѣсто, судья вызывалъ 12 свѣдущихъ людей изъ округа. Эти 12 представителей отъ данной мѣстности давали подъ присягой показанія относительно обстоятельствъ и условій дѣла и устанавливали наличность преступленія, послѣ чего королевскимъ судьямъ оставалось только произнести приговоръ и примѣнить извѣстный параграфъ общаго для всего государства закона. Впослѣдствіи изъ этого участія мѣстныхъ жителей въ судопроизводствѣ развился судъ присяжныхъ. Такъ какъ практика скоро показала, что судей оказалось возможнымъ подкупить, то была допущена апелляція отъ приговора «разъѣздного» судьи въ королевскій совѣтъ.

Судебныя реформы Генриха II коснулись и Церкви. Отношенія между свѣтской властью и Церковью были опредѣлены т. н. Кларендонскими постановленіями 1164 г. По этимъ постановленіямъ (въ 16 статьяхъ) духовныя лица, обвиненныя въ какомъ-нибудь проступкѣ, должны были предстать предъ судомъ свѣтскимъ, и, если они сознавались въ своемъ преступленіи, то Церковь теряла право защищать ихъ; въ церковныхъ дѣлахъ допускалась апелляція отъ архидіакона къ епископу и далѣе до архіепископа; но жаловаться папѣ на рѣшенія духовныхъ судовъ Англіи было запрещено (ст. 8). Архіепископы и епископы, какъ прямые вассалы короля, обязаны были подчиняться королевскимъ чиновникамъ, исполнять всѣ обязанности, лежавшія на ихъ феодахъ, присутствовать при судоговореніи королевскаго суда (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приговоръ можетъ повлечь за собой смерть подсудимаго или изувѣченіе (ст. 11); духовныя лица потеряли право покидать Англію безъ разрѣшенія короля и безъ присяги, что они во время своего отсутствія изъ Англіи не предпримутъ

ничего опаснаго для короля или страны (ст. 4). Остальныя статьи касались права короля на доходы съ незамѣщенныхъ каѳедръ, права опеки и назначенія на церковныя должности, судопроизводства и др.

Какъ извѣстно, эти Кларендонскія постановленія вызвали столкновеніе между Генрихомъ II и архіепископомъ Ѳомой Бекстомъ, котораго самъ Генрихъ сдѣлалъ архіепископомъ изъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ и помощниковъ въ надеждѣ, что при помощи Бекета ему легко удастся подчинить себѣ духовенство Англіи. Но, сдѣлавшись архіепископомъ Кентерберійскимъ, Бекетъ отказался наотрѣзъ утвердить своею подписью постановленія въ Кларендонѣ. Произошло столкновеніе между нимъ и королемъ, и Бекетъ былъ убитъ. Но это возбудило большое неудовольствіе въ народѣ, такъ что Генрихъ вынужденъ былъ отмѣнить Кларендонскія постановленія.

Старшій сынъ Генриха II—Ричардъ I Львиное Сердце (1189—1199) почти все свое царствованіе провелъ внѣ Англіи—сначала участвовалъ въ третьемъ крестовомъ походѣ, потомъ долго былъ въ плѣну въ Германіи, а послѣдніе годы занятъ былъ войной съ Франціей. Продолжительное отсутствіе короля изъ Англіи въ значительной степени способствовало паденію личнаго авторитета короля. Общество увидѣло, что порядокъ и исправное теченіе государственныхъ дѣлъ зависятъ не отъ личности короля, а отъ прочности и совершенства государственныхъ учрежденій. Эта мысль получила дальнѣйшее развитіе въ царствованіе брата Ричарда—Іоанна Безземельнаго (1199—1216).

Царствованіе Іоанна было крайне несчастливое. Онъ поссорился съ папой Иннокентіемъ III изъ-за того, что не хотѣлъ признать архіепископа, назначеннаго Иннокентіемъ. Онъ конфисковалъ всѣ церковныя земли и изгналъ изъ Англіи всѣхъ тѣхъ, кто держалъ сторону этого архіепископа. Тогда папа наложилъ на всю Англію интердиктъ (запрещеніе всѣхъ богослуженій и церковныхъ требъ) и самого короля отлучилъ отъ церкви. Іоаннъ хотѣлъ было бороться съ папой, но тотъ разрѣшилъ вассаловъ короля отъ присяги и тѣ приняли угрожающее положеніе. Тогда Іоаннъ смирился передъ папой и даже пошелъ на униженіе: онъ призналъ себя ленникомъ папы, принялъ королевство, какъ ленъ, изъ рукъ папы и обязался платить папскому престолу особую дань. Это униженіе оскорбило англійскую націю. Къ тому же въ слѣдующемъ (1214) году англійскія войска потерпѣли пораженіе отъ французовъ. (Уже извѣстно, что французскій король въ этомъ сраженіи, кромѣ феодальныхъ войскъ, опирался на городскія

дружины и на ополченія крестьянъ, вышедшихъ съ церковными хоругвями, вмѣсто знаменъ, подъ предводительствомъ священниковъ.) Когда Іоаннъ возвратился въ Англію, англійскіе бароны открыто возстали противъ него съ опредѣленнымъ требованіемъ «закона и свободы». Главнымъ руководителемъ возставшихъ былъ епископъ Лангтонъ, изъ-за назначенія котораго Іоаннъ поссорился съ папой. Бароны заявляли, что своими дѣйствіями король позоритъ англійскую націю. Къ возставшимъ присоединилась значительная часть духовенства и г. Лондонъ. Іоаннъ сначала имѣлъ намѣреніе бороться: онъ призвалъ наемниковъ, апеллировалъ къ папѣ, какъ своему сюзерену, но все было напрасно: былъ моментъ, говоритъ историкъ, когда у Іоанна оставалось только 7 рыцарей. Видя полное свое безсиліе, всѣми покинутый, Іоаннъ рѣшилъ уступить всѣмъ требованіямъ, имѣя въ виду на время успокоить этимъ общество, а позднѣе опять дѣйствовать по-своему. 15-го мая 1215 г. король своей печатью скрѣпилъ требованія бароновъ (на берегу р. Темзы). На основаніи этого соглашенія нѣсколько дней спустя была составлена и также подписана королемъ «Великая Хартія Вольностей», положившая основаніе англійской гражданской свободѣ.

Великая Хартія Вольностей. Король прежде всего обязался уважать права и привилегіи духовенства; выборы высшихъ и низшихъ духовныхъ лицъ должны были производиться свободно и король долженъ былъ утверждать ихъ, если для отказа не было дѣйствительно основательной причины.

Что касается феодальныхъ повинностей, то, если королю необходима была денежная помощь вассаловъ, онъ могъ разсчитывать только на 3 феодальныхъ сбора, оставленныхъ за нимъ; кромѣ того, «ни одинъ налогъ не могъ быть взимаемъ въ королевствѣ безъ согласія общаго совѣта королевства», на который прелаты и крупные бароны должны были приглашаться особыми увѣдомленіями, а прочіе вассалы короля черезъ шерифовъ, не менѣе, какъ за 40 дней до совѣта. Произвольное заключеніе въ тюрьму безъ приговора суда и наложеніе штрафа запрещалось. При предшественникахъ Іоанна Безземельнаго, кромѣ штрафа по суду, введенъ былъ т.-н. «выкупъ за милость короля» (amerciamentum), размѣры котораго не были опредѣлены и при желаніи король могъ за незначительное преступленіе взять большой выкупъ подъ предлогомъ, что онъ не можетъ иначе возвратить извѣстному лицу своей «милости»; штрафъ могъ быть настолько не по силамъ извѣстному лицу, что могъ его разорить. Королевскій судъ, кромѣ того, былъ вообще разорителенъ для населенія, такъ

какъ на населеніе падала, напр., обязанность содержать судъ въ извѣстной мѣстности, доставлять ему средства передвиженія и т. п. Какъ дорого стоили населенію королевскій судъ и связанныя съ нимъ повинности, видно изъ разсказовъ современниковъ, что иногда при появленіи королевскихъ судей въ извѣстной мѣстности всѣ тамошніе жители прятались въ лѣса. Теперь размѣры штрафа опредѣляются точно перами провинившагося, людьми одной съ нимъ деревни или округа, хорошо знающими степень его состоянія, чтобы штрафъ не могъ явиться его разореніемъ.—Произволъ по отношенію къ свободѣ отдѣльной личности ограничивался статьей, которая гласила: «Ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, лишенъ имущества, поставленъ внѣ закона, изгнанъ или какимъ-либо способомъ подвергнутъ убытку: мы не пойдемъ противъ него (мы—т.-е. король) и не пошлемъ противъ него иначе, какъ по законному приговору его перовъ или по закону страны». — «Ни одному человѣку,—гласитъ другая статья,—мы не будемъ продавать или отказывать, или отсрочивать право или правосудіе». Каждому англичанину было обезпечено «право свободнаго передвиженія по сушѣ и по водѣ», т.-е. выѣзда изъ государства и возвращенія въ него. Различныя привилегіи короля (исключительное право охоты, право постоя, право брать хлѣбъ, лошадей и подводы для разъѣздовъ судей безъ денегъ) были или уничтожены или сильно сокращены.

Затѣмъ идетъ много постановленій относительно судоустройства и судопроизводства. Тутъ является закрѣпленіе того, что сдѣлано было въ предшествующія царствованія. Королевскій судъ (Common pleas) долженъ былъ засѣдать въ опредѣленномъ мѣстѣ—въ Лондонѣ, тогда какъ «Судъ скамьи», который разбиралъ дѣла, въ которыхъ замѣшанъ лично самъ король, не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія и слѣдовалъ за королемъ: такимъ образомъ является судъ, который всегда можно найти на мѣстѣ; судъ ставится въ положеніе, не зависящее отъ придворныхъ желаній и переѣздовъ. Точно устанавливается, что судебныя комиссіи обязаны объѣзжать провинціи, для того, чтобы судить дѣла, подсудныя собственно королю, не менѣе 3 разъ въ годъ. Мѣстные королевскіе чиновники лишены были права вести королевскія тяжбы, которыя разбираются пріѣзжими комиссіями. Никому нельзя отказать въ правѣ на королевскій судъ (Breve de inquisitione).

Тѣхъ правъ, которыхъ бароны домогались для себя, они требовали и для всей націи. Благо свободнаго и неподкупнаго правосудія было благомъ для всѣхъ, но особенное постановленіе охраняло бѣдняка. Штрафъ съ крестьянина-земледѣльца

за совершонное имъ преступленіе не долженъ былъ затрогивать его земли и земледѣльческихъ орудій, съ купца—его товаровъ: такимъ образомъ даже въ случаѣ наличности вины законъ оставлялъ виновному средства для дальнѣйшаго существованія. Подвассалы или арендаторы гарантировались отъ незаконныхъ вымогательствъ ихъ лордовъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ сами лорды гарантировались отъ вымогательствъ короля. Городамъ было обезпечено пользованіе ихъ привилегіями, свободою отъ произвольнаго обложенія, правомъ суда, свободнаго общаго совѣщанія, регулированія торговли. «Пусть городъ Лондонъ пользуется всѣми своими старыми вольностями и свободой отъ податей какъ на сушѣ, такъ и на водѣ. Сверхъ того, мы желаемъ и дозволяемъ, чтобы всѣ остальные города, мѣстечки и порты пользовались всѣми вольностями и свободой отъ податей». Вліяніе торговаго класса замѣтно еще въ 2 постановленіяхъ, изъ которыхъ одно, какъ уже указано выше, гарантировало купцамъ свободу передвиженія и торговли, а другое устанавливало для всего государства единство вѣсовъ и мѣръ.

Сверхъ всего этого, подозрѣвая, что Іоаннъ дѣлалъ уступку, имѣя въ виду не исполнять своихъ обѣщаній, феодалы включили въ Великую Хартію статью, въ силу которой комиссія изъ 25 вооруженныхъ бароновъ должна была слѣдить за тѣмъ, чтобы король исполнялъ постановленія Хартіи: въ противномъ случаѣ бароны имѣли право объявить королю войну. И эта прибавка оказалась вовсе не лишней. Хартія была распубликована по всей странѣ и ей, по приказанію короля, присягнули всѣ сотенныя и общинныя собранія. Но самъ король не имѣлъ въ виду исполнять ее. «Они поставили надо мной 25 опекуновъ»,—въ ярости кричалъ онъ, но, чувствуя свое безсиліе, рѣшилъ дѣйствовать путемъ интригъ. Онъ просилъ поддержки у папы, который прислалъ ему свое благословеніе и наложилъ на г. Лондонъ запрещеніе богослуженія. Но лондонцы насмѣялись надъ папой: «рѣшеніе свѣтскихъ дѣлъ не касается папы»,—заявили они, и богослуженіе въ городѣ не было прекращено. Противъ наемныхъ войскъ Іоанна бароны обратились за помощью къ королю Франціи. Началась война, но неожиданно Іоаннъ умеръ, и престолъ перешелъ къ его малолѣтнему сыну Генриху III, которому въ это время было только 9 лѣтъ. Его царствованіе (1216—1272) было временемъ глубокаго униженія для Англіи. Не находя себѣ опоры въ англійскомъ феодальномъ сословіи, Генрихъ окружилъ себя выходцами изъ Франціи, которымъ раздавалъ высшія должности, доходные лены и королевскіе замки. Такъ какъ на самыя высшія должности нельзя было назначать иностранцевъ, а

обязательно англичанъ, то Генрихъ, не желая этого дѣлать, оставлялъ такія важныя должности, какъ государственнаго канцлера, государственнаго казначея и т. д., не замѣщенными, а центральное управленіе поручалъ мелкимъ чиновникамъ, вслѣдствіе чего происходило много злоупотребленій и непорядковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до того подчинился Риму, что папы смотрѣли на Англію, какъ на свой доменъ.

Такое недостойное поведеніе короля крайне не нравилось англійской націи и въ лучшей ея части (среди феодальной знати и высшаго духовенства) стали развиваться патріотизмъ и національное самосознаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ значеніе съѣздовъ представителей аристократіи, которые ведутъ свое начало съ до-норманнскихъ временъ. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, Генрихъ III долженъ былъ обращаться съ просьбами о назначеніи ему денежной субсидіи къ англійскимъ баронамъ, созывая для этого такіе съѣзды, какіе были въ обычаѣ еще до Великой Хартіи 1215 года. Съѣзды эти собирались довольно часто, періодически правильно и пріобрѣли названіе парламентовъ, такъ какъ тамъ дѣло обсуждалось словесно (отъ французскаго—parler—говорить). Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, Генрихъ III ничего не могъ предпринять безъ согласія парламентовъ, а эти послѣдніе все громче и громче поднимали свой голосъ противъ корыстолюбія Рима и настойчиво требовали удаленія иностранцевъ, захватившихъ всѣ высшія должности, а также порядка въ финансовыхъ дѣлахъ. «Вся правительственная машина перешла въ руки людей невѣжественныхъ—французовъ и итальянцевъ, относившихся съ пренебреженіемъ къ началамъ англійскаго управленія и закона. Ихъ управленіе было чистой анархіей: королевскіе слуги превратились въ настоящихъ разбойниковъ, грабившихъ купцовъ въ оградѣ королевскаго дворца; въ среду судей проникъ подкупъ, и даже одинъ изъ членовъ королевскаго совѣта былъ изобличенъ въ томъ, что открыто бралъ взятки и присуждалъ въ свою пользу спорныя имѣнія»,—читаемъ мы объ этой эпохѣ. Какъ велось финансовое хозяйство, видно изъ того, что шестая часть доходовъ государства тратилась на уплаты разнаго рода пенсій иностраннымъ фаворитамъ; долги королевскаго дома превышали въ 4 раза доходы короля. Неудивительно, что среди бароновъ постепенно сложилось сознаніе, что нужно все управленіе отнять у короля и поставить подъ контроль свѣтской и духовной аристократіи: такимъ образомъ высшій слой англійскаго общества старался добиться права участія въ государственномъ управленіи и надзора за правительственной дѣятельностью.

Въ 1244 г. собраніе прямыхъ вассаловъ короля, къ которымъ Генрихъ обратился съ просьбой о субсидіи, потребовало, чтобы баронамъ было предоставлено право назначать трехъ министровъ изъ своей среды, которые приняли бы въ свои руки все текущее управленіе. Этимъ король былъ бы поставленъ подъ опредѣленный контроль бароновъ. Они говорили, что имъ недостаточно случайнаго вмѣшательства въ дѣла, которое представляется имъ во время созыва парламента; эти случайныя вмѣшательства не могутъ обезпечить правильнаго веденія дѣлъ: надо, чтобы при королѣ, «такъ какъ ему дурно совѣтуютъ», были другіе совѣтники, избранные изъ среды бароновъ.

Король не согласился на требованія бароновъ, распустилъ собраніе и сталъ вести переговоры о субсидіяхъ и займѣ съ отдѣльными группами населенія. Въ 1254 г. онъ сдѣлалъ попытку снестись, помимо бароновъ, съ мелкими рыцарями графствъ и съ свободными землевладѣльцами, но и изъ этой попытки ничего прочнаго не вышло. Правильной системы доходовъ не получилось, между тѣмъ военныя дѣйствія, которыя велъ Генрихъ III во Франціи, требовали чрезвычайныхъ расходовъ. Генриху пришлось созвать парламентъ въ 1258 г. (въ Оксфордѣ).

Этотъ парламентъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «Бѣшенаго», предложилъ Генриху III, въ отплату за субсидію, новую систему управленія, болѣе развитую, чѣмъ программа 1244 г. Былъ составленъ списокъ жалобъ на нарушеніе Великой Хартіи 1215 года—на передачу замковъ и должностей иностранцамъ, на то, что деньги, выданныя на дѣйствительныя нужды, расходовались безъ мѣры и безъ нужды. Парламентъ прямо требовалъ передачи всей системы управленія въ руки бароновъ: текущее управленіе ставилось въ зависимость отъ постояннаго государственнаго совѣта, состоявшаго изъ 15 членовъ по выбору бароновъ; для законодательства къ этому совѣту три раза въ годъ долженъ былъ присоединяться парламентъ, составляемый по выбору бароновъ изъ 12 человѣкъ; бароны же должны были обсуждать финансовыя требованія со стороны короля и мн. др.

Генрихъ III вынужденъ былъ согласиться на такія требованія бароновъ. Но мелкіе рыцари, средній классъ населенія, были крайне возмущены этими олигархическими затѣями бароніальнаго слоя. Уже въ 1259 г. мелкіе и средніе рыцари обратились къ наслѣднику престола Эдуарду съ петиціей, въ которой просили его, чтобы король избавилъ ихъ отъ ига бароновъ. Опираясь на это заявленіе рыцарей, Генрихъ разорвалъ постановленія Бѣшенаго парламента и созвалъ новый,

при чемъ наряду съ баронами въ парламентъ были приглашены отъ каждаго графства по 3 рыцаря.

Но въ это время одинъ изъ выдающихся политическихъ дѣятелей Англіи, Симонъ-де-Монфоръ, въ противовѣсъ этому движенію организовалъ сопротивленіе королю на болѣе уже широкихъ началахъ. Онъ заявлялъ, что слѣдуетъ соединиться противъ королевской власти для того, чтобы всѣмъ извлечь выгоду отъ этого сопротивленія. Ему удалось устроить коалицію, и въ 1264 году онъ разбилъ (при Льюисѣ) королевскія войска и самого короля съ наслѣдникомъ Эдуардомъ взялъ въ плѣнъ.

Побѣда при Льюисѣ поставила графа Монфора во главѣ государства. «Теперь Англія жила въ надеждѣ на свою свободу»,—читаемъ мы у одного современнаго поэта:—«англичанъ прежде презирали, какъ собакъ, а теперь они подняли головы, враги ихъ побѣждены». Дальше эта пѣснь излагаетъ теорію управленія. Кто хотѣлъ бы по истинѣ быть королемъ, тотъ является «вольнымъ королемъ», если управляетъ, какъ слѣдуетъ, собой и королевствомъ. Все, что идетъ на благо королевства, онъ считаетъ законнымъ, а вредное для него—преступнымъ. Одно дѣло—править согласно съ долгомъ короля, другое—разрушать государство, противясь закону. «Пусть совѣщаются общины королевства и пусть выяснится мнѣніе всѣхъ, такъ какъ имъ всего лучше извѣстны ихъ законы. Всего лучше знаютъ законы тѣ, кто ими управляется; всего лучше знакомы съ ними тѣ, кто ежедневно имѣетъ съ ними дѣло; а такъ какъ тутъ дѣло идетъ объ ихъ интересахъ, то они приложатъ больше заботы и въ своихъ дѣйствіяхъ будутъ имѣть въ виду свой миръ». «Общины имѣютъ право слѣдить за тѣмъ, какого рода людей нужно, собственно, выбирать для блага государства». «Никогда еще,—говоритъ по поводу этой пѣсни изслѣдователь (Гринъ),—не излагались такъ ясно конституціонныя ограниченія королевской власти, право націи совѣщаться о своихъ дѣлахъ и рѣшать ихъ, а также право имѣть свой голосъ въ выборѣ представителей администраціи».

Вполнѣ понимая, что одни высшія сословія не въ состояніи устроить управленіе страной, если устранены будутъ мелкіе рыцари и горожане, Симонъ-де-Монфоръ въ 1265 г. созвалъ «большой совѣтъ королевства», куда, кромѣ бароновъ и епископовъ, пригласилъ выборныхъ представителей отъ городовъ и графствъ—по 2 человѣка отъ города и графства. Такимъ образомъ, С.-де-Монфоръ положилъ начало англійскому парламенту. Знать и духовенство не были довольны приглашеніемъ въ парламентъ мелкихъ рыцарей и горожанъ и бросили Мон-

фора, перейдя на сторону короля. Эдуарду удалось убѣжать изъ плѣна и онъ сталъ во главѣ всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ Монфоромъ. Произошла междоусобная война, во время которой С.-де-Монфоръ былъ убитъ. Но приглашеніе въ парламентъ горожанъ и мелкихъ рыцарей уже вошло въ обычай и получило силу закона; при вступленіи на престолъ Эдуарда I (1272 г.) парламентъ имѣлъ 3 сословія.

Обстоятельства помогали развитію парламента. Для своихъ войнъ съ Франціей и Шотландіей Эдуардъ нуждался въ деньгахъ и для полученія ихъ вынужденъ былъ много разъ созывать парламентъ и каждый разъ подтверждать его право на сборъ налоговъ и податей. Участіе выборныхъ отъ городовъ и графствъ сдѣлалось при немъ постояннымъ.

Со средины XVI вѣка англійскій парламентъ получилъ такое устройство: онъ раздѣлился на 2 палаты—верхнюю и нижнюю,—палату лордовъ и палату общинъ. Членами верхней были епископы, аббаты и крупные вассалы короля; званіе свѣтскихъ лордовъ стало переходить по наслѣдству къ старшему сыну. Нижняя палата образовалась изъ выборныхъ представителей, т.-е. отъ мелкихъ рыцарей, отъ свободнаго населенія графствъ и отъ городовъ.

Еще болѣе усилился парламентъ при Эдуардѣ III, такъ какъ этотъ король весьма часто созывалъ его для борьбы съ Франціей. (При Эдуардѣ началась т. н. Столѣтняя война.) При этомъ королѣ за парламентомъ утвердились слѣдующія права: 1) король могъ объявить войну, но деньги на нее давалъ парламентъ; 2) законы стали издаваться королемъ только съ согласія обѣихъ палатъ; 3) королевскіе совѣтники обязаны были отвѣчать передъ парламентомъ за дурное веденіе дѣлъ и за нарушеніе законовъ государства; 4) ходатайства палаты общинъ, если король изъявилъ свое согласіе по ихъ содержанію, вносились въ протоколы парламента и въ видѣ прецедентовъ получали силу закона. Почувствовавъ свою силу, парламентъ въ 1365 г. объявилъ, что Іоаннъ Безземельный не имѣлъ права принимать Англію, какъ ленъ, изъ рукъ папы безъ согласія націи: такимъ образомъ Англія освобождена была отъ зависимости отъ папы.

Во второй половинѣ XV вѣка значеніе парламента нѣсколько упало. Какъ извѣстно, неудачный (для Англіи) конецъ Столѣтней войны, оскорбившій національное самолюбіе англичанъ, вызвалъ междоусобную войну, продолжавшуюся около 30 лѣтъ (война Алой и Бѣлой Розы). Эта война имѣла большое значеніе въ исторіи англійскаго парламента. Короли привыкли дѣйствовать самостоятельно и рѣдко созывали парламентъ: напр.,

въ теченіе 25-лѣтняго царствованія іоркскаго дома парламентъ былъ созванъ только 7 разъ и то на нѣсколько недѣль каждый разъ; право подачи голосовъ было предоставлено только тѣмъ, кто владѣлъ свободной землей, приносившей не менѣе 40 шиллинговъ дохода (freehold); города, пользовавшіеся правомъ посылать выборныхъ въ парламентъ, выбирались наудачу, и т. д. Значительная часть англійской аристократіи погибла во время этой войны и преобладающая роль переходитъ отъ палаты лордовъ къ палатѣ общинъ. Но народъ, утомленный междоусобной войной, ждалъ мира, порядка и разныхъ улучшеній не отъ парламента, а отъ короля, что сдѣлало неизбѣжнымъ усиленіе королевской власти. Съ другой стороны, кругъ вѣдомства парламента нѣсколько расширился, такъ какъ парламенту пришлось не разъ высказываться даже по такимъ вопросамъ, какъ—о призваніи и утвержденіи того или другого короля. Но въ общемъ къ концу Среднихъ вѣковъ вліяніе парламента слабѣетъ. Съ XVII вѣка начинается эпоха усиленія парламента, составляющая содержаніе Новой исторіи Англіи: закончено было развитіе парламента во второй половинѣ XIX вѣка. (См. нашу Новую ист., стр. 290.)

Развитіе власти князей въ Германіи. Послѣ прекращенія династіи Гогенштауфеновъ, въ срединѣ XIII в., въ Германіи наступила эпоха смутъ и междоусобій, которая продолжалась около 20 лѣтъ. Между князьями германскими не было единодушія и они не могли выбрать императора изъ своей среды. Поэтому престолъ Германіи занимали одинъ за другимъ иностранцы—Ричардъ Корнвалійскій, Альфонсъ Испанскій,—которые настолько мало интересовались Германіей, что Ричардъ, напр., посѣтилъ Германію раза 4 наѣздомъ, а Альфонсъ не собрался посѣтить ее ни разу. Такимъ образомъ, представителя верховной власти въ Германіи не было; пользуясь его отсутствіемъ, князья, которые и раньше уже пользовались большею или меньшею самостоятельностью въ своихъ территоріяхъ, теперь совершенно перестали стѣсняться. Страна дошла до крайней степени разложенія. Безпорядки и насилія умножались съ каждымъ днемъ. Князья, рыцари и города враждовали между собой и съ императоромъ. Это, по выраженію историка, была война всѣхъ противъ всѣхъ и всего. Въ это время вся Германія была раздроблена почти на 200 самостоятельныхъ или только косвенно зависимыхъ государствъ разныхъ наименованій—королевствъ, великихъ и малыхъ герцогствъ, графствъ, архіепископствъ и т. п.

«Вся Германія есть вертепъ разбойниковъ»,—читаемъ мы въ современной хроникѣ,—«а изъ дворянъ въ Германіи считается

самымъ знаменитымъ тотъ, кто отличается грабежомъ». У нѣмцевъ въ это время выработалась даже поговорка: «грабежъ— не позоръ». Всюду господствовалъ произволъ, отъ котораго страдали слабые и беззащитные. Искать справедливости было не у кого, такъ какъ въ то время господствовало право сильнаго или «право кулака». Не встрѣчая защиты со стороны властей, общество само стало искать средствъ для борьбы съ нарушителями общественной безопасности и «рыцарями большой дороги». Такими средствами были «тайные суды», возникшіе первоначально въ Вестфаліи и потомъ распространив-

Рыцари-разбойники.

шіеся по всей Германіи, и союзы городовъ, какъ, напр., Ганзейскій и Рейнскій.

Эта эпоха «Междуцарствія» въ Германіи прекратилась съ избраніемъ на императорскій престолъ Рудольфа Габсбургскаго, родъ котораго, съ нѣкоторыми перерывами, царствовалъ до конца Среднихъ вѣковъ. Нѣкоторые историки говорятъ, что заслугой дома Габсбурговъ нужно считать то, что имъ удалось удержать императорскій титулъ въ своемъ родѣ и хотя, быть-можетъ, и мелкой личной политикой добиться возвышенія надъ другими княжескими родами; путемъ личныхъ союзовъ (брачныхъ и др.) Габсбургамъ удалось объединить въ своихъ ру-

кахъ весьма большія земли. Но собственно въ Германіи власть ихъ была весьма не велика. Не говоря уже о томъ, что многіе крупные и мелкіе князья не желали признавать Габсбурговъ императорами и съ ними приходилось вести постоянныя войны, въ Германіи къ концу XIII вѣка изъ общей массы княжествъ выдѣляются семь наиболѣе могущественныхъ, государи которыхъ присвоиваютъ себѣ названіе «избирательныхъ князей»—«курфюрстовъ», такъ какъ они имѣли главное вліяніе при выборахъ императора. Напр., извѣстно, что Генрихъ VII избранъ былъ послѣ предварительнаго соглашенія 6 курфюрстовъ въ Ренсе, около Кобленца. И на этомъ совѣщаніи высказана была мысль, что «кто былъ законнымъ путемъ выбранъ большинствомъ курфюрстовъ, тотъ долженъ считаться законнымъ и настоящимъ нѣмецкимъ королемъ, не нуждаясь въ папскомъ утвержденіи».

Трое изъ этихъ курфюрстовъ были духовные князья—архіепископы майнцскій, трирскій и кельнскій, и 4 свѣтскихъ—пфальцъ-графъ Рейнскій, герцогъ Саксонскій, маркграфъ Бранденбургскій и король Чехіи (вмѣсто послѣдняго нѣкоторое время право участвовать въ засѣданіяхъ курфюрстовъ принадлежало королю Баваріи). Съ мнѣніемъ этихъ семи князей императоры должны были считаться. А при каждыхъ новыхъ выборахъ императора курфюрсты пріобрѣтали новыя намилости и новыя права на основаніи новыхъ договоровъ, называвшихся Wahlcapitulationen. Поэтому имъ было очень выгодно не допускать передачи императорской короны по наслѣдству. Императоръ еще оставался по теоріи источникомъ всякаго права и чѣмъ-то вродѣ символа нѣмецкаго могущества: но его дѣйствительная сила вовсе не соотвѣтствовала такой идеальной роли, которая часто только роняла его во мнѣніи его подданныхъ. Въ сущности императорская власть была почти совершенно ничтожной, а имперія пользовалась незначительнымъ вліяніемъ въ чужихъ краяхъ, несмотря на обширность своей территоріи и многочисленность своего населенія. Императоръ не имѣлъ ни постоянной арміи, ни доходовъ, на которые онъ могъ бы безспорно разсчитывать, ни судебной власти; его право налагать «вето» («veto») на постановленія княжескихъ съѣздовъ было призрачнымъ. Неудивительно поэтому, что императоръ больше всего заботился о расширеніи своихъ личныхъ владѣній и объ увеличеніи владѣній своего семейства. Такъ какъ всѣ интересы сдѣлались только мѣстными, то императоръ дѣлалъ то же, что дѣлали курфюрсты, и, глядя на нихъ, другіе князья, заботившіеся только о своей личной пользѣ; имперія же въ сущности оставалась безъ главы.

Точно и опредѣленно формулированы были права высшихъ князей, главнымъ образомъ семи курфюрстовъ, т.-н. «Золотой» буллой имп. Карла IV въ 1356 г. По этой грамотѣ самостоятельность семи владѣтельныхъ князей была признана прочной основой имперіи; была даже объявлена недѣлимость курфюршескихъ княжествъ. Кромѣ того, Золотая булла признала за ними право первородства, т.-е., что званіе курфюрста передается старшему сыну. Она предоставила курфюрстамъ верховную судебную власть, объявивши, что ни одинъ изъ ихъ подданныхъ не можетъ обращаться иначе, какъ къ ихъ суду, а апелляція къ императорскому суду допускалась только по такимъ дѣламъ, по которымъ курфюрсты отказывали въ разбирательствѣ. Курфюрсты получили право чеканить монету, разрабатывать находившіеся въ ихъ владѣніяхъ рудники и проч. Всякое покушеніе на курфюрста считалось такимъ же покушеніемъ, какъ покушеніе на жизнь императора. Такимъ образомъ, Золотая булла какъ бы узаконила раздробленіе Германіи. Можно сказать, что съ этого времени Священную Римскую имперію стала замѣнять Германская свѣтская имперія, въ которой князьямъ уже не приходилось опасаться императорской власти. Князья сдѣлались почти независимыми, и эта независимость была торжественно признана и сдѣлалась на будущее время основнымъ закономъ имперіи.

Въ XV в. при слабомъ и недѣятельномъ императорѣ Фридрихѣ III власть князей еще болѣе усилилась, такъ какъ императоръ какъ-то странно относился къ усиленію князей и расширенію ими своихъ владѣній за счетъ другихъ. Положеніе имперіи было настолько затруднительное, что лучшіе люди эпохи выступили съ цѣлымъ рядомъ проектовъ, имѣвшихъ цѣлью упорядоченіе дѣлъ имперіи. Но всѣ эти попытки не достигали цѣли, такъ какъ Фридрихъ III былъ совершенно не въ состояніи что-нибудь сдѣлать. И общество понимало затруднительное положеніе императора: кардиналъ Николай Пизанскій, одинъ изъ представителей партіи реформы, выразился однажды, что самые хорошіе законы «могли бы приносить какую-нибудь пользу только въ томъ случаѣ, если бы императору была предоставлена такая сильная исполнительная власть, которая доставила бы возможность наказывать мятежниковъ, принуждать къ исполненію законовъ и обезпечивать исполненіе судебныхъ рѣшеній». Но Фридрихъ III не имѣлъ такой власти, а потому и безсиленъ былъ что-либо сдѣлать. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ скоро утратилъ симпатіи массъ народа и на него перестали смотрѣть какъ на лицо, которому Провидѣніемъ поручено охранять правосу-

діе и внутреннее спокойствіе. Но необходимость реформъ всѣми ощущалась.

Поэтому при сынѣ Фридриха — Максимиліанѣ I была сдѣлана попытка реорганизовать имперію. Былъ установленъ «вѣчный земскій миръ», т.-е. должны были прекратиться междоусобныя войны и всякое самоуправство. Для разбора споровъ между курфюрстами, князьями и городами установленъ былъ Верховный Имперскій судъ Reichskammergericht (Рейхскаммергерихтъ), въ составъ котораго входили члены по назначенію императора. Въ этомъ судѣ всякій могъ искать защиты: засѣдалъ судъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Для облегченія судопроизводства и для исполненія приговоровъ суда, а также для управленія вся Германія была раздѣлена на 10 округовъ съ особыми начальниками изъ мѣстныхъ князей, которые обязаны были мирить враждующихъ и поддерживать порядокъ. Но на дѣлѣ порядка установить не удалось и миръ также не былъ водворенъ, такъ какъ имперскіе чины не боялись Верховнаго суда и плохо его слушались. Центральное правительство ничѣмъ себя не заявляло, и всѣ области Германіи тянули врозь. Такимъ образомъ, въ концѣ XV-го вѣка Германія представляла собою страну политически раздробленную и потому безсильную, хотя она занимала обширное пространство и обладала многочисленнымъ трудолюбивымъ и воинственнымъ населеніемъ. (Какое значеніе имѣла эта раздробленность Германіи въ политическомъ отношеніи, видно изъ исторіи реформаціоннаго движенія въ Германіи въ началѣ XVI-го вѣка).

Папство и идея универсальной Церкви.

Исторія народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря (т. н. Древняя исторія) закончилась тѣмъ, что всѣ они, другъ за другомъ, объединились подъ одной властью римскихъ императоровъ. Въ то же время почти на всемъ пространствѣ Римской имперіи распространяется христіанство. Его появленіе было исторической необходимостью, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предшествующей исторіи. Языческій политеизмъ обнаружилъ полную свою несостоятельность. Попытки философовъ древняго міра переработать политеизмъ окончились неудачно: въ обществѣ появилась потребность новой религіи, такой, въ которой было бы Единое Божество; будучи абсолютно совершеннымъ, это Единое Божество въ то же время должно было быть

близко къ человѣку и не походить на олимпійскихъ боговъ, о похожденіяхъ которыхъ существовало такъ много разсказовъ. Явилась потребность въ такой религіи, которая не была бы связана ни съ какою національностью, стояла бы внѣ политики, обладала бы простымъ культомъ и высокой нравственностью. Всѣмъ этимъ потребностямъ язычество безсильно было удовлетворить. Только христіанство съ его общечеловѣческимъ характеромъ, съ его чистымъ культомъ, съ его Богочеловѣкомъ, соединившимъ въ Себѣ могущество Божества и любвеобильное участіе къ людскимъ страданіямъ, вполнѣ подходило къ религіознымъ стремленіямъ эпохи, почему и восторжествовало скоро надъ язычествомъ.

Но распространеніе христіанства отчасти способствовало разрушенію имперіи. Самое существованіе новой религіи было несовмѣстимо съ существованіемъ имперіи. Эта несовмѣстимость выразилась въ томъ, что христіане отказывались занимать служебныя должности, такъ какъ отъ должностныхъ лицъ требовалось исполненіе языческихъ обрядовъ; христіане избѣгали военной службы, такъ какъ знамена освящались по языческимъ обрядамъ, и т. д. Уже «Апокалипсисъ» І. Богослова совѣтовалъ христіанамъ не принимать никакихъ должностей. Еще болѣе рѣзкія выраженія по адресу языческаго общества находимъ мы у церковнаго писателя Тертулліана (кон. II—нач. III в. по Р. Х.). Къ общественному устройству христіане относились съ такимъ же неуваженіемъ; они говорили: «первые будутъ послѣдними, послѣдніе—первыми». Въ посланіяхъ ап. Іакова есть сильныя нападки на богачей, противъ которыхъ, по его словамъ, «вопіетъ плата, удержанная ими у работниковъ». Неудивительно, что правительство отвѣчало на это гоненіями, которыя лишній разъ доказываютъ несовмѣстимость христіанства съ имперіей.

Послѣ 313 г., когда состоялось примиреніе имперіи съ новымъ ученіемъ, вражда христіанъ къ имперіи не исчезла, такъ какъ Церковь находилась въ зависимости отъ имперіи, отъ которой заражалась нравственной испорченностью. Св. Іоаннъ Златоустъ, св. Іеронимъ и др. свидѣтельствуютъ, что «увеличились богатства Церкви, но добродѣтели ея уменьшились». Различныя бѣдствія, испытываемыя имперіей, мало трогаютъ христіанъ. Такіе писатели, какъ Сальвіанъ, такіе выдающіеся люди, какъ блаж. Августинъ, св. Іеронимъ, относятся совершенно равнодушно къ положенію имперіи: въ сочиненіи послѣдняго встрѣчается даже обращеніе къ варварамъ.

Причины такого антагонизма вполнѣ понятны. Прежде всего онѣ заключались въ самой сущности міровоззрѣній—языче-

скаго и христіанскаго. Затѣмъ онъ еще болѣе усилился вслѣдствіе враждебныхъ столкновеній между христіанами и язычниками. Чѣмъ сильнѣе были гоненія, тѣмъ больше обособлялась христіанская община, въ которой въ то же время создавалась собственная организація, не имѣвшая ничего общаго съ языческимъ міромъ. Кромѣ того, нужно отмѣтить, что христіане первыхъ вѣковъ вѣровали въ скорое пришествіе І. Христа: въ І вѣкѣ это пришествіе представлялось болѣе близкимъ и неминуемымъ, чѣмъ во II и III вѣкахъ. Вслѣдствіе этого христіане были болѣе склонны относиться отрицательно къ міру и государству, ихъ угнетавшему. У нихъ постепенно складывалось представленіе о царствѣ небесномъ въ противоположность земному: ихъ небесный царь — Христосъ—находился въ полной противоположности съ языческимъ императоромъ. Когда же христіанство восторжествовало надъ язычествомъ и языческій императоръ сталъ христіаниномъ, положеніе дѣла существенно не измѣнилось. Хотя имперія стала христіанской, тѣмъ не менѣе противоположность между царствами небеснымъ и земнымъ оставалась. Эта противоположность на Западѣ, вслѣдствіе политическихъ причинъ, была еще сильнѣе, чѣмъ на Востокѣ. Византійскій императоръ стоялъ ближе къ Церкви, былъ, собственно, первымъ епископомъ. На Западѣ имперія пала рано и земная жизнь стала еще тягостнѣе, ибо не было власти, которая берегла бы христіанъ отъ опасностей. Поэтому антагонизмъ между царствами небеснымъ и земнымъ пустилъ еще болѣе глубокіе корни и нашелъ себѣ выраженіе въ сочиненіи блаж. Августина «О божескомъ царствѣ» (De civitate Dei).

Блаж. Августинъ. Это сочиненіе было написано (между 413 и 426 годами) по поводу разграбленія Рима готами. Язычники приписывали это бѣдствіе христіанамъ; бл. Августинъ взялъ на себя защиту христіанъ и хотѣлъ доказать, что причиной этого несчастія являются не христіане, а язычники и то зло, которое заключается въ язычествѣ. Такимъ образомъ первоначально бл. Августинъ имѣлъ въ виду защиту христіанства; но онъ писалъ нѣсколько лѣтъ и вмѣсто апологіи христіанства изъ-подъ его пера вышло сочиненіе, заключающее въ себѣ глубокую философію исторіи съ христіанской точки зрѣнія. Это сочиненіе въ теченіе многихъ вѣковъ было главнымъ литературнымъ явленіемъ Зап. Европы и сильно появліяло на слагавшееся средневѣковое міровоззрѣніе.

По ученію бл. Августина, все въ мірѣ подчинено вѣчному закону Создателя. Богъ вѣчно царствуетъ не только на небѣ, но и на землѣ все носитъ на себѣ отпечатокъ Его мысли и

воли. На небѣ ангелы и святые составляютъ единое общество; они живутъ въ совершенномъ подчиненіи волѣ Создателя, иначе говоря, пребываютъ въ совершенномъ единствѣ съ Нимъ. Подобно обществу ангеловъ и человѣчество должно собраться во единый соціальный организмъ—объединиться во единый храмъ Божій. Но на землѣ идетъ постоянная борьба противоположныхъ страстей и стремленій, борьба духа съ плотью, междоусобная борьба отдѣльныхъ лицъ, сословій и государствъ. Вмѣсто единаго «Божескаго царства», которое мы видимъ на небѣ, на землѣ существуетъ множество человѣческихъ царствъ, которыя ведутъ между собою ожесточенную борьбу. Всѣ эти царства ведутъ свое начало отъ «отца лжи», «начальника тьмы»—дьявола, чѣмъ и объясняется ихъ взаимная вражда. Но на землѣ существуетъ учрежденіе и божественнаго происхожденія, составляющее полную противоположность этимъ грѣховнымъ людскимъ царствамъ—Церковь. Задача Церкви состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить разъединеніе человѣческаго рода и собрать всѣ народы и государства въ «единую христіанскую республику». Тогда и на землѣ установится такое же «Божеское царство», какъ на небѣ. Но кому же должна принадлежать власть въ этомъ «Божескомъ царствѣ» на землѣ? Отвѣтъ ясенъ: только тому классу, который долженъ быть руководителемъ христіанъ на пути къ спасенію, т.-е. духовенству. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ идеей Церкви, соотвѣтствующей царству небесному, должна была укорениться и идея власти духовенства надъ міромъ и мірянами. По ученію бл. Августина, Церковь имѣетъ право силой свѣтскаго меча принуждать къ истинной вѣрѣ всѣхъ противящихся и непокорныхъ; въ дѣлѣ установленія религіознаго единства государство должно служить Церкви, какъ орудіе. Болѣе того, государство имѣетъ право существовать, лишь поскольку оно входитъ въ Церковь, какъ составная ея часть, всецѣло поглощается ею.

Сочиненіе бл. Августина «О Божескомъ царствѣ» является, по выраженію историковъ, «краеугольнымъ камнемъ всего политическаго міровоззрѣнія Среднихъ вѣковъ». Установить въ средневѣковомъ обществѣ «единство» одинаково стремились и свѣтская власть и римскіе папы. Особенно послѣдніе хотѣли собрать все человѣчество во всемірный церковный организмъ подъ управленіемъ единой церковной власти, которая служила бы видимымъ центромъ церковной организаціи. И съ самаго начала Ср. вѣковъ духовенство стало выдѣляться на первый планъ.

Усиленіе римскаго примата. Въ первые вѣка христіанства римскій епископъ почти ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды дру-

гихъ епископовъ. Когда была установлена правильная церковная іерархія, римскій епископъ занялъ въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ епископами Константинополя, Александріи и Антіохіи. Римскіе епископы тогда не думали о преобладаніи. У св. Кипріана мы читаемъ: «Никто изъ насъ не имѣетъ стремленія сдѣлаться епископомъ надъ епископами: всѣ свободны и независимы въ своей власти; никто не можетъ быть судимъ другимъ, ни судить своихъ братьевъ. Будемъ дожидаться суда Христова, Который одинъ имѣетъ власть ставить насъ во главѣ Церкви и судить наши дѣйствія».

Но на дѣлѣ неравенство въ христіанской Церкви проявилось очень рано: провинціальные епископы стали въ зависимость отъ епископовъ большихъ городовъ. Особенно рѣзко это сказалось въ западной половинѣ Римской имперіи. Римъ былъ весьма долгое время столицей имперіи. Это придавало римскому епископу особое значеніе. Это видно, напр., изъ слѣдующаго: въ постановленіяхъ Константинопольскаго собора 381 г. мы читаемъ: «Епископъ константинопольскій имѣетъ почетное старшинство послѣ римскаго, потому что Константинополь— второй Римъ». Въ 28 правилѣ Халкидонскаго собора 451 г. мысль о старшинствѣ римскаго епископа проведена уже болѣе рѣзко: «Отцы присудили,—читаемъ мы,—старшинство каѳедрѣ старѣйшаго Рима, потому что онъ—царственный городъ».

Возвышенію Рима и римскаго епископа не мало помогли и историческія обстоятельства IV и V вѣковъ. Патріархъ былъ и въ Константинополѣ, но тамъ, рядомъ съ императоромъ, онъ былъ замѣтенъ мало. Западные римскіе императоры покинули Римъ и поселились въ Равеннѣ. Такимъ образомъ, римскій епископъ—п а п а—сдѣлался первымъ лицомъ въ городѣ и его роль въ обществѣ становится весьма замѣтной. Послѣ паденія Зап. Римской имперіи и образованія въ Италіи сначала остготскаго, а потомъ (въ особенности) лангобардскаго королевствъ, римскіе епископы были поставлены въ необходимость соединить въ своихъ рукахъ власть духовную со свѣтской: не намѣстникъ византійскаго императора, а епископъ г. Рима пришелъ на помощь притѣсняемому и угнетаемому населенію Италіи. И это, разумѣется, поставило ихъ весьма высоко въ глазахъ общества. Согласно одному изъ римскихъ преданій, когда Аттила появился подъ Римомъ, для переговоровъ съ нимъ былъ посланъ епископъ города Левъ I, и ему удалось склонить суроваго вождя гунновъ къ уходу отъ Рима. Этотъ фактъ заступничества передъ варварами римскіе епископы всегда впослѣдствіи приводили въ доказательство того, что они являются истинными пастырями своей Церкви. И въ этомъ

отношеніи обстоятельства складывались благопріятно именно для римскаго епископа. На Востокѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подъ рядъ, происходили догматическіе споры, появлялись ереси. Между тѣмъ на Западѣ мало интересовались вопросами догматическими, такъ какъ тамъ гораздо важнѣе были вопросы чисто практическіе: объ управленіи, о внутренней дисциплинѣ, объ отношеніи Церкви къ варварамъ и т. п. Въ вопросахъ вѣры римская Церковь держалась разъ установленныхъ положеній. Поэтому на вселенскихъ соборахъ именно римскіе епископы являлись хранителями апостольскихъ преданій въ чистотѣ и неприкосновенности, и другіе епископы. хотя и не признавали римскаго епископа выше себя, обращались къ нему за разрѣшеніемъ запутанныхъ догматическихъ вопросовъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣла сложилось убѣжденіе, что чистота вѣроученія и правильность церковнаго управленія сохранились только въ римской Церкви.

Чтобы придать этому взгляду больше силы, папы старались указывать на то, что римская Церковь основана первоверховными апостолами свв. Петромъ и Павломъ. Хотя св. ап. Петръ въ Римѣ епископомъ не былъ, въ западной Церкви сложился и укрѣпился взглядъ, что св. Петръ, какъ первый епископъ г. Рима, былъ намѣстникомъ самого Христа на землѣ и что его преемники—папы—также являются намѣстниками Христа. «Престолъ Петра,—читаемъ мы у одного отца Церкви,—главная Церковь; оттуда возникло священническое единство». Въ V вѣкѣ папа Иннокентій I весьма рѣзко выразилъ мнѣніе о верховенствѣ римской Церкви надъ другими: «Не человѣческій, а божественный авторитетъ основалъ римскую Церковь; мѣстныя Церкви получили свое существованіе отъ Петра и должны возвращать его Риму, какъ источнику своей власти; ихъ рѣшенія, чтобы имѣть законную силу, должны получить одобреніе отъ преемника св. Петра».

Но папы старались возвысить себя въ глазахъ христіанскаго общества не только словами, но и дѣломъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія дѣятельность папы Григорія I Великаго (590—604). Ему пришлось быть папой въ то время, когда Италію громили лангобарды и слабая Византія не была въ состояніи защищать населеніе Италіи. Папа Григорій, желая помочь населенію, взялъ на себя чисто государственныя задачи. Онъ тратилъ церковныя средства не только на помощь бѣднымъ, но и на жалованье солдатамъ, на укрѣпленіе города Рима и на уплату контрибуціи лангобардамъ. Для лучшаго веденія дѣла онъ не только взялъ подъ свой надзоръ византійскихъ чиновниковъ, но даже на-

значалъ своихъ. Какъ настоящій государь, онъ велъ войну съ лангобардами и заключилъ съ ними миръ даже противъ желанія византійскаго намѣстника въ Равеннѣ. Но онъ не ограничился такого рода дѣятельностью, а сумѣлъ выступить, какъ руководитель христіанской Церкви на всемъ Западѣ Европы: подъ вліяніемъ Григорія приняли истинную вѣру аріане, вестготы и лангобарды, обращены въ христіанство англосаксы. Папа Григорій I создалъ ученіе о чистилищѣ, развилъ обѣдню, ввелъ крестные ходы, пышное облаченіе, хоръ пѣвчихъ и пр. Со времени Григорія Римъ сдѣлался цѣлью посѣщенія всѣхъ богомольцевъ. Во вновь обращенныхъ въ христіанство странахъ устраивались Церкви, которыя зависѣли исключительно отъ Рима; проповѣдники, отправленные Григоріемъ къ англамъ, саксамъ и др., пріучили эти народы смотрѣть на римскую Церковь, какъ на единственный источникъ христіанскаго просвѣщенія. Такимъ образомъ авторитетъ римскаго епископа росъ въ ущербъ свѣтской власти и въ Италіи и за ея предѣлами. Не даромъ поэтому исторія дала Григорію прозвище «Великаго».

Монашество. Большое значеніе въ исторіи возвышенія духовенства и папства имѣло монашество, начало которому въ Зап. Европѣ положено было въ Италіи. Въ бурную эпоху «Великаго переселенія народовъ» постоянныя нападенія германскихъ отрядовъ, смѣна однихъ варваровъ другими—дѣлали жизнь въ Италіи весьма не сладкой. Помощи ниоткуда ждать не приходилось. Варвары не могли помочь потому, что не за тѣмъ они приходили въ Италію; а когда Италія перешла въ руки Византіи, то оказалось, что намѣстники византійскаго императора больше заботились о сборѣ податей и налоговъ, чѣмъ о защитѣ подчиненнаго имъ населенія отъ окружавшихъ его враговъ. Неудивительно, что чѣмъ больше ухудшались условія жизни, тѣмъ больше вѣрилось въ будущую жизнь, загробную, тихую и безмятежную, тѣмъ больше являлось желаніе приготовить себѣ здѣсь, на землѣ, мирное убѣжище въ сторонѣ отъ бурь и несчастій міра, оградиться отъ міра, погибающаго въ скорби и грѣхѣ, высокой стѣной. Слѣдствіемъ такого желанія уйти отъ міра является основаніе множества монастырей, изъ которыхъ особенно извѣстенъ былъ Монтекассино, основанный Бенедиктомъ Нурсійскимъ. Свою подвижническую жизнь Бенедиктъ началъ въ пещерѣ около г. Субіако. Слухъ о его молитвенныхъ подвигахъ скоро распространился и монахи сосѣдняго монастыря выбрали его къ себѣ въ настоятели. Но Бенедиктъ не ужился въ этомъ монастырѣ, такъ какъ монахи тамъ вели порочный образъ жизни, и возвратился въ свою пещеру. Многіе знатные рим-

скіе юноши, люди разныхъ сословій приходили къ нему въ пещеру, просили совѣта и руководства. Онъ основалъ много монастырей, изъ которыхъ указанный Монтекассино сдѣлался впослѣдствіи большимъ знаменитымъ монастыремъ Ср. вѣковъ. Бенедиктъ далъ опредѣленный уставъ всѣмъ этимъ монастырямъ; характерная черта этого устава—самое подробное, какое только можно себѣ представить, распредѣленіе занятій для монастырской братіи и по обыкновеннымъ днямъ, и по праздничнымъ, и по временамъ года. Полный отказъ отъ своей воли—вотъ что проникаетъ всѣ мысли устава бенедиктинцевъ, какъ стали впослѣдствіи называться послѣдователи Бенедикта. Всякій вступающій въ монастырь долженъ былъ отказаться отъ всего своего имущества либо въ пользу родныхъ или бѣдныхъ, либо въ пользу монастыря. Обѣтъ послушанія былъ суровъ и безусловенъ; аббатъ могъ приказать монаху рѣшительно все, что угодно, но выборъ настоятеля—аббата—зависѣлъ отъ братіи. Эти строгія правила скоро снискали бенедиктинцамъ, а за ними и всему монашеству вообще, необычайный почетъ во всей Зап. Европѣ. Кромѣ того, благочестивыя лица изъ міранъ или изъ тѣхъ, кто самъ поступалъ въ монастырь, часто жертвовали туда большія суммы денегъ или помѣстья, такъ что монастыри получали въ свое распоряженіе большія средства. Въ Италіи, въ эпоху византійскаго господства, монастыри получили отъ императора право принимать жалобы на намѣстника, и епископъ Рима могъ даже отмѣнить распоряженіе его, если находилъ его неправильнымъ или несоотвѣтствующимъ извѣстному дѣлу. Вполнѣ понятно, что такое возвышеніе духовенства имѣло громадное значеніе и римскіе епископы не преминули воспользоваться благопріятно сложившимися обстоятельствами. Они заключили союзъ съ франкскими королями и за поддержку ихъ получили отъ Пипина въ свои руки Равеннскій экзархатъ, получившій названіе Папской области.—Гоненіе на иконы, начатое въ VIII в. имп. Византіи Львомъ III Исавромъ, дало папамъ поводъ выступить въ качествѣ защитниковъ истиннаго православія противъ императора-еретика, и съ этого времени авторитетъ римскаго епископа сталъ особенно силенъ на Западѣ Европы.

Папство и Карлъ Великій. При Карлѣ В. Церковь на первый взглядъ попадаетъ въ подчиненное положеніе по отношенію къ государству. Самъ папа былъ болѣе или менѣе поставленъ въ зависимость отъ свѣтской власти. Но съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ росло и расширялось государство Карла В., росла и расширялась власть Рима; когда же владѣнія франковъ охватили пространство почти всего тогдашняго

Запада, то и власть папы надъ этими странами получила фактическое полное осуществленіе. Каноническій приматъ Рима получилъ благодаря Карлу въ высшей степени живое содержаніе. Его мощь поддерживало церковное римское право. Но самъ папа былъ въ полной зависимости отъ Карла вмѣстѣ со всей западной Церковью. Карлъ самъ созывалъ соборы, утверждалъ ихъ постановленія, вмѣшивался въ рѣшеніе догматическихъ вопросовъ (Франкфуртскій соборъ 794 г.), назначалъ епископовъ, поддерживалъ церковную дисциплину, учреждалъ школы, даже устанавливалъ посты, праздники и провѣрялъ проповѣди: папа при немъ, казалось, былъ только первымъ епископомъ государства. Самъ Карлъ такъ опредѣлялъ въ своемъ письмѣ къ Льву III ихъ взаимныя обязанности: «наша задача съ помощью божественной благодати извнѣ оружіемъ защищать Церковь Христову противъ нападенія язычниковъ и опустошенія среди невѣрныхъ, внутри же защищать ее посредствомъ содѣйствія къ признанію католической вѣры. А на Васъ лежитъ обязанность съ мудростью соблюдать каноническія правила и постоянно слѣдовать предписанію отцовъ». Какъ видно изъ этого письма, Карлъ предоставлялъ папѣ только чисто духовныя, священническія обязанности, все же остальное бралъ на себя.

Германскій императоръ въ полномъ одѣяніи.

И все-таки, несмотря на все это, несмотря на власть Карла въ церковныхъ дѣлахъ, несмотря на все смѣшеніе въ государствѣ франковъ свѣтскаго и духовнаго, несмотря на все ви-

димое подчиненіе папы франкскому королю,—между властью Карла В. надъ Церковью и византійской системой подчиненія Церкви государству лежало громадное и существенное различіе: византійскій императоръ, въ силу римскаго права, былъ юридическимъ властителемъ Церкви, Карлъ — только фактическимъ, временнымъ ея распорядителемъ; восточные императоры покоряли Церковь государству въ силу политическихъ соображеній государственнаго единства, Карлъ подчинялъ государство Церкви во имя ея религіозныхъ цѣлей; императоры завѣдывали церковными дѣлами, какъ епископы для внѣшнихъ дѣлъ Церкви въ силу своего собственнаго права, Карлъ и его преемники—какъ спеціально приглашенныя «ad hoc» римскимъ первосвященникомъ лица, которыя дѣйствовали въ данномъ случаѣ, какъ бы по особому порученію римской Церкви. Между государственной властью и церковными правами Карла В. не было органическаго традиціоннаго единства: Карлъ управлялъ церковью не въ силу своего собственнаго права, а въ силу чужого полномочія, которое, естественно, могло быть потомъ измѣнено и даже отнято. Съ этой точки зрѣнія интересно всмотрѣться въ титулъ Карла В., названнаго «Carolus serenissimus augustus a Deo coronatus magnus et pacificus imperator, Romanum gubernans imperium». Этотъ титулъ не былъ дарованъ или признанъ (сразу) тогдашними законными римскими монархами. Что же значитъ прибавка: «gubernans Romanum imperium»; откуда идетъ этотъ титулъ и связанныя съ нимъ права? Вѣдь само собою понятно, что римскій императоръ управляетъ римской имперіей. Почему, наконецъ, самъ Карлъ такъ смиренно и терпѣливо добивался при византійскомъ дворѣ признанія своего императорскаго титула, разъ онъ уже имъ владѣлъ (см. нашу исторію Ср. в., стр. 64)? Дѣло въ томъ, что титулъ Карла В. былъ чисто церковнаго происхожденія. Онъ обозначалъ, что франкскій король становился покровителемъ и защитникомъ римской Церкви; онъ становился главою западнаго христіанства, хранителемъ единаго римскаго католичества, опорою Церкви, но менѣе всего императоромъ въ старомъ римскомъ смыслѣ; въ государственномъ отношеніи онъ былъ и остался франкскимъ государемъ—это былъ только глава объединенныхъ военной силой варварскихъ государствъ и только «представителемъ»—gubernans—Рима и римской области. У новаго церковно-римскаго императора не было ни неограниченной всепоглощающей власти римскихъ императоровъ, ни всеобъемлющаго римскаго права, ни централизованной и мощной римской магистратуры, ни римскаго народа, стоящаго такъ высоко надъ всѣми варварами, ни римской культуры. Новая имперія заимствовала

только 2 элемента прежней римской имперіи: ея церковныя обязанности и отчасти церковныя права и ея военное единство. Но послѣднее было недолговѣчно, а первое при преобладаніи обязанностей надъ правами должно было скорѣе повести имперію къ подчиненію тому самому папству, которое ее создало, чѣмъ наоборотъ; не франкскимъ государямъ было покорить тотъ остатокъ подлинной римской культуры, который былъ закованъ въ броню вселенской римской Церкви; не Священной Римской имперіи варваровъ было воплотить старую римскую идею. «Ставши римской, новая имперія только покорилась Риму, а не овладѣла имъ». (Рейснеръ.)

Папство въ IX в. Особенно усилилось вліяніе папства въ IX вѣкѣ. То было время частыхъ смутъ и междоусобій, отъ которыхъ не мало страдало достояніе Церкви (при слабыхъ преемникахъ Карла В.). При ослабленіи свѣтской власти трудно было добиваться управы на мѣстѣ, тѣмъ больше, что мѣстное духовенство поневолѣ втягивалось въ междоусобную вражду свѣтскихъ владѣтелей, а слѣдовательно, не могло явиться безпристрастнымъ защитникомъ угнетаемыхъ. Обиженнымъ оставалось искать суда и правды въ другомъ мѣстѣ, и такимъ мѣстомъ былъ Римъ, епископы котораго стояли далеко отъ событій и могли, слѣд., судить болѣе безпристрастно.

Въ связи съ этимъ вовлеченіемъ Церкви въ свѣтскія отношенія, въ самой Церкви замѣчается стремленіе къ развитію церковной организаціи и къ установленію полной независимости этой организаціи отъ свѣтской власти. Любопытнымъ признакомъ этого общаго теченія, направленнаго къ усиленію вліянія духовенства, является рядъ документовъ, въ которыхъ проводится теорія независимости духовной власти отъ свѣтской. Документы эти: 1) Сборникъ капитуляріевъ, составленный Бенедиктомъ Левита для Майнцскаго архіепископа Отгара; въ этомъ сборникѣ можно найти постановленія многихъ французскихъ и испанскихъ соборовъ (помѣстныхъ) въ искаженномъ видѣ или даже отдѣльныя подложныя постановленія, въ которыхъ вездѣ проводится идея самостоятельности Церкви по отношенію къ свѣтской власти. 2) Та же самая идея проводится въ т. н. «Испанскомъ» сборникѣ. Въ эпоху господства въ Испаніи вестготовъ тамъ происходили частые помѣстные соборы, на которыхъ дѣлались постановленія, довольно рѣзко требовавшія полной независимости Церкви отъ королей-аріанъ. Въ IX вѣкѣ эти постановленія болѣе или менѣе частнаго характера выставляются уже какъ общее основаніе извѣстныхъ стремленій и примѣняются они уже ко всѣмъ королямъ вообще. 3) Но самымъ интереснымъ въ этомъ отношеніи

сборникомъ являются т. н. «Лжеисидоровы» декреталіи—сборникъ постановленій, составленный будто бы испанскимъ епископомъ Исидоромъ въ VII в. Этотъ сборникъ составленъ такъ, что въ декреталіяхъ съ древнѣйшихъ временъ доказывалось какъ бы документально, что папская власть была независима, можно сказать, съ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ этомъ сборникѣ документовъ было до 90 подложныхъ писемъ и указовъ папъ первыхъ четырехъ вѣковъ. Сплошь и рядомъ встрѣчаются такія ошибки, что документъ III вѣка ссылается на документъ VII вѣка, или что папа IV вѣка переписывается съ патріархомъ Византійскимъ V в. Ученыхъ, которые могли бы открыть этотъ подлогъ, въ тѣ времена не было. Эти декреталіи очень быстро распространились и ими дорожили не только папы, но и мѣстные епископы, такъ какъ въ нихъ проводилась 1)—мысль о томъ, что все христіанское общество должно находиться подъ охраною и главенствомъ папы, и 2) что центральная или областная свѣтская власть не имѣетъ права надъ духовными лицами: судъ долженъ быть самостоятеленъ и рѣшенія суда должны утверждаться только папой.

Согласно декреталіямъ, духовенство должно было быть поставлено настолько выше мірянъ, что мірянамъ запрещалось даже жаловаться на духовныхъ лицъ въ судъ. «Если какому-нибудь міряпину все-таки можетъ быть дозволена жалоба на епископа, то лишь такому, который отличается безупречной жизнью». Декреталіями была установлена твердая іерархическая дисциплина и подчеркивалось еще разъ главенство римскаго престола надъ другими Церквами. Римскій престолъ, по ученію декреталій, былъ главою, матерью и его властью должны управляться всѣ частныя Церкви. Только въ единеніи съ нимъ христіанское вѣроученіе могло сохраниться въ чистотѣ, ибо онъ никогда не заблуждался.

Говоря объ отношеніяхъ Церкви къ государству, декреталіи останавливаются на божественномъ характерѣ первой и отсюда выводятъ не только отдѣленіе Церкви отъ государства и міра, но и господство надъ ними. Не Церковь должна руководиться земными цѣлями государства, а, наоборотъ, государство—божественными цѣлями Церкви. По утвержденію декреталій, къ Церкви, которая имѣла власть «рѣшить и связывать на землѣ и на небѣ», которая приготовляла Тѣло Христово и раздавала Его народу, слѣдовало относиться съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ къ самому Богу. «Самъ Христосъ,—утверждали декреталіи,—повелѣлъ, чтобы всѣ земные князья и всѣ люди вообще повиновались епископу (подр. римскому) и склоняли передъ нимъ голову».

Чтобы дать своимъ воззрѣніямъ на отношенія между церковью и государствомъ историческое основаніе, церковь изобрѣла и документально подтвердила т. наз. «Легенду о дарѣ Константина». По этой легендѣ папа является «намѣстникомъ Христа на землѣ», къ ногамъ котораго величайшій изъ свѣтскихъ правителей—Константинъ Великій—смиренно положилъ свой скипетръ и державу. «Правильно признавая,—читаемъ мы въ декреталіяхъ,—присущее папѣ божественное величіе, имп. Константинъ передалъ папѣ Сильвестру всѣ знаки своего сана—діадему, скипетръ, пурпуровую мантію и всѣ императорскія почести. Онъ самъ держалъ въ поводу лошадь, на которой ѣхалъ папа, и заповѣдалъ всѣмъ своимъ преемникамъ поступать такъ же. Въ заключеніе онъ подарилъ папѣ Италію и всю Зап. Имперію, перенеся собственную резиденцію въ Константинополь, потому что, какъ онъ объяснялъ, было бы неправильно, если бы свѣтскій правитель имѣлъ власть тамъ, гдѣ, по волѣ Царя Небеснаго, долженъ находиться первоверховный глава священства и всего христіанства». (Эйкенъ.)

Папа Николай I (858—867). Особенно яркимъ выразителемъ идеи независимости папской власти отъ императора и главенства папы является папа Николай I. «Послѣдовательный и прямолинейный, папа Николай былъ совершенно проникнутъ тѣми идеями, которыя онъ представлялъ, не отступая отъ нихъ ни на шагъ. Неудивительно, — говоритъ проф. Виноградовъ,—что передъ этой непоколебимой натурой, которая шла всегда напроломъ, склонилось сопротивленіе властей, хуже поставленныхъ».

Папа Николай I велъ сразу борьбу на Западѣ противъ императора и на Востокѣ противъ патріарха. Въ Константинополѣ въ это время произошло такое событіе: патр. Игнатій публично отказалъ любимцу имп. Михаила въ Св. причастіи за его распущенную жизнь и богохульство. Тогда императоръ низложилъ Игнатія, котораго заковали въ цѣпи и бросили въ тюрьму, а созванный императоромъ соборъ избралъ въ патріархи ловкаго, умнаго и очень начитаннаго Фотія. Въ это явно несправедливое дѣло вмѣшался папа Николай I, который, опираясь на постановленія соборовъ, говорилъ, что епископы могутъ быть смѣщены только по приговору папы; такимъ образомъ, по его теоріи выходило, что фактически управляетъ Церковью папа; онъ утверждалъ при этомъ, что только въ Римѣ можно говорить о настоящей преемственности религіозной, такъ какъ только епископъ г. Рима имѣетъ власть прямо отъ самого І. Христа, чрезъ ап. Петра, которому поручена была Церковь. Въ Константинополь отправлены были папскіе

легаты, которые, однако, на соборѣ, подъ вліяніемъ подкупа, высказались за утвержденіе Фотія. Тогда папа Николай I объявилъ, что постановленія соборовъ получаютъ законную силу только послѣ утвержденія ихъ папою; разслѣдовавши все это дѣло, онъ отмѣнилъ приговоръ собора, хотя на немъ были и его послы, самихъ легатовъ отлучилъ отъ Церкви и созвалъ въ Римѣ новый соборъ, который призналъ постановленіе Константинопольскаго собора незаконнымъ. На этомъ же соборѣ папа Николай заявилъ теорію, что папа является видимымъ главою Церкви, безъ ограниченія ея областями: вездѣ, гдѣ есть христіане, должно признаваться главенство римскаго епископа. Фотій не согласился подчиниться рѣшенію римскаго собора, и между Римомъ и Константинополемъ прекратились всякія сношенія, а черезъ 200 лѣтъ, въ 1054 году, произошло и окончательное раздѣленіе христіанской Церкви на восточную православную и западную католическую.

Такъ же рѣшительно выступилъ папа въ дѣлѣ развода Лотаря II, брата императора германскаго Людовика II. Когда созванный императоромъ соборъ епископовъ Германіи призналъ разводъ Лотаря и его новый бракъ законными, папа, по жалобѣ обиженной супруги Лотаря, созвалъ въ Римѣ свой соборъ, который отвергъ рѣшеніе германскаго собора и осудилъ архіепископовъ кельнскаго и трирскаго, которые руководили этимъ соборомъ. Тогда Людовикъ, собравъ войско, пошелъ на Римъ и занялъ его, но папа не уступилъ и въ концѣ-концовъ настоялъ на своемъ, тѣмъ больше, что Людовикъ не осмѣлился на послѣдній шагъ—смѣстить папу. Въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ вниманія то, что тутъ папа выступилъ на новый путь—на путь борьбы со свѣтской властью. Папа заявилъ въ этомъ дѣлѣ, что только онъ является «единственнымъ безгрѣшнымъ судьей царей, соборовъ, епископовъ, всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей», что «папскій судъ есть высшій судъ справедливости, который можетъ судить всѣхъ христіанъ, а самъ папа не подлежитъ ничьему суду».

Одной изъ причинъ, заставившихъ императора идти на примиреніе съ папой, было недовольство дѣйствіями императора со стороны его германскихъ феодаловъ, которые грозили ему даже открытымъ возмущеніемъ. Такимъ образомъ, лучшими помощниками папы явились феодалы и впослѣдствіи папы римскіе, какъ можно видѣть изъ исторіи борьбы папъ съ императорами, постоянно пользовались услугами императорскихъ феодаловъ, когда имъ нужно было сокрушить ненавистнаго для нихъ императора.

(Какое впечатлѣніе произвелъ своей дѣятельностью папа

Николай I видно изъ того, что когда онъ въ 867 году умеръ, хроника Регино посвятила ему такое надгробное слово: «Онъ давалъ повелѣнія королямъ и тираннамъ и господствовалъ надъ ними своимъ авторитетомъ такъ, какъ будто онъ былъ повелителемъ всей земли.)

Препятствія къ осуществленію идеи «Божескаго царства» на землѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, что тотъ же феодализмъ, который помогъ папѣ Николаю I въ его борьбѣ съ императоромъ, являлся и препятствіемъ къ установленію церковнаго единства. Каждый епископъ въ то же время былъ и свѣтскимъ княземъ, епископы и аббаты вмѣстѣ съ тѣмъ были вассалами свѣтскихъ государей. «Представители идеи универсальной Церкви, они связаны были мірскими интересами; представители власти духовной, они находились въ феодальной зависимости отъ властей мірскихъ, управляли территоріями королей, поставляли имъ контингенты вооруженныхъ людей и нерѣдко сами фигурировали въ ихъ войскѣ». (Е. Трубецкой.)

Были и другія причины, задерживавшія осуществленіе идеала «Божескаго царства» въ X и XI вв. Прежде всего этому не соотвѣтствовала жизнь самихъ пастырей Церкви. Во всѣхъ странахъ Зап. Европы большинство священниковъ, дьяконовъ и церковнослужителей были женаты; многіе епископы жили въ явномъ бракѣ. Родственныя отношенія привязывали священниковъ къ міру, опутывали ихъ мѣстными житейскими интересами въ ущербъ общимъ интересамъ религіи; съ семейной жизнью духовенства связанъ былъ цѣлый міръ матеріальныхъ земныхъ заботъ и чѣмъ больше были матеріальныя потребности духовенства, тѣмъ сильнѣе становилась зависимость духовныхъ лицъ отъ «сильныхъ міра сего».

Духовныя должности въ X и XI вв. продавались за деньги. «Все, что имѣетъ близкое или отдаленное отношеніе къ христіанской вѣрѣ,—читаемъ мы у одного современника (кард. Гумберта),—служитъ предметомъ продажи: продаются за деньги должности пресвитеровъ, дьяконовъ, экономовъ, продаются церкви и монастыри. Нѣтъ клочка церковной земли или хижины, принадлежавшей Церкви, которая бы не продавалась, такъ что во всемъ христіанскомъ мірѣ ничто не остается непроданнымъ». На ряду съ духовными лицами—епископами, которые посвящали за деньги, торговали духовными должностями императоры, короли, свѣтскіе князья, и тутъ уже дѣло шло не о «благодати», а о томъ, чтобы выгоднѣе продать извѣстную должность. Можно встрѣтить указанія, что нѣкоторые свѣтскіе князья по нѣскольку разъ продавали одну и ту же должность, и покупателями, т.-е. настоятелями церквей и мо-

пастырей, являлись часто лица, сплошь и рядомъ полуграмотныя, не умѣвшія разбирать книгъ церковной латыни. Эта покупка духовныхъ должностей за деньги—симонія—отдавала такъ же, какъ браки духовенства, духовныхъ лицъ во власть свѣтскихъ государей, и, разумѣется, не приходится даже говорить о томъ, что при такомъ положеніи дѣла можно было бы думать объ установленіи на землѣ «Божескаго царства». Нужно прибавить къ тому же, что лица, покупавшія духовныя должности, часто имѣли въ виду, главнымъ образомъ, доходы съ этихъ должностей, часто не имѣли призванія къ тому образу жизни, къ которому ихъ обязывалъ санъ; поэтому и сдѣлавшись духовными лицами они продолжали вести прежній свѣтскій образъ жизни; часто духовныя должности покупались въ долгъ и на уплату этихъ долговъ употреблялись монастырскія и церковныя сокровища, скопленныя, можетъ-быть, вѣками. «Пастыри-наемники,—говоритъ современникъ,—пасутъ себѣ, а не Богу, не берегутъ и не спасаютъ отъ волковъ своихъ овецъ, а пьютъ ихъ молоко, стригутъ ихъ шерсть и упиваются ихъ кровью».

Инвеститура епископа королемъ.

На ряду съ симоніей, осуществленію идеи «Божескаго царства» на землѣ мѣшала т. н. свѣтская инвеститура. По смыслу древняго каноническаго правила, епископы должны были свободно избираться клиромъ и прихожанами извѣстной области. Къ XI-му вѣку въ Западной Церкви установился другой порядокъ. Въ Италіи и Германіи, по смерти какого-нибудь епископа, посохъ и кольцо его доставлялись особой депутаціей королю, который по своему усмотрѣнію и передавалъ ихъ новому лицу, а вновь назначенный, такимъ образомъ, епископъ приносилъ королю вассальную присягу вѣрности. Это врученіе посоха и кольца получило названіе инвеституры; за инвеститурой слѣдовала интронизація, т.-е. вступленіе новаго епископа въ его епископскія

права, и только послѣ всего этого уже совершалось посвященіе епископа митрополитомъ. При такомъ порядкѣ замѣщенія духовныхъ мѣстъ роль представителя духовенства была самая незначительная: онъ, такъ сказать, санкціонировалъ только выборъ свѣтскаго государя, но противодѣйствовать онъ не имѣлъ ни возможности ни средствъ. (Въ такихъ же условіяхъ находилась инвеститура аббатовъ.)

Такимъ образомъ, благодаря инвеститурѣ, духовныя лица находились въ зависимости отъ свѣтскихъ князей, которыхъ было очень много; поэтому и Церковь западная вмѣсто того, чтобы быть единымъ храмомъ Божіимъ, распадалась на части, представлявшія собой безсвязное собраніе отдѣльныхъ мѣстныхъ Церквей, пастыри которыхъ, не думая о нуждахъ духовныхъ дѣтей своихъ, превратились въ угодливыхъ придворныхъ свѣтскихъ государей, жили при ихъ дворцахъ, исполняли ихъ порученія и думали только о мірскихъ выгодахъ, служебныхъ отличіяхъ и наградахъ, но отнюдь не объ установленіи на землѣ единаго «Божескаго царства».

Клюнійское движеніе. Такой упадокъ нравовъ духовенства не могъ остаться незамѣченнымъ и извѣстно, что, напр., германскій императоръ Оттонъ III (983—1002), получившій отъ своихъ воспитателей истинное благочестіе и уваженіе къ идеаламъ духовенства, ревностно принялся за реформу католической церкви и ему удалось, между прочимъ, поставить папу въ независимое положеніе отъ итальянской феодальной аристократіи, съ которой всѣ прежніе папы были тѣсно связаны происхожденіемъ или родствомъ. (Оттонъ, правда, папъ назначалъ изъ нѣмцевъ, ничѣмъ не связанныхъ съ Италіей.)

При Оттонѣ же III зародилось т. н. Клюнійское движеніе, направленное къ обновленію духовенства, къ возрожденію Церкви. (Оно зародилось во Франціи, въ монастырѣ Клюни, и въ Италіи, въ Камальдульскомъ аббатствѣ.) Клюнійцы возставали противъ того, что епископы и аббаты злоупотребляли церковнымъ имуществомъ для чисто свѣтскихъ цѣлей; они старались сдѣлать Церковь независимой отъ свѣтской власти въ матеріальномъ отношеніи, имѣя въ виду потомъ освободить ее во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Италіи замѣчается другое движеніе, главными выразителями котораго были св. Нилъ и св. Ромуальдъ: это — движеніе аскетическаго свойства, т.-е. стремленіе къ возможно большему отреченію отъ міра. Это движеніе имѣло весьма большое значеніе, особенно, когда оно соединилось съ клюнійскимъ. Для того, чтобы возстановить авторитетъ Церкви по отношенію къ свѣтской власти, нужны были,—говорили реформаторы,—образованные люди; со-

здать такихъ людей можно только вновь возродивъ сознаніе аскетическаго идеала католической Церкви, идеала, требовавшаго полнаго отреченія отъ міра. Чтобы достойно руководить

Реймскій соборъ.

обществомъ, Церкви прежде всего нужна самостоятельность. Поэтому клюнійцы больше всего возставали противъ вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла Церкви, а также противъ симоніи. Между тѣмъ германскіе императоры постоянно вмѣшивались въ дѣла Церкви и даже сами назначали папъ. Еще

больше давленія на папство оказывалъ императоръ изъ Салическаго дома (Франконскаго) Генрихъ III (1039—56), который своею властью поставилъ одного за другимъ трехъ папъ. Но, подчиняя Церковь своей власти, Генрихъ въ то же время содѣйствовалъ ея очищенію: подобно Оттону III, онъ ставилъ папами нѣмцевъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ итальянской городской и феодальной знати. Однимъ изъ такихъ папъ былъ Левъ IX, съ котораго, собственно, можно начинать возрожденіе папства. Но еще больше заслуживаетъ вниманія другой представитель Клюнійскаго движенія — Гильдебрандъ, извѣстный, какъ папа, подъ именемъ Григорія VII.

Григорій VII. Узкій идеалъ тогдашней монашеской жизни не удовлетворялъ Григорія, проникнутаго мыслью о превосходствѣ духовенства надъ остальнымъ обществомъ и о величіи католической Церкви. Онъ сознавалъ, что папство пало вслѣдствіе превращенія духовенства въ феодальное сословіе. Онъ ясно видѣлъ, что для того, чтобы доставить папству подобающее ему мѣсто, необходимо преобразовать нравы духовенства, оторвать его отъ міра, а прежде всего освободить папство отъ власти свѣтскихъ государей и поставить его во главѣ всей Церкви.

Дѣятельность Григорія началась задолго до того момента, когда онъ самъ былъ избранъ папой (въ 1073 г.). До того времени, занимая скромное мѣсто капеллана папы (т.-е. священника, отправлявшаго службы въ папской домовой церкви), Григорій оказалъ сильное вліяніе на нѣсколькихъ папъ подъ рядъ. Особенно ярко выступаетъ личность Григорія со временъ папы Льва IX, который сдѣлалъ его своимъ совѣтникомъ по дѣламъ Церкви. Уже при этомъ папѣ Григорій началъ бороться противъ симоніи, а также хотѣлъ установить безбрачіе духовенства, чтобы сдѣлать его болѣе независимымъ отъ свѣтскихъ властей. Одинъ изъ преемниковъ Льва IX—папа Николай II, чтобы обезпечить правильное избраніе папъ и тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ независимыми отъ вліянія римской толпы и феодаловъ, издалъ указъ, въ силу котораго избраніе папы совершалось т. н. кардиналами, а народъ и все остальное духовенство только подтверждало избраніе. Права германскаго императора, которыми такъ широко пользовались Оттонъ III и Генрихъ III, не были еще формально ограничены («почетъ и уваженіе, слѣдуемые королю нашему... и императору Генриху IV... да будутъ сохранены точно такъ же и его преемникамъ, которые лично получатъ этотъ санъ отъ апостольскаго престола»,—сказано по этому поводу въ буллѣ папы Николая II въ 1059 г.), но все же этотъ указъ Николая II былъ огром-

нымъ шагомъ впередъ къ освобожденію Церкви отъ власти мірянъ—какъ государей, такъ и народа.

Въ 1073 г. Григорій самъ былъ избранъ папой (послѣ смерти папы Александра II). Съ первыхъ же шаговъ онъ приступилъ къ осуществленію цѣли, имъ себѣ намѣченной,—къ установленію единовластія папы и господству его надъ міромъ. Съ удивленіемъ читаемъ мы письма Григорія VII къ различнымъ государямъ Европы: онъ открыто и спокойно заявляетъ имъ, что земли ихъ принадлежатъ Церкви, что, напр., Богемія, Венгрія, Испанія, Польша, Англія и Скандинавія—владѣнія римскаго престола, а государи ихъ—вассалы папы. «Подобныя дѣла могутъ казаться невѣроятными, — говоритъ историкъ (Грегоровіусъ), — но ихъ оправдываетъ духъ и настроеніе Среднихъ вѣковъ. Спокойное же убѣжденіе въ своей правотѣ, съ какимъ Григорій VII провозглашаетъ свои мнимыя права, сообщаетъ истинное величіе его мысли о превосходствѣ вѣчной Церкви надъ преходящей и измѣнчивой свѣтской властью. Міръ для него—воплощеніе христіанской идеи, преходящей и несущественной въ ея политическихъ формахъ, вѣчной въ Церкви, этомъ олицетвореніи мірового порядка, осуществляющей царство Божіе на землѣ, превосходящей неизмѣримо всѣ человѣческія учрежденія».

Въ умѣ Григорія VII,—читаемъ у другого историка (Б а й е),—интересы папства и Церкви слились воедино и если честолюбіе Григорія VII было велико, то оно было искренне религіозно. „Я хотѣлъ бы,—писалъ онъ въ январѣ 1075 г. аббату Клюнійскаго монастыря,—чтобы ты зналъ всѣ скорби, которыя осаждаютъ мою душу. Твоя братская любовь заставила бы тогда тебя молить Бога, чтобы Іисусъ протянулъ мнѣ, несчастному, руку и избавилъ меня отъ моихъ мукъ. Сколько разъ я просилъ Его отнять у меня жизнь или сдѣлать меня полезнымъ нашей матери, св. Церкви; между тѣмъ Онъ не избавилъ меня отъ огорченія и также не далъ мнѣ возможности оказать Церкви тѣ услуги, которыя я хотѣлъ бы ей оказать. Глубокая скорбь и всеобъемлющая печаль тѣснятъ меня, потому что Восточная Церковь отстранилась отъ католической вѣры. Взгляну ли на западъ, на югъ или на сѣверъ—я едва нахожу нѣсколькихъ епископовъ, избраніе и жизнь которыхъ были бы сообразны съ законами Церкви,—которые управляли бы народомъ Божіимъ съ любовью, а не подъ вліяніемъ земного честолюбія. Среди князей я не знаю ни одного, который предпочиталъ бы честь Божію своей и справедливость—выгодѣ. Если бы я не надѣялся на то, что моя жизнь измѣнится, что я буду въ состояніи сдѣлаться полезнымъ Церкви, я ни за какую цѣну не оставался бы въ Римѣ, въ которомъ живу уже 20 лѣтъ—свидѣтель тому Богъ—помимо моей воли“.

По приказанію Григорія VII Ансельмъ Луккскій составилъ свою Collectio canonum въ 13 книгахъ, которая должна была составить теоретическую основу папской власти. Въ этомъ сборникѣ документы расположены въ такомъ порядкѣ, чтобы рѣзко выдвинуть абсолютную власть папы въ церкви.

При Григоріи же VII Ѳеодотъ (Deusdedit), возведенный имъ въ кардиналы, составилъ „Сборникъ правилъ и уставовъ“, посвященный папѣ Виктору III:

это сочиненіе написано имъ, какъ сказано въ предисловіи, для того, чтобы уяснить тѣмъ, кто этого не знаетъ, первенство римской церкви, въ силу котораго она властвуетъ надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. „Извращая тексты постановленій вселенскихъ соборовъ, Θеодотъ безъ смущенія заявляетъ, что отцы Никейскаго собора установили, чтобы соборы не созывались и епископы не были осуждаемы безъ вѣдома папы и чтобы всѣ важныя дѣла представлялись на его усмотрѣніе". Самъ Григорій VII не прибѣгалъ къ такимъ открытымъ извращеніямъ текста, но толковалъ его чрезвычайно свободно, чтобы „подогнать" текстъ къ своей теоріи. „Такимъ путемъ Григорій VII силился создать въ Церкви то, что можно назвать абсолютной монархіей. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ не стремился произвести переворотъ въ Церкви: онъ не создалъ ни одного новаго учрежденія, какъ онъ самъ часто заявляетъ объ этомъ, но онъ непосредственно подчинилъ себѣ всѣ тѣ, которыя уже существовали; съ этихъ поръ мѣстная жизнь прекращается; епископы должны быть только послушными слугами Рима и чиновниками центральной администраціи, которая стремится все урегулировать, всѣмъ управлять". (Б а й е.)

Для этого Григорій рѣшилъ окончательно вырвать духовенство изъ міра запрещеніемъ свѣтской инвеституры; безбрачіе духовенства должно было совершенно оторвать духовное лицо отъ міра и связать его только съ папой, которому одному духовное лицо и обязано было слѣпо повиноваться. «Тогда папство, — думалъ Григорій, — достигнетъ своей конечной цѣли: свѣтскіе вассалы будутъ низведены на степень покорныхъ вассаловъ Церкви, а государства будутъ представлять собою лены св. престола».

Поэтому немедленно по вступленіи на папскій престолъ Григорій издалъ указъ объ отмѣнѣ симоніи и браковъ духовенства, какъ это было постановлено еще однимъ изъ его предшественниковъ. Ему пришлось встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны духовенства даже въ самомъ Римѣ. Сотни священниковъ жили тамъ со своими семьями; дѣти ихъ обогащались церковнымъ имуществомъ и наслѣдовали церковныя должности. Папѣ стоило большихъ трудовъ изгнать ихъ и прекратить безстыдныя оргіи и нерѣдко грабежи и убійства, которыми осквернялись церкви и чуть ли не ступени алтарей. Не менѣе сильно было возмущеніе въ остальной Италіи и во всей Европѣ; папу называли еретикомъ и безбожникомъ. Въ одной изъ областей южной Германіи епископъ потребовалъ отъ священниковъ своей епархіи, которые почти всѣ были женаты, чтобы они подчинились указу Григорія относительно целибата. Священники заявили, что «не могутъ и не хотятъ отказаться отъ обычая, который держится столько времени и былъ терпимъ всѣми прежними епископами»; когда же епископъ въ одинъ праздничный день повторилъ свое запрещеніе съ церковной каѳедры, «всѣ священники бросились на него съ такой яростью, что разорвали бы его въ клочки, если бы знатные и его слуги

не защищали его». Въ томъ же году, въ Парижѣ, епископы, аббаты и священники, собравшись въ совѣщаніе, отказались подчиниться распоряженію Григорія VII относительно браковъ. «То, чего онъ хочетъ,—говорили они,—неосуществимо и противно разуму»; когда одинъ аббатъ произнесъ рѣчь, въ которой совѣтовалъ подчиниться требованіямъ папы, члены совѣщанія «съ помощью королевскихъ слугъ, выгнали Божьяго человѣка, били его, плевали ему въ лицо и всячески оскорбляли». Въ Камбре каноники объявили, что намѣрены держаться обычаевъ, «мудро установленныхъ предками», и призывали народъ на свою сторону. Но Григорій VII не испугался. Не находя поддержки въ духовенствѣ, онъ обратился къ мірянамъ и сдѣлалъ ихъ исполнителями своихъ приказаній. Народъ долженъ былъ изгонять священниковъ, пріобрѣтшихъ мѣсто покупкой и продолжавшихъ жить семейной жизнью; никто не долженъ былъ слушать у нихъ обѣдни, ихъ благословеніе обращалось въ проклятіе, ихъ молитва—грѣхъ. И папа не ошибся. Народъ, еще до того глубоко возмущенный безнравственностью своихъ духовныхъ пастырей, изгонялъ семейныхъ священниковъ изъ церквей и приходовъ, содѣйствуя такимъ образомъ папѣ. Особенно сильно возбуждена была Германія, гдѣ было больше всего такихъ священниковъ и гдѣ самъ императоръ Генрихъ IV не стѣснялся торговать духовными должностями. За старые обычаи, за независимость германской Церкви вступились многіе видные епископы Германіи. Но это не остановило Григорія VII. Онъ созвалъ въ Римѣ соборъ (1075 г.), на которомъ инвеститура была рѣшительно осуждена. Тогда Григорій издалъ буллу, въ силу которой ни одинъ епископъ или аббатъ не долженъ былъ принимать посоха и кольца отъ свѣтскихъ властей, хотя бы то былъ самъ императоръ. Булла гласила: «Если когда-нибудь императоръ, герцогъ, маркграфъ, графъ или какое-нибудь учрежденіе или лицо осмѣлится передать инвеституру епископства или другого церковнаго званія, тотъ подвергается отлученію отъ Церкви».

Этой буллой Григорій VII отдѣлялъ Церковь отъ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ притязанія со стороны Церкви на господство надъ государствомъ. Свѣтская власть должна была подчиниться Церкви, получившей могущество отъ ап. Петра. Въ качествѣ преемника апостола, намѣстника на землѣ самого І. Христа, папа Григорій VII смотрѣлъ на себя, какъ на господина надъ всякой властью на землѣ. Онъ называлъ себя «слугой Божіимъ» и это званіе было для него титуломъ, дававшимъ ему право на всемірное владычество. «Григорій, слуга Божій, посылаетъ королю Генриху привѣтъ

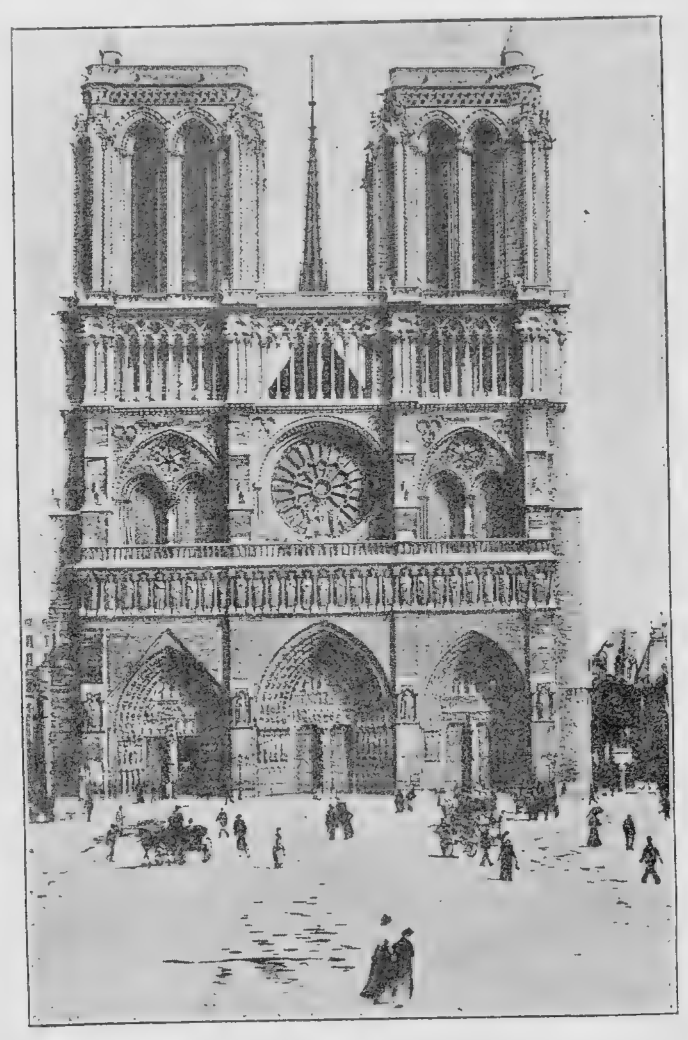
и апостольское благословеніе, въ томъ случаѣ, если онъ будетъ послушенъ папскому престолу»,—такъ выражается папа въ одномъ изъ посланій къ императору. Въ 1074 г. Григорій угрожалъ французскому королю Филиппу I,—если онъ не откажется отъ продажи духовныхъ должностей,—наложить интердиктъ (т.-е. запрещеніе богослуженія) на всю страну и самого его отрѣшить отъ власти.

Вполнѣ естественно, что такое властолюбіе папы вызвало столкновеніе съ нимъ императора Германіи Генриха IV, который является представителемъ идеи абсолютной монархіи и дѣятельность котораго въ первой половинѣ царствованія была направлена именно къ тому, чтобы установить въ Германіи сильную императорскую власть.

Но союзниками папы и его преемниковъ въ борьбѣ, такимъ образомъ возникшей между церковью и государствомъ, оказались владѣтельные германскіе князья, которые были заинтересованы въ томъ, чтобы въ Германіи сильной императорской власти не было. Ихъ поддержка дала возможность папамъ одержать верхъ въ этой борьбѣ, равно какъ и во второмъ періодѣ борьбы между папствомъ и имперіей, въ эпоху императоровъ изъ дома Гогенштауфеновъ. Другой причиной, мѣшавшей установленію абсолютной монархіи въ Германіи, замѣтимъ кстати, была вражда въ ней покоренныхъ имперіей народовъ, среди которыхъ, какъ разъ начиная съ эпохи крестовыхъ походовъ, развивается сознаніе своей національности. (Всп. борьбу Гегенштауфеновъ съ итальянскими городами.)

Иннокентій III. Изъ папъ, дѣйствовавшихъ во второмъ періодѣ борьбы между государствомъ и церковью, главнаго вниманія заслуживаютъ папа Александръ III, боровшійся съ имп. Фридрихомъ I Барбароссой, и въ особенности папа Иннокентій III. Его идеаломъ было всемірное могущество папы и ему, дѣйствительно, удалось поставить папскую власть на небывалую высоту. Уже со времени Григорія VII духовенство во всѣхъ странахъ зависѣло отъ папы во всѣхъ дѣлахъ: не могло, напр., постановить ни одного приговора, даже соборомъ, безъ утвержденія его папой. Иннокентій III заявилъ, что къ римской Церкви слѣдуетъ обращаться не только духовнымъ лицамъ, но и свѣтскимъ, по вопросамъ, касавшимся чисто, кажется, свѣтскихъ дѣлъ: ввода во владѣніе, наслѣдованія, браковъ и т. п. Онъ говорилъ, что всѣ вопросы и сомнѣнія по разнымъ статьямъ права должны быть обращаемы къ римской Церкви, «учительницѣ и матери», чтобы право истолковалъ тотъ, кто его устанавливалъ, т.-е. папа. Такимъ образомъ по этому взгляду даже источникомъ права являлся папа, а не свѣтская власть.

Вслѣдствіе такого требованія Иннокентія III развились обширныя сношенія съ разными странами по разнымъ спорнымъ вопросамъ. Эта оживленная переписка служила источни-

Соборъ Парижской Богоматери.

комъ сильнаго обогащенія папской казны, такъ какъ всякаго рода просьбы, жалобы и т. п. обыкновенно сопровождались пожертвованіями въ пользу папскаго престола. Между прочими сборами, которые удалось установить папѣ Иннокентію III, заслуживаетъ вниманія т. н. крестоносная подать, которую

папа собиралъ для того, чтобы помогать крестоносцамъ при походѣ ихъ въ Св. Землю, а впослѣдствіи эти деньги употреблялись на крестовые походы противъ еретиковъ,—напр., альбигойцевъ.

Соборы, имѣвшіе прежде мѣсто въ Зап. Европѣ, потеряли свою самостоятельность. Папа, правда, собиралъ ихъ въ своемъ дворцѣ, но не для осужденія дѣла, а только для того, чтобы епископы, собравшись вмѣстѣ, выслушали и скрѣпили рѣшеніе папы, какъ подданные, какъ придворные папы, собранные для того, чтобы придать блескъ обстановкѣ неограниченнаго государя.

Располагая громадными денежными средствами, какихъ не было ни у одного европейскаго государя, вмѣшиваясь въ самыя различныя свѣтскія дѣла, папа Иннокентій III былъ какъ бы великимъ монархомъ Европы. Соотвѣтственно этому, онъ измѣнилъ и свой титулъ: его предшественники называли себя преемниками и намѣстниками ап. Петра. Иннокентій объявилъ, что—онъ намѣстникъ «не какого-нибудь человѣка или апостола, а самого Христа». Нѣкоторыя страны стали какъ бы въ прямую зависимость отъ папы, такъ, напр., Латинская имперія, возникшая, какъ извѣстно, во время четвертаго крестоваго похода на мѣстѣ Византійской; вассалами папы признали себя короли французскій и англійскій, допустившіе вмѣшательство папы въ дѣла своихъ государствъ. На императорскую власть Иннокентій III смотрѣлъ, какъ на власть меньшую, чѣмъ его, папская. «Имперія принадлежитъ папѣ,—писалъ онъ,—и по началу и по концу» (по началу потому, что папа перенесъ имперію съ Востока—изъ Византіи—на Западъ, по концу—потому, что императоръ получаетъ свою власть только въ силу возложенія рукъ римскаго папы). «На небѣ—солнце и мѣсяцъ,—говорилъ онъ,—на землѣ—папа и императоръ; мѣсяцъ заимствуетъ свой блескъ отъ солнца, императоръ—свою власть отъ папы». Исходя изъ такого представленія о своей власти, Иннокентій III пришелъ къ намѣренію отнять у императора право на всемірное владычество и присоединить его къ правамъ римскаго епископа. Для достиженія этой цѣли онъ выступилъ въ Италіи, какъ защитникъ національной свободы противъ чуждаго господства нѣмцевъ, а въ Германіи, какъ защитникъ свободы князей противъ общегосударственной власти.

Съ такимъ отношеніемъ папы къ императорской власти не могъ примириться императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ, проникнутый, какъ всѣ Гогенштауфены, весьма высокимъ представленіемъ о своей императорской власти. Онъ признавалъ себя наслѣдникомъ римскихъ императоровъ и вслѣдствіе этого считалъ свою власть столь же безграничной, какъ была

власть послѣднихъ. Но особенностью Фридриха II было то, что онъ, желая отмѣтить божественный характеръ своего званія, проводилъ параллель между собой и Христомъ: онъ называлъ городъ, гдѣ родился, Виѳлеемомъ и, пародируя извѣстное библейское пророчество, говорилъ о немъ, что онъ ничѣмъ не меньше другихъ городовъ, «ибо изъ него произошелъ властитель Римской имперіи».

Ясно вполнѣ, что при такихъ опредѣленныхъ взглядахъ совмѣстное существованіе папства и имперіи оказалось невозможнымъ. Между ними началась борьба, на этотъ разъ рѣшительная. Какъ извѣстно, борьба эта окончилась полнымъ пораженіемъ имперіи и даже уничтоженіемъ самаго дома Гогенштауфеновъ. Папство, въ союзѣ съ владѣтельными князьями, вышло побѣдителемъ изъ борьбы, продолжавшейся почти 200 лѣтъ.

Значеніе борьбы папства и имперіи для Германіи. Князья и папа вышли побѣдителями изъ борьбы съ императорами. Но для самой Германіи это имѣло весьма плачевныя послѣдствія. Авторитетъ императора послѣ этого упалъ чрезвычайно низко. Императорское достоинство, раньше бывшее высшимъ въ Западной Европѣ, подъ конецъ продавалось нѣмецкими князьями тому, кто больше заплатитъ. Германія раздробилась на множество самостоятельныхъ государствъ, и понятіе о національной чести и о національномъ единствѣ надолго исчезли. Позднѣйшая королевская власть, вступившая на престолъ въ лицѣ Рудольфа Габсбургскаго, не могла уже возстановить національнаго единства, такъ какъ ей приходилось имѣть дѣло не столько съ національными, сколько съ династическими интересами. Но подъ развалинами старой имперіи сохранились еще немногіе скудные зародыши національнаго сознанія, которые мало-по-малу, въ теченіе столѣтій, развились и созрѣли въ новую государственную форму. Темныя предчувствія о томъ, что когда-нибудь въ далекомъ будущемъ имперія снова расцвѣтетъ, выразились въ представленіи, что имп. Фридрихъ II долженъ опять появиться и возстановить разрушенное могущество націи. Лѣтописецъ сообщаетъ, что всюду шла рѣчь о томъ, что «Фридрихъ долженъ придти, хотя бы онъ былъ разрубленъ на тысячу кусковъ или превращенъ въ пепелъ, долженъ потому, что это рѣшено волей Божіею и слѣдовательно, неизмѣнно».—Дальше мы читаемъ у него слѣдующее: Фридрихъ II возстановитъ правду на землѣ, возвратитъ вдовамъ и сиротамъ все, что у нихъ было отнято, выдастъ бѣдныхъ дѣвушекъ за богатыхъ людей, переженитъ монаховъ на монашенкахъ, клириковъ будетъ преслѣдовать, какъ своихъ противниковъ, монаховъ же нищенствующихъ орденовъ, кото-

рые разносятъ по міру папскіе декреты противъ императора, онъ будетъ преслѣдовать до самыхъ предѣловъ земного шара. Когда онъ исправитъ міръ, онъ пойдетъ въ Св. Землю и на Голгоѳѣ повѣситъ свой мечъ и щитъ, и тогда наступитъ конецъ міра.—Такимъ образомъ видно, что спасеніе ожидалось въ Германіи не отъ духовенства, а отъ свѣтской власти. Это представленіе о призваніи свѣтской власти для исправленія міра пустило глубокіе корни въ Германіи въ особенности въ концѣ XV вѣка и является весьма характернымъ признакомъ

Кельнскій соборъ.

состоянія умовъ въ эпоху, предшествовавшую возникновенію реформаціоннаго движенія.

Упадокъ католической Церкви послѣ крестовыхъ походовъ. Временемъ наибольшаго развитія папскаго могущества была эпоха крестовыхъ походовъ. Власть папъ распространялась на новыя земли вмѣстѣ съ завоеваніями крестоносцевъ въ Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Многіе государи въ это время особыми актами признали свою зависимость отъ Св. престола (Іоаннъ Безземельный). Послѣ побѣды надъ имперіей въ Германіи и Италіи въ срединѣ XIII вѣка, папство расши-

рило права духовенства по отношенію къ другимъ классамъ общества. Духовенство было поставлено надъ остальнымъ обществомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Міряне были лишены всякой самостоятельности въ церковной жизни; народные языки были совершенно изгнаны изъ богослуженія. Лицамъ недуховнымъ было даже совсѣмъ запрещено читать Библію. Чтобы возвысить духовенство надъ мірянами, для послѣднихъ было установлено причащеніе подъ однимъ видомъ, — облатки, а изъ чаши причащалось только духовенство. Для прощенія грѣховъ стали входить въ употребленіе т. н. индульгенціи, т.-е. прощеніе грѣховъ для живыхъ и умершихъ (правильнѣе, индульгенціи освобождали только отъ наказанія за грѣхи, а не отъ самыхъ грѣховъ) за денежныя пожертвованія. Отлученіе отъ церкви, падавшее прежде на отдѣльныхъ лицъ, стало примѣняться къ цѣлымъ странамъ (интердиктъ).

Значеніе крестовыхъ походовъ для папства. Но въ эпоху же крестовыхъ походовъ начался и упадокъ вліянія духовенства. Для народныхъ массъ, приведенныхъ въ движеніе Церковью, открылся міръ новыхъ жизненныхъ интересовъ, которые постоянно отвлекали ихъ отъ религіозныхъ идеаловъ. По выраженію историка, «величайшіе успѣхи Церкви вмѣстѣ съ тѣмъ стали источникомъ новой свѣтской культуры, разрушившей систему классическаго средневѣковья. Міродержавная политика Церкви разбила узкія рамки ученія, построеннаго на аскетической морали. И поскольку западно-европейскіе народы сближались со свѣтской культурой, постольку же они освобождались отъ владычества римской Церкви. А такъ какъ Церковь построена была на основахъ аскетическаго ученія о нравственности, то ея могущество убывало по мѣрѣ паденія послѣдняго. Съ исчезновеніемъ религіозности, отрицавшей все земное, исчезалъ самый источникъ могущества Церкви. Слѣдствіемъ крестовыхъ походовъ, которыми Церковь думала подчинить Кресту и своему владычеству и Западъ и Востокъ, было то, что папство потеряло свое прежнее значеніе и вмѣсто него на первый планъ выступили новыя силы—городская культура и свѣтская государственная власть». (Эйкенъ.)

Однимъ изъ слѣдствій крестовыхъ походовъ былъ переходъ отъ мѣновой торговли къ денежной, отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Средоточіемъ хозяйственной культуры, вмѣсто феодальныхъ замковъ, сдѣлались города, обратившіе главное вниманіе на развитіе у себя промышленности. Но именно возраставшее экономическое значеніе торгово-промышленнаго класса имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что классъ этотъ сталъ добиваться политическихъ правъ, старался осво-

бодиться изъ-подъ опеки свѣтскихъ и духовныхъ князей, надъ нимъ тяготѣвшей. Въ самомъ городскомъ управленіи такихъ городовъ замѣчается стремленіе взять изъ владѣнія Церкви цѣлый рядъ дѣлъ, въ которыхъ города сами заинтересованы: таковы прежде всего школы и попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ. Рядомъ съ церковными и монастырскими школами возникаютъ городскія, независимыя отъ Церкви, гдѣ преподаваніе ведется уже иначе, чѣмъ въ духовныхъ школахъ. Попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ, постройка больницъ и пріютовъ также уходитъ изъ рукъ Церкви, а это прежде всего отражается на матеріальномъ ея благосостояніи, такъ какъ, вмѣсто пожертвованій на благотворительныя учрежденія въ Церковь, добрые люди стали дарить капиталы и имущества городскимъ общинамъ, и бывали даже случаи, что жертвователи точно опредѣляли, чтобы управленіе пожертвованнымъ ими фондомъ никогда не переходило въ руки духовенства.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ устанавливается въ з.-европейскихъ государствахъ національное самосознаніе. Двинувшись на Востокъ ради одной и той же цѣли, крестоносцы тамъ почувствовали себя людьми разныхъ націй, и современныя сказанія передаютъ намъ массу подробностей о національной враждѣ крестоносныхъ ратей (въ особенности нѣмцевъ и французовъ). Съ другой стороны, крестовые походы усилили ту вѣковую ненависть, которая существовала съ давнихъ поръ между латинскимъ Западомъ и греческимъ Востокомъ. Основаніе во время 4-го крестоваго похода Латинской имперіи еще больше разъединило эти два міра. Крайне обострившіяся, такимъ образомъ, національныя различія среди христіанскихъ народовъ Европы сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее ихъ объединеніе подъ руководствомъ римскаго папы,—что удалось въ первой половинѣ крестовыхъ походовъ. Національные интересы взяли верхъ надъ іерархическими стремленіями Церкви. И тамъ, гдѣ государственной чести націи угрожало папское стремленіе къ господству, національные интересы становились въ открытую оппозицію противъ Церкви. А государственная власть въ этомъ подъемѣ національнаго самосознанія нашла сильную поддержку противъ властолюбивыхъ стремленій Церкви. Во Франціи Капетинги, какъ извѣстно, поддерживали развитіе городской свободы противъ феодаловъ и даже, опираясь на поддержку именно городовъ, давали отпоръ папству. Даже Людовикъ IX, причисленный за свое благочестіе къ лику святыхъ, отстаивалъ независимость своей власти отъ римскаго престола. Онъ говорилъ, что зависитъ только отъ Бога и отъ своего меча. Такъ, въ 1268 г. онъ обнародовалъ т. н. Пра-

гматическую санкцію, которая, кромѣ другихъ постановленій, относящихся къ духовнымъ выборамъ и покупкѣ духовныхъ должностей, опредѣляла, что взиманіе денегъ римскимъ престоломъ должно совершаться исключительно ради благочестивыхъ и важныхъ цѣлей и только съ позволенія короля и французской Церкви. Нѣсколько позднѣе, при Филиппѣ IV, королевская власть сдѣлала еще шагъ впередъ, потребовавъ отъ духовенства выполненія государственныхъ повинностей и даже участія въ уплатѣ государственныхъ податей. Противъ этого возсталъ папа Бонифацій VIII, который утверждалъ, что ему принадлежитъ и духовная и свѣтская власть. (Въ знакъ этого онъ приказалъ придѣлать къ папской тіарѣ второй обручъ.) Отъ восточной Церкви онъ требовалъ, чтобы безъ его согласія не назначались патріархи. Бонифацій прислалъ королю Филиппу грамоту, въ которой заявлялъ, что король не имѣетъ права облагать податями церковныя земли, и грозилъ отлученіемъ отъ церкви и самому Филиппу и всѣмъ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя согласятся платить подати королю. Но Филиппъ на эту грамоту не обратилъ вниманія. Тогда папа Бонифацій издалъ буллу «Unam sanctam», въ которой заявлялъ, что онъ стоитъ выше королей и монарховъ. Онъ исходилъ изъ той идеи, что единой Церкви, которая имѣетъ единаго Господа, едину вѣру, едино крещеніе, данъ и единый глава—намѣстникъ Христа и преемникъ ап. Петра. Этому князю апостоловъ и его преемнику—папѣ—вручены 2 меча: духовный и свѣтскій; однимъ мечомъ онъ владѣетъ непосредственно, другой же находится въ распоряженіи свѣтской власти, и имъ папа только распоряжается, но не владѣетъ; этотъ второй мечъ подчиняется первому, а власть свѣтская—власти духовной, такъ какъ «ради вѣчнаго спасенія,—по заявле-

Папа Бонифацій VIII.

нію папы,—всякому человѣческому существу необходимо подчиниться римскому первосвященнику». Отсюда понятно, что когда папа Бонифацій торжественно праздновалъ великій юбилей папства въ 1300 году, то украшенный тройной тіарой, опоясанный мечомъ, онъ возгласилъ, указывая на свой тронъ: «Не первосвященникъ ли есмь? Не престолъ ли это св. Петра? Развѣ не въ силахъ я защищать права имперіи? Я—кесарь, я—императоръ!»

Такъ какъ Бонифацій проводилъ мысль, что противодѣйствовать ему—значитъ противиться самому Богу, то противъ него король Филиппъ не сталъ дѣйствовалъ одинъ, а обратился за поддержкой къ націи, и созванные имъ въ 1302 г. генеральные штаты одобрили его политику. Опираясь на выраженное такимъ образомъ общественное мнѣніе, Филиппъ свергъ папу съ престола, а преемникъ Бонифація, по желанію Филиппа, переселился во французскій городъ Авиньонъ (1309 г.), чѣмъ какъ бы призналъ свою зависимость отъ короля. (Начало т. н. «Вавилонскаго плѣненія папъ».) Съ этого времени начинается постепенный упадокъ міроваго могущества папъ.

Не мало способствовало упадку авторитета папъ и церкви въ эпоху крестовыхъ походовъ и то, что многіе крестоносцы, направляясь въ Палестину, проходили черезъ Италію. Тамъ они невольно знакомились съ нравами и наклонностями итальянскаго духовенства, съ образомъ жизни (по слухамъ) самихъ папъ и очень часто у нихъ открывались глаза и они начинали понимать, что папа далеко не такъ идеально чистъ, какъ про него говорили его представители на Западѣ и какимъ представляли его себѣ всѣ, а это предубѣжденіе къ папѣ невольно переносилось въ отношеніи къ церкви и духовенству вообще.

Самый способъ веденія борьбы съ германскими императорами въ сильной степени повредилъ папству. На современное общество произвело крайне неблагопріятное впечатлѣніе то озлобленіе и та неумолимая ненависть, съ которой папы относились ко всему роду Гогенштауфеновъ. Эта борьба изъ принципіальной приняла какой-то личный характеръ и папы проявили себя при этомъ людьми неумѣренными, не могущими или не желавшими сдерживать порывы своей страсти, дававшими просторъ дурнымъ наклонностямъ человѣческой природы. Конечно, идеалъ святости, которою окружали папу, долженъ былъ разсѣяться. «Римская Церковь навлекла на себя гнѣвъ Божій, —читаемъ мы въ англійской хроникѣ XIII вѣка, — потому что ея правители заботятся не о духовномъ благѣ народа, а только о пополненіи своего собственнаго кошелька». Французскіе бароны открыто выражали свое сочувствіе гонимому

папами императору Фридриху II и отвергали право папы низлагать свѣтскаго государя. Въ Германіи недовольные голоса слышались даже со стороны представителей Церкви. «Пусть папа стрижетъ, сколько угодно, своихъ овецъ въ Италіи,—говорили въ Германіи,—а мы защитимъ своихъ отъ волка, скрытаго подъ одеждой пастыря». На съѣздѣ князей въ Ренсе (1338 г.), въ отвѣтъ на желаніе одного изъ папъ опредѣлить границы императорской и папской власти и ихъ взаимное отношеніе, германскіе князья (курфюрсты) постановили: «кто былъ законнымъ образомъ выбранъ большинствомъ курфюрстовъ, тотъ и долженъ считаться законнымъ и настоящимъ германскимъ императоромъ, не нуждаясь въ папскомъ утвержденіи», т.-е., другими словами, было отвергнуто всякое вмѣшательство папы въ дѣло избранія императора.

Надѣясь сломить свѣтскую власть, гоняясь за мірскими благами, папы весьма щедро пользовались проклятіями и интердиктами. Эти наказанія сыпались на свѣтское общество такъ часто, по такимъ ничтожнымъ причинамъ, что общество привыкло къ нимъ и они утратили свою устрашающую силу. Вредило папству въ глазахъ современнаго имъ общества и то, что сами папы, а по ихъ примѣру и все духовенство, пали въ нравственномъ отношеніи. Чѣмъ богаче и могущественнѣе дѣлалась Церковь, тѣмъ больше она проникалась мірскими взглядами и свѣтскими интересами. Даже въ монастыряхъ развивалась праздность и жажда наслажденій. Папы и епископы больше заботились о расширеніи своихъ владѣній и объ укрѣпленіи вліянія на свѣтскія дѣла, чѣмъ объ исполненіи своихъ непосредственныхъ обязанностей; приходскіе священники нерѣдко вели безнравственную жизнь, а еще чаще отличались крайнимъ невѣжествомъ. Жалобы на испорченность духовенства раздавались все чаще и чаще въ XIII и XIV вв. изъ устъ самихъ представителей Церкви. Между тѣмъ, послѣ побѣды надъ имперіей, папы стремились покорить себѣ все, вмѣшивались не только въ церковныя дѣла различныхъ государствъ, стараясь не допустить самостоятельности національныхъ Церквей, но, какъ уже сказано, претендовали на свѣтскую власть и держали въ опекѣ мірянъ, запрещая имъ чтеніе Св. Писанія.

Но такое стремленіе папства возбуждало оппозицію народовъ Зап. Европы, которые тяготились папской опекой и не желали жертвовать національными интересами. Королевская власть не хотѣла допустить существованія въ ея государствахъ церковнаго государства, зависѣвшаго только отъ папы, и свѣтское общество было въ этомъ случаѣ на сторонѣ государей, тѣмъ больше, что папы старались всѣ видныя должности по цер-

ковному управленію замѣщать преданными имъ итальянцами. (Государи были противъ папства и потому, что въ Римъ, подъ разными предлогами, отправлялись изъ разныхъ государствъ массы денегъ, которыя могли бы пригодиться на родинѣ.)

Въ связи съ упадкомъ нравовъ духовенства ослабѣли также религіозныя вѣрованія. Обыкновеніе часто причащаться Св. Таинъ повсюду прекратилось, несмотря на то, что его старался поддерживать извѣстный Ѳома Кемпійскій. Многіе священники служили обѣдню очень рѣдко: въ началѣ XIV вѣка помѣстные соборы въ Испаніи вынуждены были предписать священникамъ служить обѣдню, по меньшей мѣрѣ, 3 раза въ годъ. Публичныя покаянія въ грѣхахъ совершенно исчезли, а послѣдствія отлученія отъ церкви были смягчены. Бонифацій VIII позволилъ служить обѣдню съ закрытыми дверями, совершать таинства и молебствія пять разъ въ году, а проповѣдь произносить одинъ разъ въ недѣлю. Напротивъ, число праздничныхъ дней, когда запрещено было работать, постоянно увеличивается; въ XIV вѣкѣ было установлено празднованіе Троицына дня, посѣщенія Богородицей св. Елизаветы, Безпорочнаго Зачатія. Индульгенціи стали выдаваться чаще и полученіе ихъ сдѣлалось болѣе легкимъ, потому что Бонифацій VIII, празднуя въ 1300 г. великій юбилей папства, опредѣлилъ юбилейный періодъ въ 100 лѣтъ, но Климентъ VI уменьшилъ его до 50 лѣтъ, Урбанъ VI—до 33, а Павелъ I—до 25, а всѣ, приходившіе въ Римъ ко дню юбилея, получали за это отпущеніе грѣховъ. Возникли нѣкоторые очень причудливые обряды, какъ, напр., процессіи плясуновъ въ Эстернахѣ или процессіи бичующихся во многихъ мѣстахъ Германіи; эти послѣднія уже происходили во многихъ мѣстахъ въ XIII в., но съ бѣшенымъ неистовствомъ онѣ происходили въ промежутокъ между 1348—50 гг., въ то время, когда въ Германіи свирѣпствовала т. н. черная смерть, или когда въ Зап. Европѣ съ ужасомъ ожидали турецкаго нашествія (въ самомъ концѣ XV в.).

Какъ на одну изъ характеристическихъ особенностей эпохи слѣдуетъ указать на болѣзненное влеченіе ко всякимъ наводящимъ уныніе вымысламъ и на ребяческій страхъ демона. Въ то же время стали возникать процессы по обвиненію въ колдовствѣ и магіи; одной изъ самыхъ трогательныхъ жертвъ такихъ процессовъ въ XV в. была Жанна д'Аркъ. И все это было слѣдствіемъ одной и той же причины—глубокаго религіознаго невѣжества, въ которое впали народныя массы, предоставленныя сами себѣ духовенствомъ, забывшимъ про свои прямыя обязанности.

Нищенствующіе ордена. Въ началѣ XIII вѣка католическое духовенство, какъ бѣлое, такъ и монашествующее, уже оказывается неспособнымъ руководить обществомъ, такъ какъ занято было больше свѣтскими дѣлами и погрязло въ порокахъ. Для этой цѣли нужны были люди, которые относились бы съ полнымъ презрѣніемъ къ мірскимъ благамъ, которые вели бы строгій образъ жизни и проповѣдывали покаяніе и самоотреченіе не только словомъ, но и личнымъ примѣромъ; съ другой стороны, въ это время начали появляться ереси (объ этомъ—ниже), для борьбы съ которыми требовались образованные люди, а среди тогдашняго духовенства такихъ было очень мало (чтобы не сказать, совсѣмъ не было). Очевидно, нужны были лица духовныя, которыя обязаны были изучать Св. Писаніе и быть въ состояніи бороться съ нарождавшимися ересями. Этимъ назрѣвшимъ потребностямъ времени и удовлетворили основанные въ XIII в. духовные ордена францисканцевъ и доминиканцевъ.

Оба они поставили себѣ одну и ту же цѣль—преобразовать общество, и употребляли одни и тѣ же средства—отреченіе отъ міра, чтобы быть совершенно независимыми отъ условій своего времени, жизнь въ городѣ (тогда какъ большинство тогдашнихъ монастырей устраивалось въ глуши, вдали отъ людей), и постоянную проповѣдь для распространенія религіознаго образованія. По времени первымъ былъ учрежденъ орденъ доминиканцевъ. По католическимъ легендамъ, еще до рожденія св. Доминика (онъ происходилъ изъ испанскаго города Калагорры) уже были знаменія, что изъ него выйдетъ необыкновенный человѣкъ: его матери были видѣнія, что у нея родится мальчикъ, который своимъ свѣтильникомъ зажжетъ весь міръ. Первымъ воспитателемъ Доминика былъ его дядя епископъ, который, вмѣстѣ съ матерью Доминика, направлялъ его къ смиренію и дѣламъ благочестія. И извѣстно, что когда Доминикъ долженъ былъ оставить родной домъ, чтобы отправиться въ высшую школу въ сосѣднемъ городѣ, онъ продалъ свои учебныя книги, а вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ. Въ школѣ онъ чуждался общества сверстниковъ, велъ затворническій образъ жизни, не ѣлъ мяса и спалъ на камняхъ или на голой землѣ. Его видѣли только въ церкви, гдѣ съ напряженнымъ вниманіемъ онъ прислушивался къ проповѣдямъ. Когда богословское образованіе было закончено, Доминикъ, по указанію дяди, поступилъ въ августинскій монашескій орденъ и былъ отправленъ проповѣдникомъ въ Лангедокъ. Тамъ онъ убѣдилъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ свитѣ епископа, отказаться отъ экипажей, слугъ и всѣхъ жи-

тейскихъ удобствъ и по примѣру апостоловъ «пѣшими и нищими спѣшить на укрѣпленіе вѣрныхъ и направленіе колеблющихся». (Въ то время въ Южн. Франціи начали распространяться разныя ереси.) У него оказалось сначала 12 учениковъ и вездѣ, гдѣ онъ ни показывался, онъ производилъ сильное впечатлѣніе на массу своей личностью и огненной рѣчью. Про него говорили даже, что онъ можетъ совершать чудеса. Себя онъ подвергалъ тяжелому изнуренію, носилъ на тѣлѣ власяницу и вериги и всегда и вездѣ готовъ былъ на всякія жертвы для блага другихъ. Количество его учениковъ возрастало съ каждымъ днемъ и, съ благословенія епископа, онъ основалъ, недалеко отъ Монреаля, собственный монастырь, гдѣ предполагалось укрѣплять въ вѣрѣ обратившихся еретичекъ, преимущественно изъ хорошихъ провансальскихъ фамилій. Скоро послѣ этого возникли и мужскія школы, питомцы которыхъ были подготовляемы къ проповѣди слова Божія и обращенію еретиковъ. Мало-по-малу стали образовываться монастыри общества «бѣдныхъ католиковъ», какъ называли себя послѣдователи Доминика. Папа Иннокентій III принялъ эти монастыри подъ свое покровительство, но не утверждалъ устава ордена доминиканцевъ, и осуществленіе своей мечты Доминикъ получилъ уже послѣ смерти папы Иннокентія, въ 1216 г. Въ своемъ первоначальномъ видѣ орденъ, основанный Доминикомъ, не былъ нищенствующимъ: это было обыкновенное братство; обѣты нищеты, цѣломудрія и послушанія опредѣлились впослѣдствіи, а при основаніи ордена, какъ цѣль, были поставлены проповѣдь и обращеніе еретиковъ. Но Доминикъ не удовлетворился этимъ и съ большимъ еще жаромъ сталъ проводить идею отреченія отъ міра и воздѣйствія на современниковъ силой не только слова, но и нравственнаго примѣра. Въ этомъ онъ нашелъ себѣ сочувствіе со стороны другого проповѣдника аскетизма, выступившаго на проповѣдь раньше Доминика, но добившагося офиціальнаго признанія со стороны папы нѣсколько позднѣе его,—Франциска Ассизскаго.

Францискъ былъ сынъ богатаго купца изъ итальянскаго города Ассизи. Въ молодости онъ велъ образъ жизни, вообще свойственный дѣтямъ богатыхъ и знатныхъ родителей, и ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ. Но когда ему было уже 20 лѣтъ, въ его жизни произошелъ переломъ. Еще прежде видъ нищихъ, просившихъ милостыню, всегда производилъ глубокое впечатлѣніе на Франциска: онъ,— говоритъ его біографъ,— ставилъ тотчасъ же себя на мѣсто нищаго и, проникаясь его положеніемъ, обыкновенно отдавалъ все, что съ нимъ было,—деньги, даже одежду. Но теперь онъ

окончательно отстранился отъ своихъ веселыхъ товарищей и цѣлыми днями бродилъ одиноко въ окрестностяхъ города. Скоро къ нему присоединился одинъ изъ его друзей. Повѣряя другъ другу свои мысли, они пришли къ убѣжденію, что ни земныя наслажденія, ни слава не стоятъ того, чтобы человѣкъ отдавалъ имъ всего себя и всю свою жизнь. Съ этихъ поръ Францискъ сталъ еще больше искать уединенія. Прежніе товарищи и друзья оставили его и вѣрными ему были только бѣдняки, къ которымъ онъ всегда относился съ теплымъ сочувствіемъ. Дружба и привязанность этихъ обездоленныхъ и несчастныхъ людей доставляла душѣ Франциска невыразимую отраду. Прежде самъ онъ очень щедро раздавалъ милостыню, но не задумывался надъ чужими страданіями. Теперь онъ проникся этими страданіями и роскошь его жизни становилась ему невыносимой: домашняя обстановка тяготила его и жить въ богатомъ домѣ отца казалось ему чуть не преступленіемъ. Мало-по-малу бѣдность и нищета въ глазахъ Франциска получили особый ореолъ и заманчивую прелесть. Францискъ рѣшилъ испытать на себѣ, каково быть нищимъ и ничего не имѣть. Поэтому, когда ему пришлось быть въ Римѣ, онъ роздалъ на паперти собора св. Петра нищимъ все, что съ нимъ было, потомъ помѣнялся съ однимъ изъ нихъ своей одеждой и цѣлый день простоялъ голодный, протягивая руку за подаяніемъ. Этотъ поступокъ рѣшилъ его сомнѣнія, и съ этого времени Францискъ посвятилъ себя на служеніе «скорбящимъ и обремененнымъ». Онъ, напр., подавалъ помощь прокаженнымъ, къ которымъ его современники боялись близко подходить, а не то что прикасаться. Но такое поведеніе сына весьма не нравилось отцу Франциска, который видѣлъ въ этомъ позоръ семьи. Отецъ весьма часто бранилъ сына, нерѣдко на его долю выпадали даже побои, но Францискъ все терпѣливо выносилъ. Все это окончилось тѣмъ, что Францискъ ушелъ изъ родного дома, объявивъ отцу, что ничто въ мірѣ неспособно поколебать его рѣшенія быть служителемъ Христа, а потому онъ отказывается подчиниться распоряженію даже родного отца. Отецъ пожаловался на него епископу, но и тамъ Францискъ повторилъ, что онъ желаетъ служить только одному Богу. Послѣ этого отецъ оставилъ его въ покоѣ. Въ это время Франциску было 25 лѣтъ.

Проживъ 2 года въ разныхъ монастыряхъ, преимущественно бѣдныхъ и заброшенныхъ, Францискъ выступилъ на проповѣдь. Онъ постоянно говорилъ о необходимости покаянія, суровой жизни и отреченія отъ всѣхъ мірскихъ благъ. Проповѣдь его шла весьма успѣшно, такъ какъ Францискъ гово-

рилъ со всѣми простымъ понятнымъ языкомъ. Его кроткая рѣчь проникала въ душу каждаго. И мало-по-малу отношеніе жителей родного городка къ нему измѣнилось. Сначала его называли только чудакомъ и даже сумасшедшимъ, но потомъ нашлись у него и послѣдователи. Есть, напр., извѣстіе, что одинъ ассизскій богачъ сначала смѣялся надъ Францискомъ, но послѣ одной проповѣди распродалъ свое имущество и пошелъ за Францискомъ. Потомъ къ нему присоединились еще 4 человѣка. Всѣ они поселились вмѣстѣ въ шалашѣ въ окрестностяхъ Ассизи и по очереди ходили на проповѣдь, сначала въ городъ, а потомъ разошлись въ разныя стороны. Появленіе этихъ проповѣдниковъ въ образѣ нищихъ, босыхъ и одѣтыхъ въ грубые хитоны, сначала всѣхъ изумляло, но скоро народъ привыкъ къ нимъ и полюбилъ ихъ. Скоро эти «меньшіе братья» («Frares minores») сдѣлались очень популярны въ Италіи. Но духовенство, видя въ послѣдователяхъ Франциска живой укоръ себѣ (такъ какъ ихъ образъ жизни былъ полной противоположностью жизни тогдашняго духовенства), встрѣтило новыхъ проповѣдниковъ весьма недружелюбно и дѣло доходило даже до серьезныхъ столкновеній, изъ которыхъ Францискъ выходилъ обыкновенно побѣдителемъ, такъ какъ народныя симпатіи всегда были на его сторонѣ. Количество послѣдователей Франциска возрастало такъ быстро, что Францискъ понялъ необходимость дать своей паствѣ какую-нибудь организацію, выработать для своего братства какой-нибудь уставъ. Но папа Иннокентій III, къ которому онъ за этимъ обратился, упорно не желалъ дать ему, какъ и св. Доминику, разрѣшенія на устройство монашескаго ордена. Францискъ добился своего только въ 1222 г., спустя 6 лѣтъ послѣ утвержденія устава доминиканскаго ордена, въ то время, когда послѣдователи Франциска насчитывались уже тысячами.

Послѣ утвержденія уставовъ количество послѣдователей свв. Доминика и Франциска стало рости необыкновенно быстро. Не прошло и 20 лѣтъ, какъ въ Зап. Европѣ было около 1,000 францисканскихъ и 400 доминиканскихъ монастырей. Нищенствующіе проповѣдники, одѣтые въ грубыя шерстяныя рясы и подпоясанные веревками, съ босыми ногами, отправлялись въ качествѣ миссіонеровъ въ Азію, боролись съ ересями въ Италіи и Франціи, читали лекціи въ университетахъ, проповѣдывали и трудились среди бѣдныхъ.

Появленіе «братьевъ» произвело цѣлый переворотъ въ религіозной жизни городовъ. Городскіе священники составляли худшую и наиболѣе невѣжественную часть духовенства, существовавшую исключительно на даянія прихожанъ за исполне-

ніе требъ. Религіознымъ поученіемъ для купцовъ и ремесленниковъ должны были служить лишь пышные церковные обряды, да картины и скульптура, украшавшія стѣны храмовъ. Едва-ли поэтому можно удивляться,—говоритъ Гринъ,— тому взрыву восторга, съ которымъ встрѣчены были странствующіе проповѣдники, ихъ горячія воззванія, простая рѣчь. Съ одинаковымъ восторгомъ встрѣчали горожане и черныхъ доминиканцевъ и сѣрыхъ францисканцевъ. Прежніе ордена предпочитали деревню, новые селились въ городахъ, при чемъ выбирали обыкновенно худшіе участки городовъ, предмѣстья, гдѣ царила нищета и всякаго рода болѣзни, бывшія слѣдствіемъ бѣдности и плохихъ санитарныхъ условій. Они работали въ городскихъ больницахъ, сознательно выбирая самыхъ тяжелыхъ и ужасающихъ больныхъ, напр., прокаженныхъ. Если они строили для себя въ такихъ мѣстностяхъ жилища, то эти хижины изъ бревенъ или землянки были нисколько не лучше лачугъ, среди которыхъ они были построены. Нужно сказать вообще, что нищенствующіе монахи вели борьбу противъ пышныхъ построекъ и всякаго рода удобствъ жизни. Напр., одинъ англійскій проповѣдникъ, послѣдователь Франциска, на просьбы братіи построить болѣе просторное помѣщеніе, замѣтилъ: «Не для того я поступалъ въ монахи, чтобы строить стѣны», а Альбертъ Пизанскій приказалъ срыть до основанія каменный монастырь, построенный для францисканцевъ жителями Саутгемптона (въ Англіи); употребленіе подушекъ при снѣ было запрещено въ орденѣ: «Вамъ не нужно маленькихъ горъ, чтобы поднимать головы къ небу»,—сказалъ настоятель одного монастыря своимъ монахамъ. Носить обувь разрѣшалось только больнымъ. Питались нищенствующіе монахи такъ, чтобы только не умереть съ голоду. (Съ теченіемъ времени по степени подвижничества и образу жизни они раздѣлились на нѣсколько ступеней.) Дѣйствовали оба ордена на разныхъ поприщахъ: францисканцы учили народъ нравственности и религіи, призывали его къ покаянію, облегчали, чѣмъ могли, страданія больныхъ и несчастія бѣдныхъ; изъ среды доминиканцевъ выходили ученые, которымъ одно время было предоставлено исключительное право занимать каѳедры въ университетахъ. И оба эти ордена имѣли громадное вліяніе на общество, такъ какъ были близки ему, принимали къ сердцу всѣ интересы общества и всѣми своими поступками выгодно отличались отъ остальнаго духовенства. Но оба ордена были подчинены папѣ, который и постарался обратить ихъ въ послушное свое орудіе. Орденъ доминиканцевъ легче и полнѣе, подчинился папѣ и потому папы довѣрили ему по-

вый судъ учрежденный для борьбы съ еретиками—инквизицію (см. ниже).

Изъ другихъ монашескихъ орденовъ заслуживаютъ вниманія премонстранты и цистерціанцы: первые отдѣлились отъ бенедиктинцевъ, вторые имѣли видоизмѣненный уставъ Клюнійскаго монастыря. Основателемъ перваго ордена былъ Норбертъ, являющійся, по словамъ изслѣдователя, характерной, чисто средневѣковой фигурой. Онъ былъ знатнаго происхожденія и владѣлъ большими помѣстьями. Когда однажды молнія ударила возлѣ него въ землю и это навело его на мысль о непрочности всего земного и непостоянствѣ человѣческой жизни, онъ рѣшился удалиться отъ міра. Онъ возвратилъ архіепископу кельнскому всѣ земли, полученныя отъ того въ качествѣ феода, продалъ свои наслѣдственныя земли и вырученныя деньги раздалъ бѣднымъ. Затѣмъ въ суровую зимнюю пору онъ съ 2 спутниками предпринялъ паломничество черезъ Францію. Но оба его спутника скоро умерли, не выдержавъ трудностей и путешествія, а третій, присоединившійся къ нему впослѣдствіи, предпочелъ остаться въ одномъ изъ попавшихся на дорогѣ монастырей, чѣмъ вести жизнь съ Норбертомъ. Наконецъ и самъ Норбертъ заболѣлъ вслѣдствіе чрезмѣрныхъ усилій и лишеній, но счастливо перенесъ болѣзнь. Сначала онъ нашелъ себѣ пріютъ въ Маріинской церкви въ г. Лаонѣ, гдѣ его хотѣли избрать въ настоятели, но когда онъ ознакомилъ канониковъ этой церкви со своими аскетическими взглядами, то они отказались отъ своего намѣренія. Вскорѣ Норбертъ основалъ свой монастырь и его уставъ былъ такъ строгъ, что многіе изъ монаховъ уходили, не будучи въ состояніи выполнить его. Въ 1126 г. Норбертъ избранъ былъ магдебургскимъ архіепископомъ и пришелъ въ епископскій дворецъ босой и въ такой бѣдной одеждѣ, что привратникъ принялъ его за нищаго и не пустилъ на порогъ. Въ качествѣ архіепископа онъ исполнялъ свою должность съ такой же энергіей и суровостью. Никакого вмѣшательства свѣтскихъ властей въ дѣла церкви онъ не допускалъ. Извѣстно, напр., что въ 1133 г. онъ сопровождалъ въ Италію императора Лотаря II и игралъ роль въ переговорахъ его съ папой Иннокентіемъ II. Когда Иннокентій, казалось, склонялся къ тому, чтобы предоставить императору инвеституру кольцомъ и посохомъ, Норбертъ въ присутствіи императора заявилъ папѣ: «если ты сдѣлаешь то, чего отъ тебя требуютъ, то вотъ, смотри, я передъ лицомъ Церкви не соглашаюсь съ тобой». И папа и императоръ вынуждены были уступить ему. И такимъ онъ былъ до самой смерти. Орденомъ премонстрантовъ основано было много мо-

настырей, которые являлись не только религіозными центрами, но и представляли собой образцовыя земледѣльческія колоніи, населенныя нѣмцами въ мѣстностяхъ не-нѣмецкихъ. Особенно много такихъ колоній было въ земляхъ балтійскихъ славянъ. Изъ нихъ наиболѣе другихъ извѣстенъ Лычковъ (Leizkau), основанный въ 1139 г.

Въ дѣлѣ обращенія въ католичество балтійскихъ славянъ принимали участіе и цистерціанцы («сѣрые монахи» — по цвѣту одежды), которые отличались необыкновенной простотой жизни и обладали важными знаніями, относящимися къ обработкѣ болотистыхъ мѣстностей. Ихъ главнымъ правиломъ было: «молись и работай»—ora et labora. Первый монастырь цистерціанцевъ Цинна (Zinna) основанъ былъ въ 1171 г.

Начало этому ордену положено было въ 1113 году Бернардомъ Клервальскимъ когда онъ близъ Дижона съ 30 такими же юношами, какъ онъ самъ (онъ родился въ 1091 г.), основалъ монастырь Цито (Cisterium). Но такъ какъ монастырь этотъ быстро разроссья, то Бернардъ ушелъ изъ него и въ пустынной долинѣ Клерво, въ Бургундіи, основалъ новый монастырь, гдѣ и былъ аббатомъ.

Бернардъ Клервальскій является однимъ изъ лучшихъ представителей средневѣковаго аскетизма и тихой созерцательной жизни. Его многочисленныя сочиненія и письма представляютъ собой непрерывную проповѣдь о томъ, насколько отрѣшенное отъ міра и успокоившееся въ Богѣ созерцаніе предпочтительнѣе безпокойной и полной опасностей мірской жизни. Въ своемъ личномъ образѣ жизни Бернардъ проводилъ отреченіе во всемъ. Онъ былъ до такой степени проникнутъ стремленіемъ къ отреченію отъ личности, что уничтожилъ въ себѣ всякое желаніе пищи, потерялъ вкусъ, пилъ масло вмѣсто воды, не замѣчая этого; онъ закупорилъ себѣ уши воскомъ, чтобы не слышать разговора близкихъ ему лицъ. Онъ такъ глубоко задумывался, что часто не замѣчалъ, гдѣ онъ находится и что происходитъ вокругъ него. Разсказываютъ про него, что, проживъ нѣсколько недѣль въ кельѣ монастыря, онъ не могъ сказать, какого рода потолокъ былъ у него въ комнатѣ—гладкій или сводомъ; въ другой разъ, путешествуя съ учениками по берегу озера, онъ на второй или на третій день путешествія, случайно услыхавъ нѣсколько словъ своихъ спутниковъ, спросилъ ихъ, о какомъ озерѣ у нихъ все время идетъ рѣчь. Выше всего Бернардъ ставилъ любовь къ Богу: онъ всѣхъ звалъ къ Нему и всѣхъ убѣждалъ отдаться Ему всецѣло; онъ убѣдилъ постричься въ монахи своего отца, двухъ братьевъ, замужнюю сестру. Сохранилось преданіе, что когда Бер-

нардъ приходилъ куда-нибудь для проповѣди, то женщины запирали и прятали своихъ мужей, братьевъ и сыновей, боясь, что они уйдутъ за Бернардомъ въ его монастырь.

Ереси XII и XIII вѣковъ. Религіозное движеніе, которое привело къ реформѣ духовенства въ XI в. и къ распространенію монашескихъ орденовъ въ XII и XIII вв., имѣло не одни только хорошіе результаты. «Въ поискахъ правильныхъ путей» множество людей совратилось въ ересь. Особенно обильную ересями эпоху представляютъ XII и XIII вѣка. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ вальденсы и альбигойцы.

Основателемъ первой секты былъ богатый ліонскій купецъ Петръ Вальдесъ. Ознакомившись съ Библіей и житіями святыхъ, по примѣру св. Алексія человѣка Божія, Вальдесъ роздалъ свое имущество, поручилъ двумъ священникамъ перевести Св. Писаніе на мѣстные языки и въ 1177 г. началъ проповѣдывать покаяніе. Его главной мыслью было—возстановить на землѣ жизнь апостоловъ, которая, по его мнѣнію, состояла въ бѣдности, скитаніи, проповѣди и ношеніи сандалій. У него нашлись послѣдователи, которые, согласно Евангелію, всегда ходили на проповѣдь по-двое. Папа Иннокентій III рекомендовалъ Вальдесу оставить проповѣдь, но Вальдесъ не подчинился и былъ отлученъ отъ церкви, такъ какъ его ученіе не было согласно съ ученіемъ католической церкви: онъ отвергалъ всякое служеніе, кромѣ проповѣди, и всѣ таинства, кромѣ Евхаристіи; его послѣдователи утверждали, что всякій христіанинъ—священникъ, отвергали индульгенціи, военную службу, собственность и принужденіе къ труду. Въ началѣ XIII в. въ этой сектѣ произошелъ расколъ: французскіе вальденсы старались не порывать окончательно связей съ церковью, а итальянскіе отдѣлились совершенно и выработали особый культъ. Впослѣдствіи они распространились по Германіи, Богеміи и Польшѣ, а въ XVI в. примкнули къ протестантамъ.

Но особенно опасной для католической церкви была секта «катаровъ» (отъ греческаго слова «καθαροί», что значитъ «чистые»). Иначе ихъ называли альбигойцами, отъ маленькаго городка Альби, гдѣ возникла эта ересь. Происхожденіе ея одни изъ ученыхъ ведутъ отъ манихеевъ (IV в. по Р. Х.) другіе отъ павликіанъ (VII в. по Р. Х.). Главнымъ отличительнымъ признакомъ проповѣди альбигойцевъ было ученіе о двухъ началахъ—добромъ и зломъ. По ихъ мнѣнію, доброе начало было истиннымъ Богомъ, Который сотворилъ невидимый міръ духовъ и отъ Котораго произошелъ Новый Завѣтъ; дурное начало или Іегова былъ лишь падшій духъ, сотворившій видимый міръ и давшій людямъ Ветхій Завѣтъ,

Его сынъ Люциферъ соблазнилъ часть небесныхъ ангеловъ и заточилъ ихъ въ тѣла; чтобы освободить этихъ плѣнныхъ ангеловъ, составляющихъ особый избранный классъ между людьми, сошелъ съ неба другой ангелъ—Христосъ, не принявшій однако ни человѣческой природы, ни истиннаго тѣла. Всѣхъ людей альбигойцы дѣлили на 2 класса, изъ которыхъ одинъ могъ достигнуть спасенія, а другой, въ виду его происхожденія отъ злого начала, неспособенъ къ совершенствованію, а это освобождало его отъ всякой нравственной отвѣтственности. Альбигойцы отрицали всякую власть, какъ церковную, такъ и свѣтскую, отвергали всѣ таинства, собственность и почитаніе иконъ. Эта ересь получила необыкновенно быстрое распространеніе въ Германіи, по Рейну, въ Ломбардіи и особенно на югѣ Франціи, гдѣ уже держалась крѣпко ересь вальденсовъ.

Отвергая всякій авторитетъ, осуждая бракъ и собственность, альбигойцы, естественно, должны были казаться современникамъ опасными людьми, такъ какъ грозили существованію не только западной церкви, но и самаго общества. Съ другой стороны, своей строгой жизнью и обличеніемъ жадности и пороковъ духовенства они въ то же время производили сильное впечатлѣніе на современное имъ общество. Они успѣли создать себѣ духовную организацію, собрали одинъ соборъ, даже вступили черезъ одного константинопольскаго епископа Никиту въ сношенія съ восточными катарами. Къ альбигойцамъ принадлежали не только низшіе классы народа, но и многіе члены феодальной аристократіи и городского гражданства. Въ лицѣ этой секты Риму грозила серьезная опасность, и папы не замедлили вступить съ ней въ борьбу. На многочисленныхъ соборахъ выработаны были прежде всего всѣ необходимыя мѣропріятія. Были распредѣлены категоріи еретиковъ и неблагонадежныхъ по степени ихъ опасности, были установлены мѣры взысканія и предупрежденія, были организованы потребныя для искорененія ереси средства и учрежденія.

Прежде всего, какъ общее правило, было установлено преданіе еретиковъ свѣтской власти и, слѣд., смерть черезъ сожженіе для всѣхъ тѣхъ,—безъ различія пола, возраста и семейнаго положенія,—кто въ отвѣтахъ на всѣ убѣжденія Церкви упорствуетъ въ своихъ заблужденіяхъ. Эта казнь сопровождалась конфискаціей имущества еретика, даже если у него были католическіе родственники; потомство еретика навсегда лишалось права занимать церковныя должности; исключенія могли быть сдѣланы только для тѣхъ членовъ семьи, которые доносили на другихъ: дѣти на отца, жена на мужа и т. д. Затѣмъ тѣ еретики, которые обратились бы притворно или изъ страха

смерти и наказаній въ лоно католической церкви, выселялись въ чисто католическія мѣстности и подвергались пожизненному тамъ заключенію въ тюрьмѣ, причемъ содержаніе ихъ оплачивалось или изъ ихъ состоянія, или, если его не было, изъ церковныхъ суммъ. Только тѣ еретики, которые по мнѣнію духовнаго суда обращались искренно въ число правовѣрныхъ католиковъ, получали прощеніе и должны были нести «легкія» церковныя наказанія, т.-е. уплатить денежную пеню, надѣть особое позорное одѣяніе, съ двумя крестами—однимъ на спинѣ, другимъ на груди,—подвергнуться публичному бичеванію, участвовать съ розгами въ рукахъ въ процессіяхъ, а самое главное, ревностно помогать духовнымъ и свѣтскимъ властямъ ловить своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, доносить на нихъ, обвинять и т. п.; тотъ изъ нихъ, кто, разъ уже присоединившись къ Церкви, отпалъ бы вторично въ прежнюю или иную ересь, подвергался немедленно передачѣ свѣтской власти для сожженія. Далѣе, всѣ лица, которыя какимъ-либо образомъ проявили свое сочувствіе еретикамъ, давали имъ кровъ и пищу, имѣли съ ними общеніе и знакомство, подвергались инфаміи, т.-е. лишались права занимать публичныя должности, права давать свидѣтельство на судѣ, дѣлать завѣщанія, заниматься адвокатурой и даже врачебнымъ искусствомъ. Домъ, который служилъ бы пріютомъ еретика, подлежалъ срытію до основанія, а самый участокъ земли—конфискаціи. Наконецъ, всѣ правовѣрные католики, которые проявили бы мало рвенія въ истребленіи ересей и обнаружили бы какое бы то ни было ослушаніе Церкви въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ, подвергались отлученію отъ церкви со всѣми гражданскими послѣдствіями этого церковнаго акта; если это былъ владѣтельный князь, то за свою нерадивость въ преслѣдованіи ереси онъ лишался престола, его подданные освобождались отъ долга вѣрности по отношенію къ нему, на самую же страну налагалось запрещеніе богослуженія (интердиктъ); если это былъ судья, то его рѣшенія теряли обязательную силу; если это было частное лицо, то оно объявлялось внѣ права и внѣ всякаго гражданскаго общенія, и т. д. Даже умершіе подвергались преслѣдованію за ересь: трупы ихъ вырывались изъ земли, сожигались и пепелъ развѣивался по вѣтру.

Но для осуществленія на дѣлѣ всѣхъ этихъ положеній и предписаній соборовъ нужны были и собственныя средства: во-первыхъ, нужна была помощь свѣтскаго законодательства, во-вторыхъ—свѣтской военной и полицейской силы. Ни въ томъ, ни въ другомъ недостатка не было. Все тогдашнее католичество убѣждено было въ необходимости строжайшаго преслѣдова-

нія еретиковъ, которыхъ называли «исчадіями ада», святотатцами и оскорбителями Бога, и не только восприняло постановленія соборовъ въ свои кодексы но, по зову папы, создало цѣлыя арміи для искорененія огнемъ и мечомъ злыхъ еретиковъ и уничтоженія ихъ убѣжищъ. «Костры,—говоритъ изслѣдователь Л о р а н ъ,—дѣйствовали недостаточно быстро, пламя, которое пожирало еретиковъ, распространяло ересь. Личное преслѣдованіе еретиковъ казалось недостаточнымъ и прибѣгали къ массовымъ преслѣдованіямъ, къ войнѣ для ихъ уничтоженія».

Ауто-да-фе въ Испаніи.

Былъ объявленъ крестовый походъ противъ еретиковъ: князья и короли призывались на помощь Христу; всѣмъ участникамъ въ этой «святой» экспедиціи было обѣщано отпущеніе грѣховъ, какъ за посѣщеніе Св. Земли или гробницы апостоловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ еретическіе сеньоры были провозглашены лишенными владѣній, а ихъ земли предназначены побѣдителямъ; былъ возбужденъ не только фанатизмъ, но и корысть. И святая война возгорѣлась; жестокость и кровожадность крестоносцевъ превзошла всѣ ожиданія; это была, по утвержденію историковъ, рѣзня, какой еще не видалъ свѣтъ: не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ, ни

малымъ; не разбирали даже католиковъ и еретиковъ: «рѣжьте всѣхъ,—говорилъ папскій легатъ, рѣжьте всѣхъ безъ различія: Богъ сумѣетъ разобрать, кто—Его, а кто—не Его». Когда же по взятіи и разрушеніи города Безье папскій легатъ доносилъ папѣ объ этомъ радостномъ событіи, онъ выразился такъ: «Наши не давали пощады ни возрасту, ни полу; произошла неимовѣрная рѣзня непріятеля; городъ разграбленъ и сожженъ; божественное мщеніе свирѣпствовало удивительнымъ образомъ—«ultione divina mirabiliter in eam saeviente». Избіеніе еретиковъ, сожженіе ихъ цѣлыми массами на кострахъ, все это производилось съ чрезвычайною радостью—«cum ingenti gaudio» во славу Христа и Его Церкви; современные альбигойскому походу историки приписываютъ Божьему благоволенію даже удачное преслѣдованіе бѣжавшихъ еретиковъ: «хотя не всѣ, — читаемъ мы у одного, — но все же нѣкоторые, слава Создателю, были настигнуты и убиты».—Успѣхъ этихъ войнъ былъ чрезвычайный: цѣлыя области были опустошены, сотни тысячъ населенія были перерѣзаны или сожжены; въ одномъ Безье поплатилось жизнью 38 тыс. человѣкъ. Но зато можно было сказать, что ересь была уничтожена.

Инквизиція. Крестовые походы, подобные альбигойскому, были экстренными, чрезвычайными мѣрами для истребленія еретиковъ. Нуженъ былъ органъ для постояннаго наблюденія за ними и ихъ уничтоженія, и таковымъ была инквизиція. Зарожденіе этого учрежденія можно замѣтить уже въ концѣ XII в., но только съ 1232 г. можно считать инквизицію окончательно установившейся, въ видѣ самостоятельнаго учрежденія, такъ какъ именно съ этого времени она была передана въ завѣдываніе монашескихъ орденовъ, спеціально же доминиканцевъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ папы. Процессъ инквизиціи былъ чрезвычайно простъ въ своихъ основаніяхъ: онъ сводился къ тому, чтобы, пользуясь всѣми средствами насилія, обмана, корысти, вырвать изъ среды общества возможно большее количество дѣйствительныхъ или мнимыхъ еретиковъ и сжечь ихъ. Для этого употреблялись слѣдующія мѣры: во-первыхъ, по прибытіи своемъ въ какой-нибудь городъ, инквизиторъ путемъ индульгенціи собиралъ народъ и бралъ съ присутствующихъ клятву выдать всѣхъ еретиковъ. Доносчики получали за каждую жертву денежную награду и опять индульгенцію на болѣе продолжительный срокъ; если же все-таки не было доносчиковъ, то тогда подъ угрозой отлученія отъ церкви инквизиторъ требовалъ выдачи еретиковъ. Тѣ, которые не прибыли для принесенія клятвы, считались подозрительными и если не

являлись къ инквизитору въ опредѣленный срокъ, то сами считались еретиками; среди прихожанъ инквизиторъ могъ избрать себѣ по желанію помощниковъ и сыщиковъ, которые обязаны были повиноваться ему подъ страхомъ отлученія; доносчиками и обвинителями могли быть лица, по общему правилу не допускаемыя къ обвиненію: малолѣтніе, рабы, даже преступники. Обвиненіе было тайное, свидѣтели давали свои показанія въ тайнѣ отъ обвиняемаго; инквизиторъ имѣлъ право арестовывать всѣ грамоты и письма еретика; защита и адвокаты не допускались. Для того же, чтобы въ нужномъ случаѣ вырвать признаніе у подозрѣваемаго или обвиняемаго, въ широкихъ размѣрахъ употреблялась пытка; пыткѣ подвергались по мѣрѣ надобности и другія участвовавшія въ процессѣ лица. Все производство было письменное и формальное. Инквизиторы имѣли право толкованія всѣхъ церковныхъ и свѣтскихъ законовъ о еретикахъ. Власть инквизитора была безгранична. Кто разъ попалъ въ его руки, того считали погибшимъ; путемъ ли ловкаго допроса, пытки или лицемѣрнаго участія, у несчастной жертвы вырывали если не признаніе, то нѣсколько противорѣчивыхъ показаній, и все было кончено, еретика вели на смерть; гдѣ не удавалось добыть признанія, тамъ пользовались анонимными тайными свидѣтельствами, доносами, обвиненіями—и результатъ былъ тотъ же: изъ рукъ инквизиторовъ вырваться было нельзя, спасенія не было.

(Нѣкоторые инквизиторы пріобрѣли неувядаемую славу въ качествѣ истребителей еретиковъ: изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Ѳому Торквемаду.)

Это страшное учрежденіе, съ благословенія римскаго папы, получило распространеніе въ Италіи, Сѣв. Испаніи, Южн. Франціи, а затѣмъ въ Англіи и Германіи. «Оно словно гигантская неумолимая машина, поглощало въ свои кровавыя нѣдра тысячи человѣческихъ существъ, зажимало ихъ въ тиски святого процесса, вымучивало доказательства ихъ въ большинствѣ несуществовавшей вины и выбрасывало еще живыми на раскаленные угли костровъ. И все это дѣлалось ad majorem Dei et sanctae ecclesiae gloriam».

(Современные духовные писатели старались и теоретически оправдать казни еретиковъ, ссылаясь на одинъ неправильно переведенный текстъ Евангелія, въ притчѣ о царѣ, пригласившемъ гостей на пиръ и когда они не пришли, пославшемъ звать всѣхъ прохожихъ и нищихъ: въ латинскомъ переводѣ сказано было «cogita intrare»—«заставь войти».—Но несмотря на гоненія и казни, ереси не прекращались. Въ XIII в., напр., была въ ходу проповѣдь Вѣчнаго Евангелія, въ кото-

рой говорилось, что Ветхій Завѣтъ былъ откровеніемъ Бога Отца, Новый Завѣтъ—Бога Сына, и что наступаетъ время Откровенія Духа Святаго, когда вся жизнь человѣческая будетъ основана на новыхъ началахъ.)

На ряду съ разнаго рода еретиками въ Средніе вѣка стояли евреи. Когда собственно появились они въ Зап. Европѣ, преимущественно въ Испаніи, сказать трудно. Благодаря своей предпріимчивости, взаимной поддержкѣ и умственному превосходству надъ полудикими варварскими племенами, населявшими Испанію, они скоро заняли видное положеніе въ странѣ, тѣмъ больше, что поселившіеся тамъ готы съ пренебреженіемъ относились къ занятію торговлей и ремесломъ, предпочитая имъ войну и охоту. У евреевъ скопились большіе капиталы; у нихъ были свои школы и даже академіи, изъ которыхъ выходили врачи, финансисты и даже ученые. Но правовое положеніе евреевъ было очень печальное. Ихъ только терпѣли въ разныхъ государствахъ, такъ какъ безъ нихъ трудно было обойтись (главнымъ образомъ изъ-за ихъ денежныхъ средствъ), но никакими правами они не пользовались. Мало того, въ VII вѣкѣ одинъ изъ готскихъ государей рѣшилъ насильно обратить ихъ въ христіанство, а не желавшіе исполнить его указа обязаны были покинуть Испанію. Весьма многіе евреи повиновались приказанію короля, часть покинула Испанію, но есть зато указанія, что завоеванію Испаніи арабами способствовали евреи. При арабахъ евреямъ жилось нѣсколько легче, такъ какъ арабы отличались вѣротерпимостью, а ихъ халифы покровительствовали знаніямъ. Но въ христіанскихъ государствахъ Испаніи и вообще всей Зап. Европы положеніе евреевъ было тяжелое. Въ нѣкоторыхъ городахъ евреямъ разрѣшалось жить только въ опредѣленныхъ кварталахъ (впосл. гетто), выходить изъ которыхъ они могли только въ строго опредѣленное время и притомъ только въ силу необходимости. Христіанамъ посѣщать еврейскіе кварталы было запрещено и особенно тщательно слѣдили за тѣми евреями, которые принимали христіанство. Въ Испаніи, а позднѣе и въ Германіи, евреи обязаны были носить на платьѣ особый лацканъ цвѣтной матеріи, чтобы ихъ не смѣшивали съ другими гражданами; на головахъ они должны были носить особыя шапочки, тогда какъ всѣ носили шляпы. «Всякаго рода притѣсненія и ограниченія правъ сыпались на нихъ дождемъ»,—говоритъ изслѣдователь. Преслѣдованія евреевъ особенно учащались во время крестовыхъ походовъ или какихъ-нибудь стихійныхъ бѣдствій. Напр., въ 1348—50 гг. Германію посѣтила страшная моровая язва, извѣстная въ исторіи подъ именемъ «черной

смерти». Въ Германіи въ эти годы умерло отъ язвы полтора милліона человѣкъ и весьма много жертвъ унесла она въ сосѣднихъ съ Германіей странахъ. Народное воображеніе, доискивавшееся причинъ такого бѣдствія, обвинило евреевъ въ отравленіи колодцевъ — и началось повсемѣстное преслѣдованіе евреевъ. Ихъ избивали или сожигали на кострахъ, а иногда поджигали цѣлые кварталы, населенные евреями, и нужно сказать, что наряду съ ослѣпленной суевѣрной толпой дѣйствовали горожане, дворяне и даже князья, которые видѣли въ поднявшемся народномъ движеніи удобное средство раздѣлаться съ ненавистными евреями, которые опутывали всѣхъ долговыми обязательствами и, съ другой стороны, возбуждали зависть своими богатствами. Только вмѣшательство имп. Карла IV, который имѣлъ свой особый интересъ охранять «вѣрныхъ слугъ королевской казны»,—какъ гласилъ его указъ, заставило прекратить это избіеніе евреевъ.

Чтобы избавиться отъ преслѣдованій за вѣру, евреи часто принимали христіанство. Въ Испаніи такіе евреи извѣстны подъ именемъ марранов̆ъ. Но положеніе такихъ вновь обращенныхъ христіанъ было также весьма незавидно, такъ какъ за ними былъ установленъ самый строгій надзоръ и достаточно, напр., маррану было одѣть въ субботу чистое платье, какъ на него слѣдовалъ доносъ, что онъ по-еврейски чтитъ субботу — и такой марранъ попадалъ неминуемо въ руки свѣтской власти. Особенно тяжело сдѣлалось положеніе евреевъ въ Испаніи во второй половинѣ Ср. вѣковъ, когда тамъ водворилась инквизиція. Въ концѣ XV в., благодаря дѣятельности инквизиторовъ,—уже упомянутаго Торквемады, Діэго Деца и Хименеса,—Испанія было совершенно очищена отъ евреевъ. Въ другихъ государствахъ, въ Германіи и Франціи, евреи уцѣлѣли, но въ теченіе Ср. вѣковъ почти никакими правами не пользовались.

Оппозиція папству въ XIV и XV вѣкахъ и попытка реформировать папство посредствомъ соборовъ. Упадокъ папства и всей католической церкви въ первой половинѣ XIV в. (въ связи съ «Вавилонскимъ плѣненіемъ папъ») вызвалъ рѣзкую оппозицію противъ папства. Появляется цѣлый рядъ сочиненій—научнаго и сатирическаго характера, направленныхъ противъ папства и духовенства вообще. Данте въ своемъ трактатѣ «О монархіи» настаивалъ на независимости императорской власти отъ папы и доказывалъ ея божественное происхожденіе. Марсилій Падуанскій въ сочиненіи «Защитникъ міра» проводилъ взглядъ, что источникомъ всякой политической власти является народъ въ лицѣ выборныхъ

представителей; равнымъ образомъ въ Церкви законодательная власть должна принадлежать всей совокупности христіанъ. Но такъ какъ всѣ христіане не могутъ на практикѣ воспользоваться своими правами, то они избираютъ соборъ, который вырабатываетъ основанія вѣры и назначаетъ епископовъ, не исключая и папы. Марсилій отвергъ легенду, что ап. Петръ былъ первымъ епископомъ г. Рима, и говорилъ, что римскій епископъ—такой же, какъ и всѣ остальные, а потому онъ и не имѣетъ власти надъ другими епископами. Совѣсть каждаго человѣка—свободна, а потому церковные законы не могутъ имѣть принудительной силы и папскій интердиктъ тѣмъ больше является насиліемъ.

(Въ произведеніяхъ сатирическаго характера духовенство вообще и монашество въ особенности выставлялись въ самомъ смѣшномъ и неблагопристойномъ видѣ; изъ выдающихся произведеній этого рода больше всего заслуживаютъ вниманія «Кентерберійскіе разсказы» англійскаго писателя Чосера и «Декамеронъ» итальянца Боккачіо.)

Кромѣ того, недовольство тогдашнимъ состояніемъ католической церкви выразилось въ томъ, что появились ереси, а также отдѣльныя лица стали требовать реформы Церкви.

Первымъ по времени крупнымъ церковнымъ реформаторомъ былъ Джонъ Виклифъ, богословъ и профессоръ Оксфордскаго университета (1320—1384). Единственнымъ авторитетомъ въ вопросахъ вѣры Виклифъ считалъ Св. Писаніе. Онъ отвергалъ право Церкви отлучать и право привлекать къ суду; къ власти папы Виклифъ относился отрицательно, но особенно разошелся онъ съ католической церковью въ вопросѣ о таинствѣ причащенія, такъ какъ совершенно отвергалъ пресуществленіе и училъ, что хлѣбъ остается хлѣбомъ, а вино—виномъ. (См. нашу «Новую исторію», стр. 10.) Ученіе Виклифа было осуждено соборомъ англійскаго духовенства, самъ онъ былъ лишенъ каѳедры въ университетѣ и только благодаря покровительству при дворѣ окончилъ жизнь простымъ священникомъ, занимаясь переводомъ Св. Писанія на англійскій языкъ.

Преемникомъ Виклифа можно считать чешскаго проповѣдника Іоанна Гуса (род. 1369, сожженъ въ 1415 г.), который занималъ въ началѣ XIV в. мѣсто профессора въ Пражскомъ университетѣ. Подобно Виклифу, Гусъ училъ, что Св. Писаніе есть единственный источникъ вѣры. Папство Гусъ допускалъ при условіи истиннаго христіанскаго благочестія. Онъ возставалъ противъ стремленія папъ и духовенства къ вмѣшательству въ свѣтскія дѣла и къ собиранію матеріальныхъ богатствъ. Проповѣдь, которую Гусъ, подобно Виклифу, считалъ весьма

важной, должна была происходить на языкѣ населенія (т.-е. на чешскомъ). Причащеніе Гусъ признавалъ правильнымъ только «подъ обоими видами». Кромѣ того, онъ открыто выступилъ противъ индульгенцій и это привело его къ столкновенію съ римской церковью и къ осужденію Гуса на соборѣ въ Констанцѣ. (См. нашу «Новую исторію», стр. 12—17.)

Проповѣдь и весь процессъ осужденія Гуса совпали съ цѣлымъ рядомъ попытокъ реформировать католическую церковь посредствомъ соборовъ. Раздѣленіе Церкви на римскую и авиньонскую во второй половинѣ XIV в. (т. н. «Великій расколъ» въ католической церкви) навело общество на мысль, что соборъ—выше папы, что посредствомъ собора можно реформировать всю Церковь и само папство. Въ пользу этой мысли раздавались голоса даже самого духовенства. И въ XV в. происходитъ цѣлый рядъ соборовъ—въ Пизѣ, въ Констанцѣ и (самый длинный по времени) въ Базелѣ и Флоренціи. (См. нашу «Новую исторію», стр. 14, 18—19.) Главными поборниками идеи реформы были университеты, въ особенности Парижскій. Но несмотря на всѣ усилія противниковъ папства, реформировать Церковь посредствомъ соборовъ не удалось: папы сумѣли справиться съ соборами и вышли побѣдителями изъ этой борьбы, объединивъ снова подъ своей властью всю западно-европейскую церковь.

Но это было только наружное благополучіе. Вѣра въ незыблемость средневѣковаго папства была окончательно подорвана. Абсолютный авторитетъ Св. Престола находилъ мало искреннихъ поклонниковъ. Рядомъ съ этимъ шелъ упадокъ нравственности. Невѣжество духовенства было поразительное. И вмѣстѣ съ тѣмъ эксплоатація общества дошла до крайнихъ предѣловъ. Папы обирали народныя массы путемъ индульгенцій и разнаго рода денежныхъ сборовъ, на тяжесть которыхъ жаловалось даже духовенство: напр., за посвященіе въ духовный санъ взимали въ пользу папскаго двора подать, равную годовому доходу съ духовной должности, получаемой посвящаемымъ; духовенство бѣлое и монашествующее не стѣснялось ничѣмъ: самые священные предметы превратились въ грубое орудіе обмана, въ средство выманивать послѣдніе гроши у вѣрующей простодушной публики: гвозди отъ креста Спасителя,—разсказываетъ историкъ,—продавались пудами и современники совершенно серьезно разсказываютъ даже о такихъ рѣдкостяхъ, какъ перо изъ крыла архангела Гавріила или сѣно изъ Виѳлеемскихъ яслей. Само папство измѣнилось: папы стали свѣтскими государями. Своимъ пастырскимъ авторитетомъ они пользовались не для дѣлъ вѣры и церкви, а для политическаго усиле-

нія и для собиранія большихъ доходовъ внѣ Италіи. Съ 1471 года (съ папы Сикста IV) начинается для папства эпоха униженія. Почти въ теченіе цѣлаго полустолѣтія папы, нерѣдко отличавшіеся крайней безнравственностью (напр., Александръ VI Борджіа), заботились только объ интересахъ своихъ собственныхъ сыновей или другихъ родственниковъ, обыкновенно извѣстныхъ подъ именемъ непотовъ, и объ увеличеніи своихъ владѣній или же вмѣшивались въ безконечныя интриги, которыя велись при дворѣ итальянскихъ государей. Къ интересамъ христіанства они относились, повидимому, совершенно равнодушно, отказывались отъ духовнаго руководительства обществомъ и больше похожи были на свѣтскихъ князей, чѣмъ на пастырей Церкви. «Страсть къ веселію сдѣлалась господствующимъ стремленіемъ Св. Престола,—читаемъ мы у историка папства (М. Корелина).—Пиры смѣнялись пикниками, банкеты—охотой и рыбной ловлей, и въ этомъ во всемъ преемникъ св. Петра принималъ самое дѣятельное участіе. Папскій дворъ съ его изящными кавалерами и красивыми дамами считался самымъ веселымъ въ Европѣ». Само собою разумѣется, что при такихъ папахъ не могло быть и рѣчи о церковныхъ реформахъ. Однако, эти реформы съ каждымъ днемъ становились болѣе и болѣе для всѣхъ очевидно-необходимыми. Но онѣ не были произведены своевременно въ XV вѣкѣ, и зато въ XVI вѣкѣ появилась т. н. реформація, положившая конецъ какимъ бы то ни было мечтаніямъ римскихъ папъ объ установленіи на землѣ «Божескаго царства».

Средневѣковая культура.

Образованіе Западной Европы до XII вѣка. Переходъ отъ Древней исторіи къ Среднимъ вѣкамъ отмѣченъ полнымъ упадкомъ древне-римской литературы, которая одна могла быть источникомъ свѣтскаго образованія. При господствовавшемъ въ V—VI вѣкахъ стремленіи къ спасенію души, къ ней относились враждебно, видя въ произведеніяхъ римскихъ писателей прямую опасность для души, такъ какъ вся эта литература создана была писателями «язычниками»; другіе думали, что чтеніе классическихъ произведеній будетъ отвлекать отъ мыслей о Богѣ и церкви, такъ какъ вся эта литература была свѣтская: поэтому почти въ самомъ началѣ исторіи Среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемся съ такимъ фактомъ, что по приказанію одного изъ римскихъ папъ были сожжены сочиненія Тита

Ливія; ученые монахи и монахини писали сочиненія въ подражаніе Плавту или Теренцію Варрону, но въ христіанскомъ духѣ.

Но и такое отношеніе къ классической литературѣ стало исчезать въ бурную эпоху переселенія народовъ. Можно сказать, что съ VI вѣка по Р. Х. начинается полный упадокъ свѣтскаго образованія въ Зап. Европѣ. Уже въ V вѣкѣ придворные поэты франкскихъ королей больше обращали вниманія на форму, напр., стихотворенія, а не на его содержаніе: писали, напр., стихи такъ, чтобы они имѣли видъ креста или сѣкиры, или такъ, чтобы ихъ можно читать съ начала къ концу или наоборотъ — безъ потери смысла. Въ то же время замѣчается упадокъ вообще латинской образованности; у одного современника читаемъ: «сами римляне какъ будто стѣсняются латинскаго языка. Грамматика—почти варварская; діалектики боятся, какъ амазонки, съ обнаженнымъ мечомъ устремляющейся въ битву; отъ музыки, геометріи и ариѳметики отворачиваются, какъ отъ трехъ фурій; наконецъ, философію считаютъ едва ли не за какое-нибудь зловѣщее животное». Свѣтская литература съ VI вѣка почти исчезаетъ совершенно и уступаетъ мѣсто церковной. Недостаточность свѣтскаго образованія сознаютъ сами выдающіеся образованные люди меровингской эпохи,—напр., Григорій Турскій.

Тогда же совершенно исчезли школы, еще уцѣлѣвшія кое-гдѣ отъ римскихъ временъ. Правда, одновременно съ распространеніемъ христіанства въ Зап. Европѣ вездѣ духовенство строило школы. Но эти школы были 1) чужды народу, среди котораго были учреждены, такъ какъ тамъ учили латинскому языку по латинскимъ же руководствамъ; вся наука сводилась къ заучиванію «съ голоса» главнѣйшихъ молитвъ и всей псалтири, а послѣ этого уже учили азбуку и начинали «читать» ту же псалтирь; 2) школы эти имѣли единственной цѣлью готовить пастырей церкви, а также людей всѣхъ профессій, соприкасавшихся съ церковью,—учителей, переписчиковъ рукописей и т. п.

Карлъ В. имѣлъ сильное желаніе завести свѣтскія школы. «Пусть священники,—говорилъ Теодульфъ, орлеанскій епископъ при Карлѣ В.,—содержатъ школы въ городахъ и деревняхъ и обучаютъ дѣтей безвозмездно, не отказываясь, однако, отъ подарковъ, добровольно предложенныхъ имъ родителями». И, дѣйствительно, во многихъ селахъ существовали въ Ср. вѣка первоначальныя школы, гдѣ, вмѣстѣ съ катехизисомъ, преподавалось немного ариѳметики и элементарныя правила грамматики. «Изъ такихъ школъ выходило множество причетниковъ, которые, не торопясь получить духовное званіе, въ ожиданіи бенефиція, занимались полевыми работами».

Семь свободныхъ искусствъ. Лица, наиболѣе одаренныя и наиболѣе любознательныя, послѣ низшей школы изучали «семь свободныхъ искусствъ» (Septem artes liberales). Въ «Притчахъ» Соломона сказано, что Премудрость построила себѣ домъ на 7 столбахъ. Здѣсь разумѣются дары Св. Духа. Но въ Ср. вѣка это мѣсто Св. Писанія было понято буквально. Современникъ Карла В. Алкуинъ говорилъ, что книжная мудрость утверждается на 7 столбахъ или ступеняхъ и что только поднявшись на эти 7 ступеней люди достигаютъ совершенства. Эти ступени—грамматика, риторика, діалектика, ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка. «Надъ ними,—говорилъ Алкуинъ,—потрудились философы; ими они просвѣтились и превзошли славою царей и прославились навѣки». Эти семь свободныхъ искусствъ. «семь ступеней премудрости», дѣлились на тривіумъ (trivium) и квадривіумъ (quadrivium). Въ составъ перваго входили грамматика, риторика и діалектика (Artes sermonicales). Квадривіумъ составляли 4 остальныя, artes reales или materiales. О значеніи каждаго искусства въ отдѣльности латинское двустишіе говоритъ (названія предметовъ сокращены):

Gram. loquitur; dial. vera docet; rhet. verba colorat;
Mus. canit; ar. numerat; glo. ponderat; as. colit astra,

т.-е. «грамматика говоритъ, діалектика учитъ истинѣ, риторика украшаетъ рѣчь, музыка поетъ, ариѳметика считаетъ. астрономія изучаетъ звѣзды».

Такое дѣленіе предметовъ общаго образованія, ихъ содержаніе и способъ преподаванія оставались безъ измѣненія въ продолженіе многихъ вѣковъ. (Слѣдуетъ отмѣтить, что въ низшихъ школахъ были въ полномъ ходу тѣлесныя наказанія. «Жить подъ розгой», и «вырасти подъ розгой учителя» (Sub virga degere, sub virga magistri constitutum esse) — на языкѣ Среднихъ вѣковъ равнялось нашему «получить образованіе».) Такъ какъ общее образованіе можно было получить только въ монастырскихъ и церковныхъ школахъ, то и изученію «семи свободныхъ искусствъ» придавался церковный характеръ: астрономія преподавалась настолько, чтобы духовенство знало, какъ составить календарь, какъ опредѣлить на извѣстный годъ переходящіе праздники; музыка необходима была при богослуженіи, и т. п. Таковъ былъ характеръ школы, которая до XII в. была въ Зап. Европѣ единственной. Внѣ церковнаго общества мало было не только образованныхъ, но мало-мальски грамотныхъ людей, и въ рыцарскомъ обществѣ можно было встрѣтить владѣтельныхъ бароновъ, которые не умѣли читать «по писанному» и держали при себѣ секретарей. Весьма мно-

гіе изъ нихъ только съ грѣхомъ пополамъ могли подписать свое имя подъ какимъ-нибудь дѣловымъ актомъ.

Схоластика. Такъ какъ наука преподавалась только въ церковныхъ школахъ (schola), то тогдашніе ученые получили названіе «схоластиковъ», а самая наука была также названа схоластикой. Выше всѣхъ наукъ было поставлено богословіе, а философія была объявлена только «служанкой» его (philosophia est ancilla theologiae). Но въ вопросахъ богословія Церковь не допускала никакой критики догматовъ, установленныхъ Церковью. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе непреложными, средневѣковые богословы искали для нихъ точныхъ и опредѣленныхъ доказательствъ у древнихъ греческихъ философовъ, чтобы подкрѣпить догматы вѣры и объяснить ихъ соображеніями разума. (Сочиненія греческихъ философовъ отличаются именно необыкновенной стройностью и систематичностью мышленія.) Но сперва греческаго языка не знали и довольствовались отрывками изъ «Логики» Аристотеля по дурно сдѣланнымъ переводамъ. Въ XII в. стали переводить съ арабскаго самыя сочиненія Аристотеля, и такимъ образомъ въ западно-европейскихъ школахъ появилась философія какъ болѣе или менѣе самостоятельный предметъ.

Необходимость приводить доказательства въ пользу своего мнѣнія, или чтобы опровергнуть чужое привела къ тому, что стали интересоваться діалектикой, т.-е. умѣньемъ вести разговоръ и направлять споръ. Въ школахъ для развитія діалектическихъ способностей учениковъ устраивались т. н. диспуты, въ которыхъ ученики должны были выказать свою начитанность; но въ этихъ спорахъ главное вниманіе обращалось не на содержаніе, а на формальную сторону мышленія, т.-е. строгую послѣдовательность разсужденія и тонкость въ опредѣленіи и различеніи понятій. Часто смыслъ спора терялся вслѣдствіе игры словъ и разныхъ тонкихъ ухищреній (софизмовъ) со стороны спорившихъ, а наставники старались развить въ ученикахъ именно эту сторону дѣла. Часто вопросы, которые ставились ученикамъ, не имѣли никакого значенія для человѣка, были совершенно безполезны въ жизни и годились только въ школѣ для развитія діалектическихъ способностей учениковъ. На такія-то занятія и было перенесено названіе «схоластики», прежде обозначавшее занятіе науками вообще. Но нельзя отрицать извѣстной пользы схоластики: она поддерживала умственные интересы, изощряла мыслительныя способности и вырабатывала пріемы правильнаго размышленія.

Главные представители средневѣковой мысли. Такъ какъ философы и богословы слѣдовали разнымъ авторитетамъ и

держались разныхъ пріемовъ разсужденія, то между ними, естественно, происходили разногласія. Западно-европейскихъ схоластиковъ дѣлятъ на два лагеря, по ихъ различному взгляду на вопросъ о природѣ общихъ понятій (универсалій)—реалистовъ и номиналистовъ. Дѣло въ томъ, что уже съ самаго начала утвердился въ философіи совершенно правильный и единственно возможный взглядъ, что настоящій предметъ познанія—не частное, единичное, случайное, а то, что есть въ предметахъ общаго, постояннаго, существеннаго. Но что же само по себѣ это «общее, постоянное и существенное», благодаря чему всѣ предметы являются тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ.—Рѣшилъ этотъ вопросъ опредѣленно Платонъ. Видя, что все на землѣ непрочно и измѣнчиво, что какъ души людей, такъ и внѣшніе предметы содержатъ въ себѣ что-то неудержимо влекущее ихъ къ разрушенію, измѣненію и порчѣ, Платонъ пришелъ къ мысли, что «настоящій предметъ познанія—не нашъ земной, доступный чувствамъ міръ; существуетъ,—думалъ онъ,—другой міръ вѣчныхъ, чистыхъ, неизмѣнныхъ вещей—міръ идей». Это какъ бы образцы, типы всѣхъ вещей въ ихъ настоящемъ видѣ и значеніи. Нашъ земной міръ есть только плохая испорченная копія съ этого міра, міра идей; наши земные, скоро проходящіе предметы—только блѣдныя отраженія дѣйствительно существующихъ идей. Такое рѣшеніе вопроса объ общихъ понятіяхъ дѣлало ихъ реальными вещами (res), а потому послѣдователи философіи Платона были названы реалистами. Имъ возражали т. н. номиналисты. Въ концѣ XI в. нѣкто Росцелинъ училъ, что «общности»—вообще не предметы: это—просто звуки, слова, имена (nomina). Никакой поэтому «идеи» человѣка, отдѣльнаго отъ всѣхъ человѣческихъ личностей, нѣтъ. Но особенно прославился среди номиналистовъ французскій схоластикъ XII в. Абеляръ.

По вопросу о природѣ «общностей» онъ держался того мнѣнія, что хотя идеи отдѣльно отъ вещей и не существуютъ, однако ихъ нельзя признать и одними только словами: «идеи—продукты (conceptio) ума и выражаютъ существенное свойство мысли». Абеляръ говорилъ, что къ истинѣ ведетъ изслѣдованіе, а изслѣдованіе является результатомъ сомнѣнія; отсюда выводъ о необходимости большей свободы для дѣятельности разума; онъ утверждалъ, что спорные вопросы должны подлежать свободному изслѣдованію. Чтобы показать, какіе бываютъ спорные вопросы, Абеляръ написалъ сочиненіе «Sic et Non» («Да или Нѣтъ») и въ немъ собралъ 158 вопросовъ, по которымъ въ источникахъ католической церкви можно найти про-

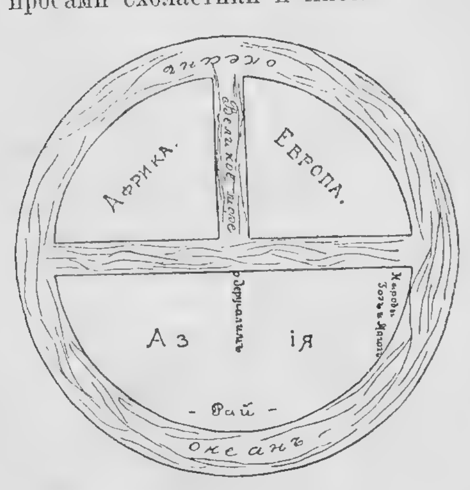
тиворѣчія, напр., гдѣ былъ созданъ Адамъ—въ раю или внѣ его, будетъ ли когда-нибудь прощенъ грѣхъ Каина, и т. п. Но требованіе Абеляромъ свободнаго изслѣдованія истины вызвало противъ него большое неудовольствіе, тѣмъ больше, что у Абеляра было свое особенное ученіе о Пр. Троицѣ. Абеляръ училъ, что три Лица Пр. Троицы суть свойства, качества Бога, а не отдѣльныя лица: Бога Отца Абеляръ называлъ божественной силой, Бога Сына—божественнымъ разумомъ, Св. Духа—божественной благодатью, милостью и любовью. Такимъ образомъ, выходило, что, съ одной стороны, каждая Ипостась Божества—особый Богъ, т.-е., какъ будто Боговъ—три, а, съ другой стороны, по такому воззрѣнію, Лица Пр. Троицы были неравны между собой: Св. Духъ, напр., являлся лишеннымъ всемогущества и мудрости, а это была уже самая страшная ересь—хула на Св. Духа. Затѣмъ Абеляръ училъ, что «вѣрить» просто, «любить» Бога, какъ понимала это Церковь, —мало: надо умомъ понять таинства вѣры, таинства, стоящія выше человѣческаго пониманія.

Противъ Абеляра выступилъ извѣстный уже проповѣдникъ аскетизма — Бернардъ Клервальскій, который представлялъ полную противоположность Абеляру: онъ вѣрилъ въ возможность полнаго сліянія съ Божествомъ въ порывѣ религіознаго чувства. (Такое настроеніе называется мистицизмомъ.)—Бернардъ называлъ ученіе Абеляра ересью. Онъ утверждалъ, что Абеляръ подрываетъ самую христіанскую религію и въ ущербъ христіанству превозноситъ язычество и древній міръ. (Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Абеляръ, дѣйствительно, ставилъ язычество выше іудейства и признавалъ, что лучшіе языческіе философы войдутъ въ царство небесное вмѣстѣ съ христіанами.) По просьбѣ Абеляра былъ созванъ соборъ (въ Сансѣ въ 1141 г.), для разрѣшенія спора между нимъ и Бернардомъ. Соборъ призналъ ученіе Абеляра еретическимъ, и немного спустя онъ отказался отъ своихъ мнѣній. Умеръ онъ въ монастырѣ Клюни въ слѣдующемъ за соборомъ году.

Изъ ученыхъ, которые остались вѣрными ученію католической церкви и старались согласить научныя понятія съ требованіями католицизма, заслуживаетъ вниманія монахъ доминиканскаго ордена Ѳома Аквинскій (Аквино — городъ въ Италіи). Ему принадлежитъ трудъ «Summa totius Theologiae»— «Итоги богословія»: это, по выраженію изслѣдователя, «вторая Библія для каждаго католика, а тѣмъ болѣе для лица духовнаго». Въ сочиненіи Ѳомы Аквинскаго можно найти отвѣты на всѣ вопросы богословія; онъ систематически, во всѣхъ подробностяхъ, развилъ ученіе католической церкви и, «опираясь

впослѣдствіи на его сочиненія, католическая церковь имѣла возможность отбиваться отъ мѣткихъ нападеній протестантовъ, вооруженныхъ силой свѣжихъ идей и всѣмъ раціонализмомъ XVI в.». Ѳома училъ, что человѣкъ созданъ для добра и что если человѣкъ уклоняется въ дурную сторону, то это объясняется тѣмъ, что законъ человѣческій (дурное начало) беретъ верхъ иногда надъ естественнымъ стремленіемъ человѣка къ добру. Человѣкъ не предоставленъ самому себѣ: надъ всѣми его стремленіями тяготѣетъ особенный законъ, опредѣляющій и направляющій волю человѣка. (Жилъ Ѳома Аквинскій отъ 1227 по 1274 г.) Изъ послѣдователей Бернарда Клервальскаго (мистиковъ) наибольшей извѣстностью пользовался и до сихъ поръ пользуется нѣмецкій богословъ XV в. Ѳома Гамеркенъ изъ Кемпена, иначе Ѳома Кемпійскій (1380—1471). Въ своемъ сочиненіи «Подражаніе Христу» Ѳома говоритъ, что жизнь Спасителя—великое поученіе для христіанъ: все остальное, помимо любви къ Богу и служенія Ему Единому, есть «суета суетъ» («vanitas vanitatum»). Верховная мудрость, по мнѣнію Ѳомы Кемпійскаго, заключается въ томъ, чтобы, «презирая міръ, взирать на царство небесное»: кто повинуется своимъ чувственнымъ желаніямъ, тотъ оскверняетъ совѣсть и теряетъ благодать Божію.

Свѣтскія науки, вслѣдствіе увлеченія лучшихъ умовъ вопросами схоластики и мистической литературы, были въ весьма печальномъ состояніи. Естествовѣдѣніе находилось въ пренебреженіи и въ этой области гораздо выше европейцевъ стояли арабы. Природой средневѣковый человѣкъ интересовался весьма мало.

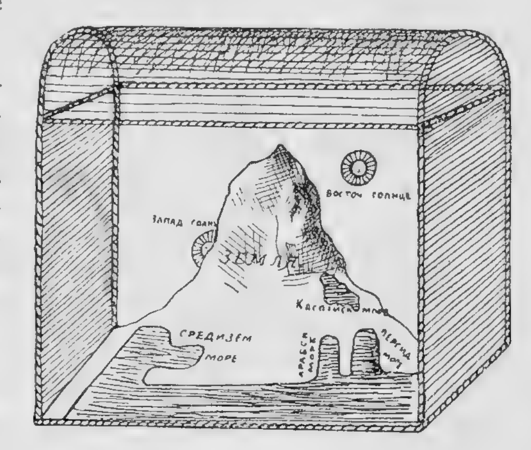

Карта земли въ Средніе вѣка.

„Разыскивать причины естественныхъ вещей,— поучалъ, напр., одинъ духовный писатель начала Ср. вѣковъ,— изслѣдовать, такъ ли велико солнце, какъ оно кажется, выпукла ли луна или выгнута, неподвижны ли звѣзды или онѣ свободно плаваютъ въ воздухѣ, какъ велика земля и на какихъ основаніяхъ она держится въ равновѣсіи, спорить и дѣлать предположенія объ этихъ предметахъ—значитъ совершать то же самое, какъ если бы мы стали разсуждать о какомъ-нибудь городѣ въ отдаленной странѣ, не зная о немъ ничего, кромѣ его имени“. А

другой духовный писатель вразумлялъ: „Мы—путники и, только проходя, видимъ этотъ міръ. Если на пути мы встрѣчаемъ незнакомыя вещи, то есть ли смыслъ отдать себя въ ихъ власть и своротить съ дороги. А это-то и дѣлаютъ люди, посвящающіе себя наукѣ“.

Общество довольствовалось самыми элементарными свѣдѣніями; при чемъ къ этимъ свѣдѣніямъ примѣшивалось множество весьма невѣрныхъ представленій и самыхъ грубыхъ суевѣрій. По исторіи, напр., Юлій Цезарь оказывается королемъ Австріи и Венгріи, женатымъ на феѣ Моргѣ, отъ которой у него родился сынъ—карликъ Оберонъ, весьма популярный въ Ср. вѣка волшебный духъ. Аристотель и Вергилій были колдунами, творившими разныя чудеса. Карлъ Великій и его рыцари—какія-то совершенно фантастическія существа, совершающія самые невѣроятные подвиги: они сражаются съ великанами, разсѣкаютъ ударомъ меча скалы, и т. п.—Не менѣе фантастичны свѣдѣнія по географіи. Уже извѣстное древнему міру ученіе о шарообразности земли было забыто: небо представляли въ видѣ шатра, опирающагося на землю, а самую землю въ видѣ холма, поднимающагося изъ моря. Имѣется разсказъ одного средневѣковаго миссіонера о томъ, какъ онъ добрался до того мѣста, гдѣ небо сходилось съ землей, какъ онъ пролѣзъ сквозь опустившееся на землю небо и что онъ за нимъ увидалъ. Въ VI вѣкѣ нѣкто Косьма Индикопловъ («плавающій въ Индію») составилъ «Христіанскую Топографію», въ которой говорилъ, что земля—гора на 4-угольномъ основаніи: въ длину 400 дней пути, а въ ширину—200 дней; вся земля окружена стѣнами и покрыта крышкой—словно замкнута въ сундукѣ. Подъ крышкой же (небомъ) небесныя свѣтила совершаютъ свое обращеніе, обходя вокругъ земной горы, которая занимаетъ сѣверную часть земли и производитъ ночь, скрывая отъ людей солнце, когда оно за нее заходитъ. Это представленіе держалось нѣсколько вѣковъ.—Въ другой книгѣ по географіи находимъ разсказы о людяхъ съ головой собаки, о людоѣдахъ, о людяхъ безголовыхъ (съ

Видъ земли по предположенію Косьмы Индикоплова.

лицомъ на груди), о людяхъ съ громадной ступней и съ одной ногой или съ такими ушами, что, ложась спать, человѣкъ одно ухо подстилалъ подъ себя, а другимъ накрывался. Средневѣковые географы даже прилагали къ своимъ сочиненіямъ изображенія подобныхъ страшилищъ. Землю иногда изображали въ видѣ лепешки; въ самой серединѣ ея—Іерусалимъ, а на крайнемъ востокѣ Азіи помѣщали рай. Одинъ географъ утверждалъ даже, что пряности, которыя произрастаютъ въ Индіи, получаютъ свой ароматъ отъ доносящагося изъ рая благовоннаго «духа». У спутника Людовика IX

Чудовищные люди въ средневѣковыхъ учебникахъ географіи.

по крестовому походу—Жуанвиля находимъ извѣстіе, напр., что на краю свѣта заключены въ скалѣ народы гогъ и магогъ, которые выйдутъ оттуда при пришествіи антихриста, что рѣка Нилъ беретъ свое начало въ раю и что по этой рѣкѣ въ Египетъ прямо изъ рая приплываютъ имбирь, алоэ и другія пряности.

По зоологіи и астрономіи сообщаются самыя невѣроятныя вещи: слонъ выбрасываетъ изъ горла кишку, при помощи которой проглатываетъ цѣликомъ вооруженнаго воина съ лошадью; камни и растенія, иногда самые обыкновенные, обладаютъ свойствомъ сообщать даръ слова, даютъ побѣду на турнирѣ, обезпечиваютъ человѣку вѣчную молодость, и т. п.

Свѣтская культура.

Университеты и свѣтская наука. Крестовые походы пробудили въ западно-европейскомъ обществѣ интересъ къ знанію, и европейскіе народы стали заводить у себя такія же ученыя и учебныя заведенія, какія существовали на Востокѣ, на Пиренейскомъ полуостровѣ у арабовъ. Появляется все больше и больше школъ, и мы видимъ, что въ нѣкоторыя изъ нихъ собираются слушатели изъ разныхъ странъ. Нѣкоторыя изъ такихъ, наиболѣе значительныхъ школъ были преобразованы въ университеты. Въ XII в. появились университеты въ Италіи—въ Салерно и Болоньѣ (изъ послѣдней вышли извѣстные

въ исторіи Франціи «легисты»), а въ XIII в. преобразованы были въ университеты школы въ Парижѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ. Изъ этихъ трехъ университетовъ Парижскій является старѣйшимъ; онъ получилъ особенное устройство, послужившее впослѣдствіи образцомъ для другихъ университетовъ—въ Прагѣ Чешской, Лейпцигѣ и другихъ мѣстахъ.

Первоначально Парижскій университетъ не пользовался никакими правами и его преподаватели должны были испрашивать разрѣшеніе (licence) на преподаваніе отъ канцлера капитула Собора Парижской Богоматери. Около 1200 г. послѣ одной драки между студентами и жителями города, окончившейся убійствомъ нѣсколькихъ студентовъ, король Филиппъ-Августъ далъ университету привилегію, въ силу которой студенты не подлежали свѣтскому суду парижскаго прево. Въ 1207 г. въ актахъ встрѣчается уже выраженіе «Communitas scolarium Parisiensium», въ 1208 г. въ буллѣ папы Иннокентія III говорится объ «Universitas magistrorum», а въ 1221 г. университетъ является уже юридическимъ лицомъ: одна хартія начинается словами: «Nos, Universitas magistrorum et scholarium Parisiensium». Съ самаго же начала университетъ повелъ борьбу противъ капитула Собора Богоматери и ему скоро удалось освободиться отъ висѣвшей надъ нимъ опеки духовенства. Со времени Людовика IX капитулъ Собора сохранилъ надъ университетомъ лишь номинально почетную власть.

Ректоръ и докторъ Парижскаго университета. (Среднев. миніатюра.)

Въ Парижскомъ университетѣ студенты и профессора дѣлились по націямъ и факультетамъ, которые имѣли своихъ особыхъ должностныхъ лицъ и свои печати. Съ какого времени началось это раздѣленіе сказать трудно: утверждено оно было папой Григоріемъ IV въ 1231 г. Всего было 4 факультета—богословіе, медицина, юриспруденція и словесность. Одинъ университетскій актъ 1254 г. сравниваетъ 4 факультета съ райскими рѣками. Словесный факультетъ, носившій назва-

ніе «артистическаго», былъ подготовительнымъ къ остальнымъ тремъ, такъ какъ на немъ проходились уже извѣстныя 7 свободныхъ искусствъ. Начальникъ словеснаго факультета (выборный) назывался ректоромъ, а во главѣ другихъ факультетовъ стояли деканы. Въ концѣ XIII в. ректоръ словеснаго факультета сдѣлался главнымъ начальникомъ всего университета: это видно изъ того, что онъ называется—«Rector Universitatis magistrorum et scolarium Parisiensium», что указываетъ на преобладающее вліяніе словеснаго факультета. Между факультетами и даже между отдѣльными націями на каждомъ факультетѣ постоянно происходили ссоры, при чемъ нерѣдко дѣло оканчивалось кровавыми побоищами.

Въ програму университетскаго преподаванія входили богословіе, медицина и право. (Впрочемъ, послѣднія иногда запрещались папскими буллами: напр., право было запрещено буллой папы Гонорія III въ 1219 г., а медицина въ половинѣ вѣка другимъ папой.) Но, несмотря на противодѣйствіе духовенства, свѣтскія науки завоевываютъ себѣ все больше и больше мѣста. Въ началѣ XIII в. монахъ Аделяръ привезъ изъ Греціи рукописи Эвклида и началось изученіе математики въ Англіи; въ Италіи, Франціи и Испаніи стали заниматься естествовѣдѣніемъ. Начались занятія ботаникой, медициной, физикой; многіе государи увлекались химіей и астрономіей. Благодаря путешествіямъ на Востокъ, дѣлаетъ большіе успѣхи географія; благодаря знакомству съ глобусомъ (отъ арабовъ) снова торжествуетъ ученіе о шарообразности земли. Въ концѣ XIII в. ученый монахъ Альбертъ Великій (ум. въ 1280 г.) за свои всесторонніе ученые труды получилъ прозвище «doctor universalis» (міровой). Онъ пользовался такой извѣстностью, что въ Парижѣ, напр., долженъ былъ читать свои лекціи подъ открытымъ небомъ, такъ какъ не было помѣщенія, которое могло бы вмѣстить всѣхъ, кто желалъ его слушать. (Онъ говорилъ между прочимъ: «должно изучать въ природѣ не то, какъ Творецъ творитъ чудеса, а то, какъ она живетъ по своимъ естественнымъ причинамъ».)

Но истиннымъ отцомъ положительной науки былъ современникъ Альберта Роджеръ Бэконъ (ум. въ 1292 г.). Сначала онъ учился въ Оксфордскомъ университетѣ, гдѣ получилъ первое знакомство съ сочиненіями Аристотеля, а затѣмъ перешелъ въ Парижскій университетъ.

Всѣ свои средства онъ истратилъ на дорогія занятія и опыты. «Съ ранней юности,—писалъ онъ впослѣдствіи,—я работалъ надъ изученіемъ наукъ и языковъ, добиваясь дружбы всѣхъ тѣхъ людей среди латинянъ, которые были сколько-нибудь извѣстны своими знаніями. Я побуждалъ юношей изу-

чать языки, геометрію, ариѳметику, составленіе таблицъ и устройство инструментовъ и многія необходимыя вещи». На избранномъ имъ пути онъ натолкнулся на страшныя затрудненія. У него не было ни инструментовъ, ни средствъ для производства опытовъ. «Безъ математическихъ инструментовъ нельзя овладѣть ни одной наукой,—жаловался онъ,—а инструментовъ этихъ нельзя найти у латинянъ и нельзя изготовить даже за 2—3 сотни фунтовъ. Необходимы таблицы, на которыхъ безъ особаго труда отмѣчаются движенія небесныхъ свѣтилъ отъ начала до конца міра, но такія таблицы стоятъ столько, сколько выкупъ короля, и не могутъ быть составлены безъ огромныхъ затратъ. Я самъ часто пытался составить такія таблицы, но не могъ ихъ кончить по недостатку средствъ и благодаря невѣжеству моихъ помощниковъ». Доставать книги было трудно, а иногда прямо невозможно. «Философскія творенія Аристотеля, Авиценны, Сенеки и Цицерона нельзя достать безъ большихъ затратъ; главныя произведенія однихъ не переведены на латинскій языкъ, списковъ другихъ нельзя достать въ обыкновенныхъ библіотекахъ и даже нигдѣ. Замѣчательнаго сочиненія Цицерона «О государствѣ», насколько мнѣ извѣстно, не оказывается нигдѣ, хотя я разыскивалъ его повсемѣстно, лично и чрезъ посланныхъ. Я никогда не могъ найти сочиненій Сенеки, хотя тщательно искалъ ихъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ». То же можно сказать относительно еще многихъ книгъ, и, читая эти жалобы, составляешь себѣ понятіе о той жаждѣ знанія и вмѣстѣ терпѣніи и энергіи, которыя обнаружены были Бэкономъ.

Вернувшись въ Англію, Бэконъ былъ профессоромъ въ Оксфордѣ и прославился, какъ «удивительный» знатокъ схоластики, медицины, исторіи, въ особенности же математики, языковъ и естествовѣдѣнія. Изъ сочиненій его особенно замѣчателенъ «Opus majus» (Большой трудъ), «цѣль котораго состояла въ доказательствѣ необходимости реформировать способъ философствованія, въ указаніи причинъ, почему наука не сдѣлала большихъ успѣховъ, въ обращеніи вниманія на источники знанія, несправедливо находящіеся въ пренебреженіи, въ указаніи другихъ источниковъ, до того совершенно неизвѣстныхъ, и въ побужденіи людей къ занятію наукой въ виду приносимой ею громадной пользы». (Гринъ.) Его работы по грамматикѣ и филологіи, постоянныя указанія на необходимость правильныхъ текстовъ, точнаго знанія языковъ и точнаго толкованія не менѣе замѣчательны, чѣмъ его научныя изслѣдованія. Отъ грамматики онъ переходитъ къ математикѣ, отъ математики къ опытной философіи. Подъ именемъ математики онъ разумѣетъ и естественныя науки эпохи. «Пренебреженіе къ ней за послѣднія 30—40 лѣтъ,—горячо утверждаетъ Бэконъ,—почти уничтожило всѣ знанія въ латинскомъ мірѣ; кто не знаетъ математики, тотъ не можетъ знакомиться и съ другими науками, а что еще хуже—онъ не можетъ раскрыть своего невѣжества и найти противъ него подходящаго средства.»—Географія, хронологія, ариѳметика, музыка изложены у Бэкона до нѣкоторой степени въ научной формѣ; онъ

разсматриваетъ вопросы климатологіи, гидрографіи, географіи и астрологіи; въ его сочиненіяхъ есть намеки на телескопъ, воздушный насосъ, порохъ, на законы свѣта, магнетизма и сохраненія энергіи. Но важнѣе всего установленіе научнаго метода. «Хотите знать Аристотеля или Библію,—говоритъ онъ,—бросьте переводы, изучайте греческіе и еврейскіе подлинники. Хотите постигнуть законы природы—не покупайте книгъ, а запасайтесь инструментами и сами дѣлайте опыты: безъ опыта нельзя знать ничего достаточно. Хотите быть философомъ—овладѣйте математикой, ибо это—азбука философіи».—(Великія старанія Бэкона не были однако оцѣнены современниками и онъ окончилъ свою жизнь въ неизвѣстности.)

Еще больше развивалось право, которымъ стали пользоваться во многихъ государствахъ для своихъ цѣлей государи. Главнымъ предметомъ изученія былъ «Сводъ законовъ» Юстиніана Вел. Начало этому изученію римскаго права положилъ въ Болоньѣ Ирнерій (конецъ XI и нач. XII в.) Сначала ученые занимались только толкованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ или даже отдѣльныхъ словъ въ «Сводѣ», а позднѣе отрывочныя толкованія были связаны въ болѣе цѣльныя изложенія, получившія названіе «глоссъ». У Ирнерія было до 15 тысячъ учениковъ. Изъ его школы вышли лучшіе юристы, которыхъ короли всѣхъ странъ принимали съ распростертыми объятіями.

Слѣдуетъ отмѣтить, что просвѣщеніе двигалось впередъ медленно, прежде всего, вслѣдствіе недостатка въ средствахъ къ дешевому и быстрому распространенію произведеній человѣческаго ума: книги переписывались отъ руки очень медленно и были очень дороги; мѣшало успѣхамъ свѣтской культуры и то, что высшій классъ общества—феодальное рыцарство—по складу его жизни не былъ подготовленъ для умственной дѣятельности, а духовенство смотрѣло враждебно на всякое проявленіе свободомыслія. Только когда подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ развилась въ городахъ торговая и промышленная жизнь, въ этихъ городахъ появляются люди, которые посвящаютъ себя исключительно занятію наукой и не считаютъ это занятіе для себя унизительнымъ.

Народная и рыцарская поэзія. Всѣ ученыя сочиненія въ Ср. вѣкѣ писались на латинскомъ языкѣ; на немъ же поэты, принадлежавшіе къ духовному сословію, писали въ стихахъ легенды о святыхъ, разсказы изъ Священной исторіи и изъ исторіи древняго міра. Но эти произведенія не были доступны массѣ, а потому неудивительно, что среди народовъ Зап. Европы появляются поэтическія произведенія на національныхъ языкахъ.

Въ первый періодъ Ср. вѣковъ воображеніе питалось богатымъ содержаніемъ древне-германской или точнѣе сказать скандинавской народной поэзіи, которая въ каждой странѣ разрабатывалась согласно мѣстнымъ художественнымъ вкусамъ, средствамъ и преданіямъ. Правда, скандинавскія миѳическія и героическія пѣсни были записаны только въ XII в., но онѣ задолго до того передавались изъ устъ въ уста. Содержаніе ихъ составляли сказанія о богахъ, богиняхъ, герояхъ и героиняхъ (пѣсни Эдды) или разсказы о борьбѣ человѣка съ природой (Пѣснь о Беовульфѣ) и др.

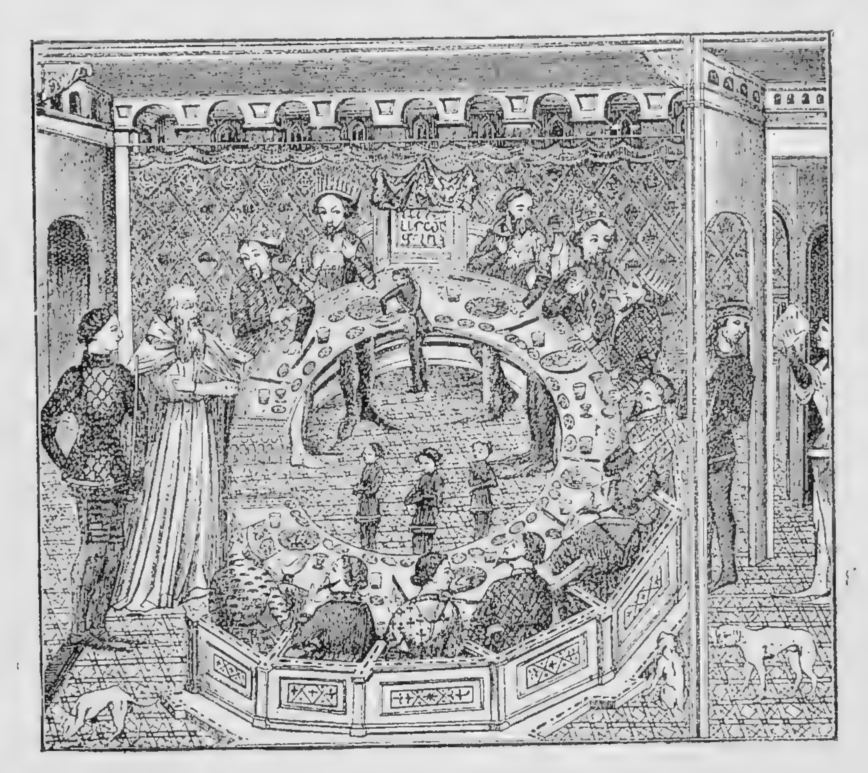

Жонглеръ XI вѣка.

Послѣ Карла В., когда въ Зап. Европѣ установился феодализмъ, поэзія получила феодальный характеръ. Появились пѣвцы, которые складывали пѣсни о подвигахъ рыцарей и, переѣзжая изъ замка въ замокъ, декламировали ихъ подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента. На сѣверѣ Франціи такіе пѣвцы получили названіе «труверовъ» и воспѣвали преимущественно подвиги Карла В. и его «паладиновъ». Любимымъ героемъ ихъ былъ Роландъ, которому посвящена особенно популярная въ Ср. вѣкѣ «Пѣснь о Роландѣ». Въ южной Франціи, вмѣсто героической поэзіи, развивается лирическая: т. н. «трубадуры» воспѣваютъ преимущественно даму и любовь къ дамѣ. (Полная противоположность аскетическому взгляду Ср. вѣковъ, по которому въ женщинѣ видѣли корень всякаго зла: трубадуръ Marìa видитъ въ женщинѣ «спасительницу» человѣческаго рода.)

Подъ вліяніемъ французской феодальной поэзіи сложилась нѣмецкая, процвѣтавшая въ XII и XIII вв., но заимствовавшая свое содержаніе изъ старыхъ, чисто народныхъ преданій. Самымъ значительнымъ произведеніемъ нѣмецкой народной поэзіи является «Пѣснь о Нибелунгахъ».

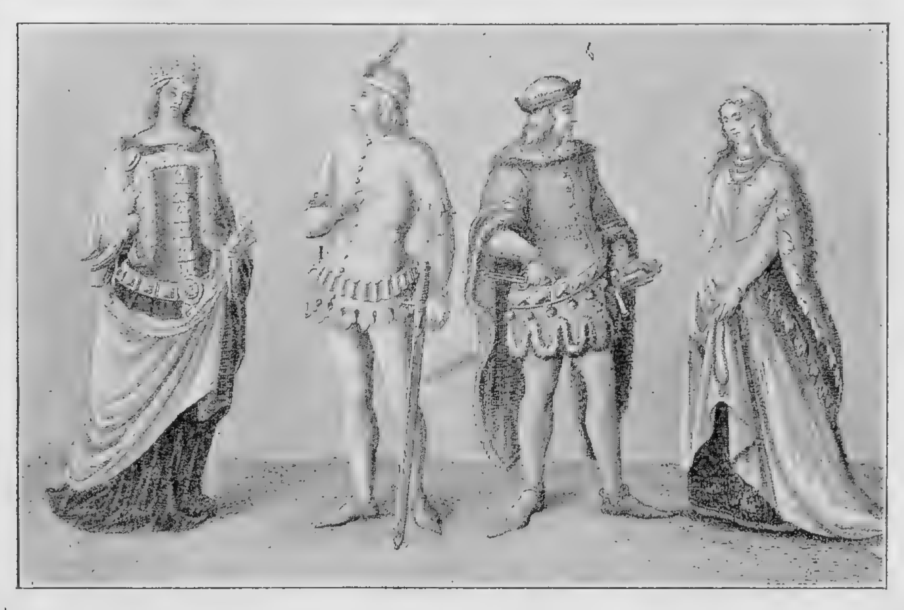
Въ болѣе позднія времена появилась рыцарская поэзія, гдѣ разсказывается о подвигахъ разныхъ рыцарей, а также рисуются рыцарскіе идеалы. У каждой народности былъ свой излюбленный кругъ сказаній: наиболѣе характерны поэмы о британскомъ королѣ Артурѣ и о рыцаряхъ, которыхъ онъ собиралъ вокругъ своего Круглаго стола. Съ преданіемъ о королѣ Артурѣ связано преданіе о св. Граалѣ. Грааль—чаша, въ которой Христосъ освятилъ вино на Тайной Вечери. Она при-

Рыцари Круглаго Стола. (Среднев. миніатюра.)

надлежала Іосифу Аримаѳейскому, сдѣлана же была изъ камня, выпавшаго изъ короны діавола во время низверженіе его съ неба. Во время распятія Христа въ эту же чашу была собрана кровь изъ ребра Спасителя. Переходя изъ рукъ въ руки, эта чаша сохранилась до Ср. вѣковъ. Такъ какъ св. Грааль былъ связанъ съ сказаніемъ о христіанскомъ искупленіи, то его представляли одареннымъ чудотворными силами; обладателя своего Грааль дѣлалъ счастливымъ, при взглядѣ на Грааль исцѣлялись больные, а тѣ, которые постоянно видѣли его,

не страдали, не болѣли. Конечно, такая святыня не могла остаться среди грѣшныхъ людей: ее охраняютъ ангелы въ небесномъ пространствѣ. Св. Грааль увидятъ на землѣ тогда только, когда отыщется человѣкъ, который былъ бы воплощеннымъ совершенствомъ; онъ долженъ быть одаренъ непоколебимой вѣрой въ Бога и полнѣйшей преданностью Ему. Рыцари Круглаго стола сдѣлались именно служителями св. Грааля. Къ этому же циклу относится сказаніе о Парцивалѣ, обработанное поэтически Вольфрамомъ фонъ-Эшенбахъ, современникомъ Фридриха II Гогенштауфена, а противоположность ему

Одежда знатныхъ лицъ XIV в.

составляетъ «Тристанъ и Изольда» Готфрида Страсбургскаго, гдѣ представленъ художественно-любовный взглядъ на человѣческія страсти: поэтъ возстаетъ противъ мечтательнаго стремленія къ небу, противъ аскетизма.

Кромѣ рыцарской, въ Зап. Европѣ существовала особая, т. н. буржуазная городская поэзія. Это была наиболѣе національная, наиболѣе живая отрасль литературы. Горожане сѣверно-французскихъ коммунъ «одновременно тонкіе и грубые, пошлые и остроумные» уже съ XII вѣка сочиняли т. н. «фабліо» (Fabellae ignobilium), въ которыхъ изображались похожденія и чувства людей всѣхъ слоевъ общества. Такъ какъ городская жизнь давала богатый матеріалъ для насмѣшекъ, то

эти «фабліо» являются по большей части юмористическими стихотворными разсказами; иногда они неприличны по содержанію, но зато полны естественности, увлеченія и правды. Странствующіе музыканты, извѣстные подъ именемъ «жонглеровъ» (joculatores) съ большой охотой исполняли эти «фабліо» на праздникахъ въ городахъ и замкахъ. Изъ представителей разныхъ сословій чаще всего и больше всего доставалось духовенству, а также бичевалось наружное благочестіе и притворное смиреніе и самоуничиженіе.

Изъ Франціи сатирическая литература перешла въ другія страны. Въ англійской литературѣ самымъ крупнымъ писателемъ этого направленія является Чосеръ (1328—1400), написавшій «Кентерберійскіе разсказы»; въ Италіи слѣдуетъ отмѣтить «Декамеронъ» Боккачіо. (1313—1375). Оба эти произведенія, представляющія собой сборники отдѣльныхъ разсказовъ, являются чрезвычайно яркой, хотя мѣстами и не всегда приличной, характеристикой общества, современнаго поэтамъ. Въ нѣмецкой литературѣ недостатки общества, главнымъ образомъ духовенства, рисуются въ поэмѣ «Рейнеке-Лисъ». Сатирическое направленіе поэмы видно, напр., въ именахъ римскихъ кардиналовъ, упоминаемыхъ въ поэмѣ: Криви правду, Хватай, Переверни-плащъ; всѣ дѣла находятся въ рукахъ судьи съ именемъ Ненасытная душа, и т. п.

Во французской литературѣ также есть романъ — «Романъ Розы», въ которомъ рисуется безнравственный образъ жизни священниковъ и монаховъ, «большихъ охотниковъ ловить въ мутной водѣ великія богатства», а также проводится весьма отрицательный взглядъ на женщинъ: много говорится о ихъ легкомысліи, объ отсутствіи прочности семейныхъ узъ и т. д.: «всякій, кому дорога собственная жизнь и спасеніе души, долженъ остерегаться женщинъ».

Данте, какъ завершитель средневѣковаго міросозерцанія. Совершенно особнякомъ стоитъ величайшій поэтъ Ср. вѣковъ Данте Аллигіери (1265—1321). Онъ былъ родомъ изъ Флоренціи и происходилъ изъ достаточной, хотя и не особенно богатой семьи. Нѣкоторое время онъ занималъ въ родномъ городѣ одну изъ высшихъ государственныхъ должностей и ему много разъ приходилось отправляться въ сосѣдніе города и государства въ качествѣ посла. Въ то время во многихъ городахъ Италіи происходила борьба между приверженцами имперіи и папами. Данте стоялъ заодно съ остатками гибелинской партіи, которая поддерживала сношенія съ императоромъ Германіи; но въ 1302 году ему пришлось, вмѣстѣ съ многими единомышленниками, уйти въ изгнаніе, и много лѣтъ Данте про-

велъ въ скитаніи. Неудивительно, что подъ вліяніемъ этихъ междоусобій, раздиравшихъ Италію, Данте является приверженцемъ монархической идеи, при чемъ мечтаетъ объ имперіи, общей для всѣхъ народовъ Европы, такъ какъ только такая монархія можетъ прекратить внутреннія распри. Онъ называетъ Италію «несчастной рабыней, домомъ скорби, безотрадной пустыней, кораблемъ безъ руля и кормчаго». (Въ этомъ же сочиненіи «О монархіи» онъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи папства къ имперіи.—См. главу: Литературная оппозиція папству въ XIV в.)—Но его мечтамъ не суждено было сбыться, и онъ умеръ вдали отъ родины, въ Равеннѣ, такъ и не получивъ возможности вернуться во Флоренцію.

Данте.

Данте написалъ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній, въ которыхъ онъ является лучшимъ представителемъ средневѣковаго взгляда на земную и загробную жизнь; но въ то же время онъ является человѣкомъ нѣсколько новаго направленія. У него уже довольно рельефно выступаетъ та черта характера, которую называютъ индивидуализмомъ, т.-е. сознаніе своей личности и забота о ней. Данте написалъ свою автобіографію, анализируетъ свою духовную жизнь и находитъ возможнымъ познакомить съ ней читателя. Для средневѣковаго человѣка, поглощеннаго цѣликомъ вопросами вѣры и церкви, это было невозможно, такъ какъ передъ указанными вопросами интересы частной жизни должны были исчезнуть совершенно. Данте писалъ свои сочиненія не на латинскомъ, а на итальянскомъ языкѣ; его считаютъ создателемъ итальянскаго литературнаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ творцомъ итальянской національности. Онъ является представителемъ новаго страстнаго интереса къ классическому міру. Мы видимъ у него иное отношеніе къ древнему міру, чѣмъ въ Ср. вѣка. Траянъ, напр., пользуется у Данте такими же благами, какъ и христіане, потому что Данте видитъ въ немъ одного изъ создателей Римской

имперіи, нужной для духовныхъ интересовъ, такъ что Данте забываетъ совершенно, что Траянъ—язычникъ.—У Данте мы безпрестанно встрѣчаемъ смѣшеніе языческихъ формъ съ христіанскими, что опять таки совершенно немыслимо съ средневѣковой точки зрѣнія.

Главное произведеніе Данте—«Божественная Комедія». (La divina Comedia.) Это—описаніе путешествія поэта по загробному міру. Поэма состоитъ изъ «Ада», «Чистилища» и «Рая». Сопровождаютъ поэта сначала поэтъ Вергилій, а потомъ Беатриче, которую онъ любилъ въ дѣтствѣ и въ молодости и памяти которой остался вѣренъ до смерти.

Описывая загробную жизнь такъ, какъ она представлялась средневѣковому человѣку, Данте высказываетъ свое мнѣніе о поступкахъ многихъ дѣятелей прошедшихъ лѣтъ,—какъ итальянскихъ, такъ и всеобщей исторіи; но все это—аллегоріи: въ нихъ заключаются постоянные намеки на событія и лица, современныя поэту. Кромѣ того, Данте сумѣлъ включить въ свое произведеніе весь кругъ идей, которыми жило современное ему общество, такъ что его поэму называютъ «поэтической энциклопедіей средневѣковаго міросозерцанія». При этомъ Данте стоитъ всецѣло еще на католической точкѣ зрѣнія и только выражаетъ сожалѣніе, что обѣ силы, призванныя руководить обществомъ—и императоръ и папа,—уклонились отъ своего прямого назначенія: императоры не думаютъ о прекращеніи раздоровъ, а папы стремятся только къ свѣтскому владычеству и богатству. Впрочемъ, въ то же самое время, устами св. ап. Петра, Данте осуждаетъ римскую Церковь за ся порядки и въ особенности обличаетъ самихъ папъ. И это обстоятельство имѣло громадное историческое значеніе, такъ какъ Данте былъ свѣтскій человѣкъ, выражавшій притомъ свои мысли на языкѣ, всѣмъ понятномъ. Такое произведеніе, какъ «Божественная Комедія», неминуемо должно было возвысить сознаніе средневѣковаго человѣка и въ то же время вызывало много вопросовъ, которые толкали человѣка на новый уже путь. «Поэма Данте,—по выраженію изслѣдователя,—является завершеніемъ Ср. вѣковъ. Послѣ него Ср. вѣка близятся къ смерти, а взамѣнъ ихъ развивается новая жизнь, которая ищетъ идеаловъ въ будущемъ и постепенно отрѣшается отъ прошедшаго».

Средневѣковое искусство.

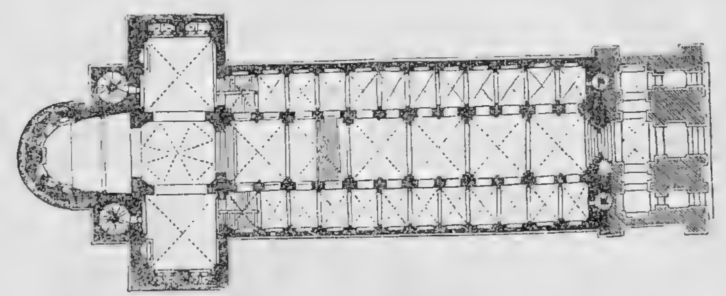
Вся исторія V—XV вѣковъ связана съ двумя явленіями—феодализмомъ и католицизмомъ. Феодальная раздробленность, дѣлавшая жизнь общества необезпеченной и заставлявшая

Шпейерскій соборъ.

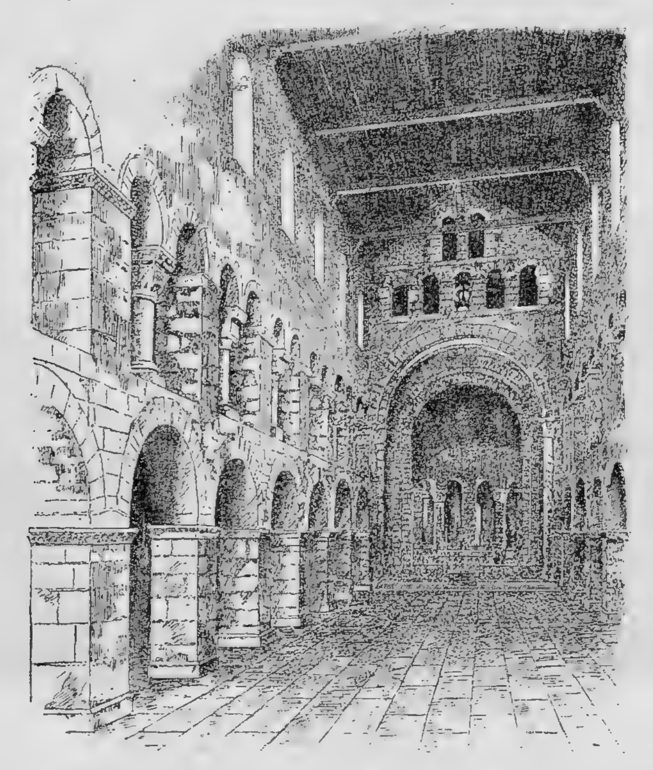
каждаго отдѣльнаго человѣка помышлять о личной защитѣ, способствовала тому, что появились рыцарскіе замки, при постройкѣ которыхъ больше думали о безопасности, чѣмъ о какихъ-либо удобствахъ для его обитателей. Равнымъ образомъ

преобладаніе духовенства и стремленіе всего общества къ «небу» нашли себѣ выраженіе въ постройкѣ христіанскихъ храмовъ.

Планъ собора въ Шпейерѣ.

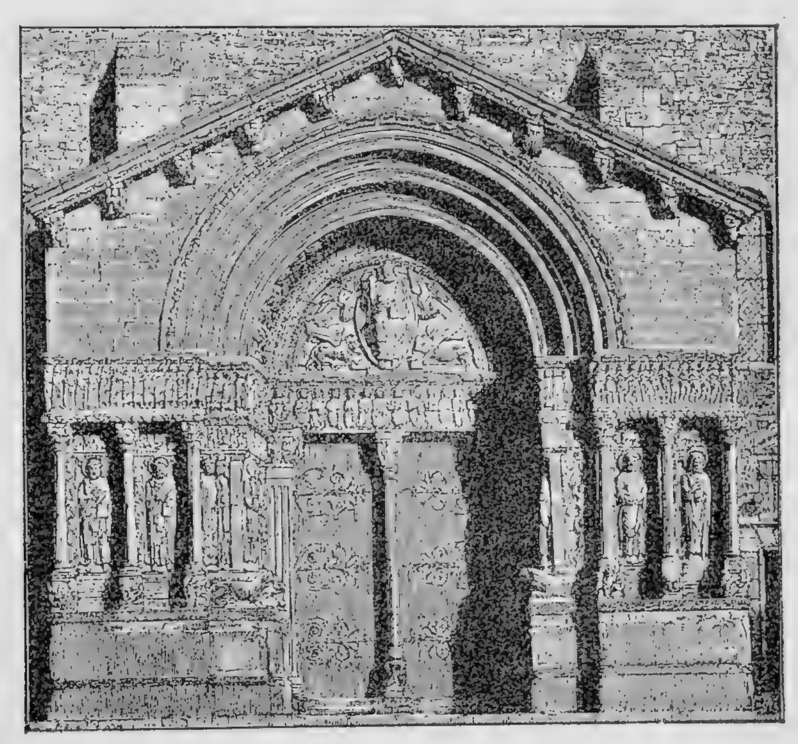
Романскій стиль. X и XI вѣка, отмѣченные безпрерывными войнами, были въ то же время эпохой, когда «у склон-

Внутренній видъ романскаго храма.

наго къ насиліямъ общества просыпалась вдругъ совѣсть, страхъ передъ судомъ Божіимъ вызывалъ сознаніе собствен-

наго безсилія и исканіе высшей помощи». Въ это время искусство церковнаго строительства было почти всецѣло въ рукахъ духовенства и монаховъ. Міряне также принимали участіе въ постройкѣ храмовъ, но только какъ низшая рабочая сила или въ качествѣ жертвователей на храмъ. Созданные недостаточно развитыми художниками грубаго времени эти храмы были крѣпки, массивны, какъ зданія «опаснаго» времени и эпохи насилія; въ то же время «они величественны и спокойны, какъ отра-

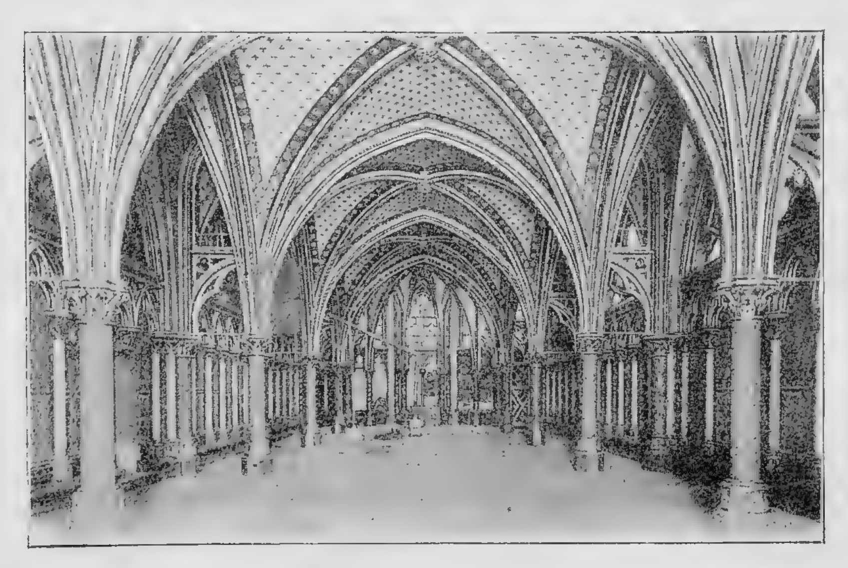

Порталъ романскаго храма.

женіе спокойнаго величія Церкви». Для своихъ храмовъ художники X и XI вв. воспользовались римскими формами храмовъ, почему новый стиль и получилъ названіе романскаго.

За основаніе храма была взята христіанская базилика (первыхъ временъ христіанства) съ нѣкоторыми измѣненіями: продолговатая четырехугольная зала базилики получаетъ форму продолговатаго (латинскаго) креста путемъ пересѣченія продольнаго корабля поперечнымъ и удлиненія восточной части, къ которой придѣланъ полукруглый выступъ-абсида. Полъ въ этомъ выступѣ сильно поднятъ, такъ какъ это отдѣленіе храма пред-

назначено для алтаря. Въ нѣкоторыхъ храмахъ подъ этимъ возвышеніемъ находилась крипта, гдѣ были похоронены строители храма—епископы, аббаты, князья. Весь храмъ нѣ-

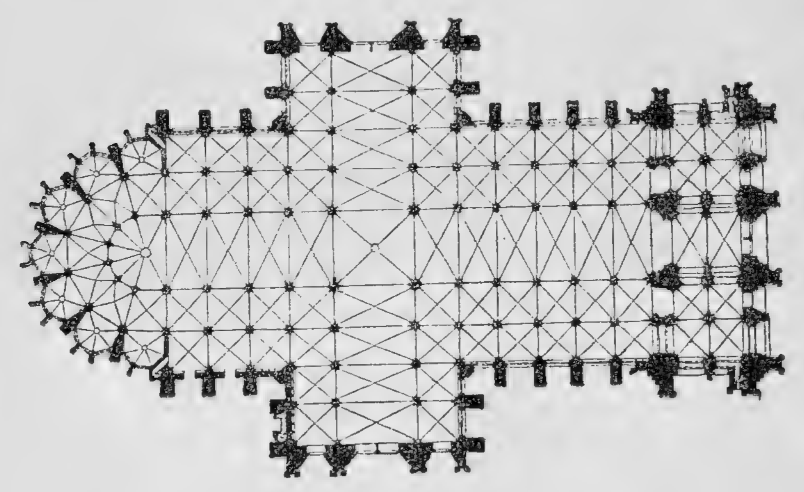
Saint-Chapelle въ Парижѣ. Крипта.

сколькими рядами колоннъ былъ раздѣленъ на 3 или 5 отдѣленій, кораблей, изъ которыхъ средній, болѣе широкій, значительно возвышался надъ боковыми. Колонны были массивны, толсты, на прочныхъ основаніяхъ. Онѣ были необходимы, чтобы поддержать при помощи круглыхъ арокъ массивныя продольныя стѣны главнаго корабля, отдѣляющія его отъ боковыхъ кораблей. Какъ главный, такъ и боковые корабли имѣли или плоскій деревянный потолокъ, или каменный сводъ—полукруглый или крестовый, а тамъ, гдѣ продольный корабль пересѣкался поперечнымъ, высился какъ бы объединяя весь храмъ, массивный (круглый или многогранный) куполъ, какъ бы отражая господствующее и давящее единство Церкви. Стѣны романскихъ храмовъ были толсты, свѣта въ окна, число которыхъ было весьма незначительно, проникало въ храмы мало и въ нихъ царствовалъ полумракъ. Снаружи соборы украшались простымъ карнизомъ изъ полукруглыхъ аркадъ, и все богатство скульптурныхъ украшеній сосредоточивалось на переднемъ фасадѣ зданія съ полукруглой аркой на невысокихъ столбахъ или колоннахъ широкаго портала. Надъ нимъ круглое окно и самъ порталъ весь украшенъ орнаментомъ изъ листьевъ, фигурами людей, животныхъ, чудовищъ. Такими же

скульптурными изображеніями украшены были алтарь, каѳедра и верхушки (капители) колоннъ внутри соборовъ. Изрѣдка на стѣнахъ романскихъ храмовъ можно встрѣтить мозаику.

Указать точно мѣсто романскаго стиля нельзя, равно какъ нельзя указать области, гдѣ бы онъ развивался постоянно и самостоятельно. Онъ появляется почти одновременно повсюду въ Европѣ, но быстрѣе всего достигаетъ законченности и могущественнаго величія въ Германіи, въ соборахъ Шпейерскомъ, Майнцскомъ и Вормсскомъ; напротивъ, ближе къ античнымъ памятникамъ стоятъ соборы южно-французскіе—въ Арлѣ, Пуатье и Клермонтѣ. Но несмотря на все разнообразіе мѣстныхъ особенностей, всѣ романскіе храмы отмѣчены одной общей печатью: впечатлѣніе величія и мощности, прочности и тяжести, грубоватости и силы, которое навѣваютъ они почти всѣ; это впечатлѣніе есть отраженіе въ искусствѣ романской эпохи величія и силы церкви въ X—XII вѣкахъ.

Готическій стиль. Въ XIII и XIV вв. дѣло строительства церковнаго уходитъ изъ рукъ духовенства къ міpянамъ. Религіозное чувство, пробудившееся въ Зап. Европѣ съ такой силой въ эпоху крестовыхъ походовъ, по прекращеніи ихъ выразилось въ сооруженіи соборовъ. И въ религіозномъ рвеніи, въ созданіи соборовъ принимаютъ участіе уже всѣ жители извѣстнаго города, всѣ вмѣняютъ себѣ въ благочестивый подвигъ

Планъ Кельнскаго собора.

своими руками переносить для сооруженія собора кирпичи, камни и другіе строительные матеріалы. Городскія общины, освободившіяся отъ феодаловъ—свѣтскихъ и духовныхъ—даютъ

средства для сооруженія грандіозныхъ построекъ. Среди самихъ мірянъ появляются умѣлые каменщики и архитекторы, которые, согласно духу времени, объединяются въ отдѣльныя корпораціи—цехи.

Благодаря цеховому устройству, преемственно передавались тайны и правила церковнаго строительства; цѣлыя артели работниковъ спеціализировались на каменныхъ работахъ, и, благодаря трудамъ этихъ «вольныхъ каменщиковъ», на Западѣ Европы возникли соборы, которые и внутреннимъ и

Миланскій соборъ.

наружнымъ видомъ отличаются отъ романскихъ храмовъ. Этотъ новый стиль, впервые зародившійся въ сѣверо-восточной Франціи въ XII вѣкѣ въ ту пору, когда города стали получать отъ королей грамоты на самоуправленіе, названъ былъ итальянцами, которымъ онъ не понравился, готическимъ, т.-е. варварскимъ и это названіе (не совсѣмъ вѣрное) осталось за нимъ навсегда.

Времена стали безопаснѣе. Не нужны сдѣлались крѣпкія стѣны—и зданія стали не такъ массивны; вмѣсто небольшихъ

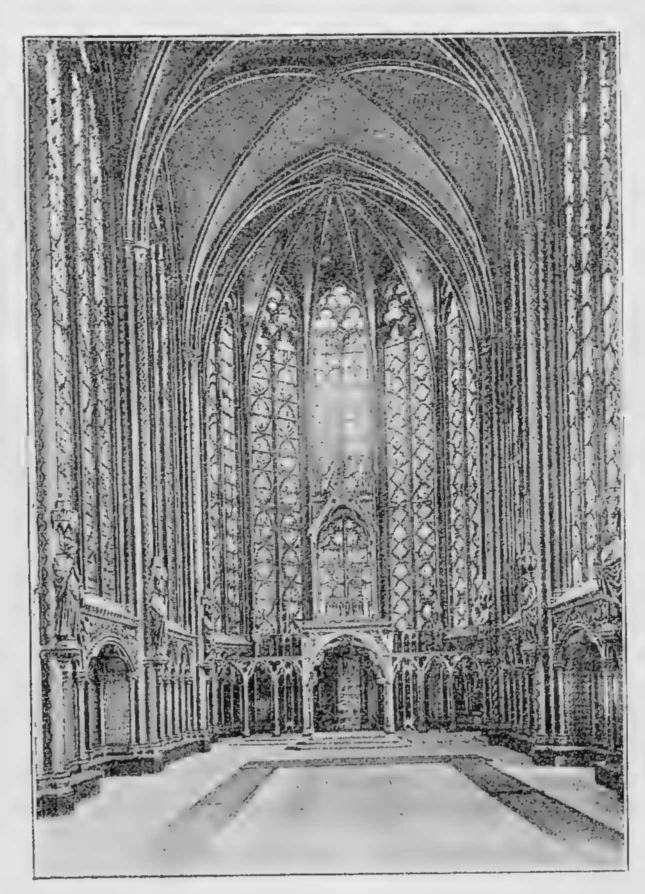
отверстій въ стѣнахъ начали прорѣзать огромныя окна, что возможно было еще и потому, что архитекторы были уже гораздо опытнѣе романскихъ. Основой храма служилъ, какъ и прежде, продолговатый крестъ, образованный пересѣченіемъ двухъ наиболѣе высокихъ кораблей. Оба конца поперечнаго корабля заканчивались отдѣльными порталами. Восточный конецъ корабля попрежнему занятъ алтаремъ. Но алтарь теперь не такъ уже сильно возвышается надъ остальнымъ

Внутренній видъ готическаго собора.

пространствомъ храма, но зато алтарный выступъ сдѣлался теперь свѣтлѣе и просторнѣе. Къ боковымъ кораблямъ примыкаютъ съ боковъ десятки еще болѣе низкихъ, чѣмъ они, часовенъ, и всѣ эти корабли и часовни отдѣлены другъ отъ друга длинными рядами колоннъ. Каждая колонна представляетъ группу тонкихъ, выходящихъ изъ одного общаго основанія полуколонокъ, столпившихся вокругъ главной центральной колонны. Это полуколонки сначала поддерживаютъ поддужины стрѣльчатыхъ арокъ (которыя замѣняли романскія круглыя

арки), а затѣмъ идутъ дальше кверху. Тамъ надъ капителью колонны онѣ соединяются съ другими, еще болѣе тонкими, и всѣ вмѣстѣ тянутся вверхъ, разбѣгаясь, словно вѣтви деревьевъ, по своду храма, навстрѣчу такимъ же полуколонкамъ сосѣднихъ колоннъ, и, соединившись съ ними, создаютъ паутину стрѣльчатыхъ арокъ, образующихъ стрѣльчатый же сводъ.

Saint-Chapelle. Окна.

Окна также тянутся кверху, будучи раздѣлены тонкими колонками на нѣсколько узкихъ полосъ, а въ самомъ верху окна эти колонки связаны въ острыя арки и весь верхъ окна заполненъ сложнымъ, высѣченнымъ изъ камня тонкимъ узоромъ, состоящимъ изъ стеблей, листьевъ или цвѣтовъ. Большихъ стеколъ приготовлять не умѣли; поэтому въ окна вставляли маленькія цвѣтныя стекла, подобранныя по тому или

другому рисунку, и, благодаря сочетанію цвѣтовъ, въ храмѣ не было ярко освѣщенныхъ мѣстъ, но зато не было и мрачныхъ пространствъ, какъ въ романскихъ храмахъ: повсюду мягкій полусвѣтъ, замѣнившій прежній полумракъ.

То же «стремленіе вверхъ» замѣтно и на наружныхъ частяхъ соборовъ. Всѣ подпорные столбы, устроенные для большей крѣпости стѣнъ, болѣе тонкихъ, чѣмъ въ романскихъ соборахъ, всѣ остроугольные фронтоны надъ окнами и дверями, остроконечныя крутыя крыши главныхъ частей храма—все тянется кверху. И надъ всѣмъ соборомъ подымается круто, суживаясь по мѣрѣ поднятія, вся сквозная, 8-угольная пирамида, острый конецъ которой уходитъ далеко въ глубь небесъ. Въ этихъ башняхъ необычайной высоты и красоты рѣшительнѣе всего выразилось стремленіе къ небу; башни доказывали, что главной цѣлью для воздвигавшей соборъ городской общины была слава Божія, а не какая-нибудь житейская потребность. Порталъ храма представлялъ собою величественную картину, въ которой чуть ли не главное мѣсто занимало круглое окно надъ дверью, превратившееся въ «розетку», иногда въ нѣсколько аршинъ въ поперечникѣ; рама этого окна была чудомъ искусства рѣзной деревянной, металлической или каменной работы.

Внутреннее убранство готическихъ соборовъ также отражаетъ на себѣ то отреченіе отъ міра и стремленіе къ небу, какъ и вся постройка. Средневѣковое міросозерцаніе отрицало свѣтскую эстетику и устанавливало собственный идеалъ красоты, созданный на основаніи его аскетическаго ученія. Это больше всего замѣтно на отношеніи духовныхъ круговъ къ изображенію человѣческаго тѣла, что, какъ извѣстно, весьма высоко цѣнилось въ древнемъ мірѣ. У Бернарда Клервальскаго наоборотъ читаемъ: «Когда человѣкъ находитъ удовольствіе въ красотѣ тѣла, то сердце его удаляется отъ любви къ Создателю. Чѣмъ больше мы услаждаемся внѣшними формами тѣла, тѣмъ больше удаляемся отъ сверхчувственной любви». У другихъ средневѣковыхъ писателей находимъ выраженіе тѣхъ же чувствъ. Въ уставахъ монастырей мы находимъ параграфы, запрещающіе «забавныя картины и изображенія въ церквахъ и монастырскихъ домахъ, на окнахъ, столахъ, камняхъ или другихъ мѣстахъ». (Уст. Картезіанск. мон.). Премонстантскій уставъ запрещалъ выставленіе такихъ изображеній, которыя имѣли свѣтское содержаніе; постановленіемъ ордена цистерціанцевъ опредѣлено было не допускать никакихъ изображеній, скульптурныхъ или живописныхъ, кромѣ образа Христа. Притомъ самое изображеніе Спасителя также измѣнило свой характеръ.

Въ древнехристіанскомъ искусствѣ Спаситель изображался въ юношескомъ образѣ, въ образѣ учителя, добраго пастыря и т. п.; часто изображали Его возсѣдающимъ на тронѣ среди ангеловъ, апостоловъ и ветхозавѣтныхъ святыхъ, съ аттрибутами верховной власти въ рукахъ. Въ началѣ Ср. вѣковъ замѣчается стремленіе изображать чаще всего страданія Спасителя. Но первоначально въ этихъ изображеніяхъ на первый планъ выступало не страданіе, а добровольная жертва І. Христа: Спаситель изображался съ горизонтально протянутыми руками и открытыми глазами, безъ всякаго признака страданія. Рана на боку изображалась рѣдко; ноги помѣщались на выдающуюся подставку, отчего тѣло имѣло видъ скорѣе стоящаго, чѣмъ висящаго на крестѣ; терновый вѣнецъ почти всегда отсутствовалъ, а иногда замѣнялся зубчатой королевской короной; руки и ноги не были прободены гвоздями. Таковы изображенія въ романскихъ соборахъ.

Скульптура на порталѣ собора въ Отенѣ (часть изображенія Страшнаго суда).

Начиная съ XIII в., съ развитіемъ готическаго искусства, предметомъ изображенія становится Спаситель, распятый мучительно за міръ. Мѣсто королевской короны занимаетъ терновый вѣнецъ. Голова страдальчески склоняется на сторону, руки и ноги пронзены гвоздями. Все тѣло, начиная съ лица, покрыто струями крови. Оно уже не покоится на подножкѣ, но виситъ на пробитыхъ сквозь руки и ноги гвоздяхъ. Впечатлѣніе страданія усиливается еще тѣмъ, что тѣло изображено склоненнымъ и низко свиснувшимъ на рукахъ.

Въ обратномъ направленіи съ изображеніемъ І. Христа развивалось изображеніе типа Пр. Дѣвы Маріи. Древнехристіанское искусство изображало Пр. Дѣву приблизительно въ возрастѣ 30—40 лѣтъ. Искусство романскаго періода до нѣкоторой степени различало отдѣльные Ея возрасты, насколько ему позволяла его техника. Болѣе развитое технически искусство

XIV и XV столѣтій изображаетъ Пр. Дѣву въ образахъ самой нѣжной прелести. Готическое искусство изъяло Ее изъ естественныхъ законовъ возраста и представляло на всѣхъ ступеняхъ жизни въ образѣ цвѣтущей юности; въ моментъ Успенія Она оставалась тою же, что и во время Благовѣщенія. Такимъ образомъ, то же искусство, которое особенно рѣзко подчеркнуло аскетическій характеръ страдальческаго образа І. Христа, возвело Дѣву Марію на степень идеальнѣйшаго типа дѣвственной красоты. Въ этомъ развитіи образовъ Христа и Пр. Дѣвы заключается общій ходъ развитія христіанскаго искусства (до готическаго періода включительно), поскольку это искусство ставило себѣ цѣлью проведеніе извѣстной идеи. Отреченіе отъ міра было закономъ для изобразительнаго искусства. Эстетическій идеалъ Ср. вѣковъ состоялъ поэтому исключительно во внутреннихъ качествахъ: «Христосъ, невидимый женихъ,—говорилъ Бернардъ Клервальскій своимъ сестрамъ монахинямъ,—требуетъ не внѣшней, но внутренней красоты; поэтому старайся понравиться Христу красотой не плоти, а сердца». — Исходя изъ этого принципа, изобразительное искусство не стремилось къ вѣрности природѣ, такъ какъ закономъ его, по выраженію изслѣдователя, была, «не чувственная гармонія тѣлесныхъ формъ, а божественная гармонія души». Изученіе человѣческаго тѣла считалось грѣховнымъ равно какъ и изображеніе его. Въ готическомъ искусствѣ поэтому фигуры изображены неестественно худыми и тонкими; тѣло покрыто сплошь одеждою, падающей свободными складками, изъ которыхъ выглядываютъ только кончики рукъ и ногъ. Пропорціональность между отдѣльными частями человѣческаго тѣла не соблюдалась, какъ можно замѣтить особенно въ печатяхъ XIII и XIV вв. И такое невѣрное изображеніе тѣлесныхъ формъ происходило

Богоматерь. (Скульптура Амьенскаго собора.)

главнымъ образомъ отъ господства того аскетическаго взгляда, который отрицалъ все земное и стремился лишь къ духовному. И необходимо добавить, что несмотря на неправильность изо-

Ратуша въ Брюсселѣ.

браженій съ художественной точки зрѣнія, въ средневѣковыхъ человѣческихъ фигурахъ замѣчается какое-то особое нѣжное духовное выраженіе, которое собственно и составляло задачу художника. Глубина душевнаго выраженія была весьма свой-

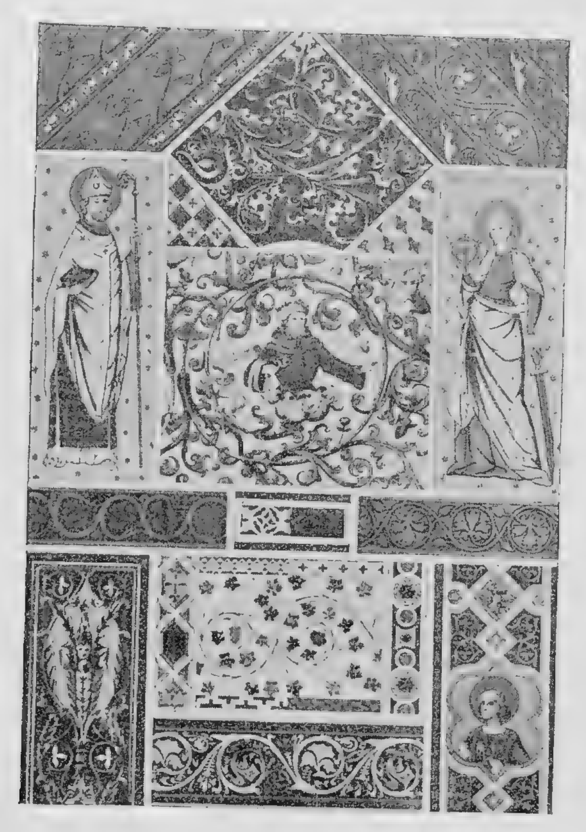

Живопись въ романскомъ храмѣ.

ственна готическому искусству. Личный характеръ отдѣльныхъ человѣческихъ фигуръ исчезаетъ, подчиняясь извѣстной религіозной идеѣ.

Готическій стиль въ XIII в. получилъ полное развитіе во Франціи (соборы въ Амьенѣ и Реймсѣ), а оттуда распространился по всей Зап. Европѣ. Въ XIV и XV вв. онъ достигъ величественнаго расцвѣта въ Германіи, въ соборахъ Страсбургскомъ, Фрейбургскомъ и Кельнскомъ, и до половины XVI в. господствовалъ въ Англіи.

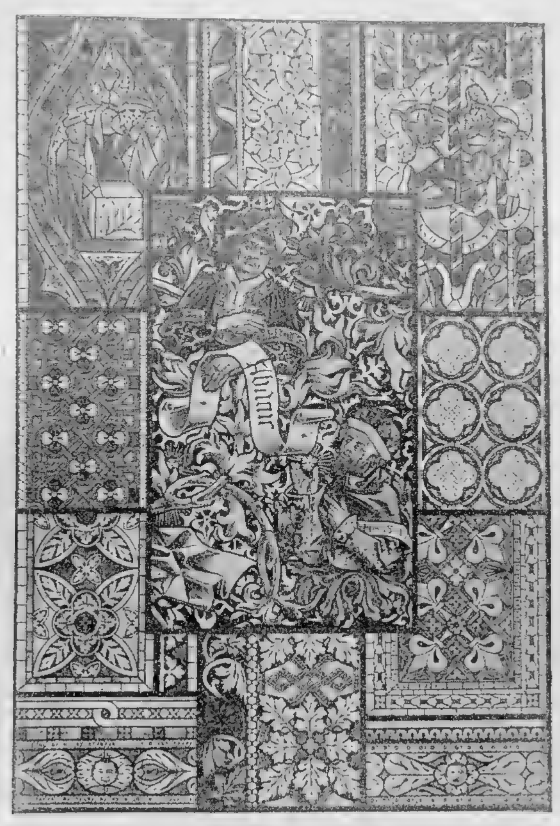
Военная и гражданская архитектура. Кромѣ соборовъ,

Стѣнная живопись готическихъ соборовъ.

люди XII и XIII вв. выстроили множество зданій для иного назначенія, хотя большинство изъ нихъ въ цѣлости до нашего времени не сохранились. Въ срединѣ XII в. Франція была усѣяна неуклюжими четырехугольными замками, развалины которыхъ сохранились въ Лошѣ, Фалезѣ, Божанси. Съ Филиппа-Августа начинаются постройки болѣе изящной формы, съ башнями въ видѣ цилиндровъ (Лувръ, Бургъ, Куси). Изъ гражданскихъ сооруженій этой отдаленной эпохи сохрани-

лось въ первоначальномъ видѣ также очень мало построекъ: ратуша въ С. Антонинѣ, домъ музыкантовъ въ Реймсѣ и др. Въ эпоху готическаго стиля, рядомъ съ соборами, горожане, сознавшіе свою силу и значеніе, сооружали ратушу и башни ея соперничали съ башней собора, свидѣтельствуя, по словамъ историка, о выросшемъ у горожанъ чувствѣ собственнаго достоинства, благосостоянія и силѣ. Такія ратуши сохранились

Живопись по стеклу въ готическихъ соборахъ.

до сихъ поръ въ Брюгге, Брюсселѣ и другихъ городахъ нынѣшней сѣв. Франціи и Бельгіи.

Живопись, какъ и скульптура, сначала копировала античные образцы, а съ XI в. явился орнаментъ, взятый изъ природы,—художники копируютъ водяныя растенія, листья, вѣтви и т. п. Въ романскихъ соборахъ на большихъ простѣнкахъ между окнами и на глухихъ стѣнахъ изображались цѣлыя сцены изъ Библейской исторіи. Но когда простѣнки уступили

мѣсто окнамъ (въ готическихъ соборахъ), живопись отступила на второй планъ передъ цвѣтными стеклами или живописью по стеклу, которая въ Ср. вѣка достигла совершенства. Самые замѣчательные образцы живописи по стеклу въ видѣ фигуръ и медальоновъ находятся въ Шартрскомъ соборѣ и въ Saint-Chapelle въ Парижѣ.

Низшія искусства. Изъ промышленныхъ отраслей искусства въ Ср. вѣка однимъ изъ цвѣтущихъ была эмалировка, которую начали примѣнять въ Лиможѣ и въ долинахъ Рейна и Мааса очень рано. Лиможскія эмали пользовались европейской извѣстностью уже съ XII в.

Производство ковровыхъ обоевъ было извѣстно задолго до XII в., а въ XIII в. въ Парижѣ и Аррасѣ были уже цѣлыя фабрики обоевъ.—Производство изъ дерева—рѣзное, столярное и плотничное—достигло въ Ср. вѣка рѣдкаго совершенства. Въ XII и XIII вѣкахъ мебель дѣлалась гладкая и украшалась накладками изъ кожи или мелкими желѣзными украшеніями. Наибольшаго совершенства достигло рѣзное искусство, какъ видно по деревянной рѣзьбѣ въ готическихъ соборахъ—Парижской Богоматери и др. Равнымъ образомъ по окнамъ и дверямъ готическихъ же соборовъ можно видѣть, какой высокой степени совершенства достигало кузнечное и чеканно-гравировальное дѣло. Украшеніями на створчатыхъ дверяхъ собора Парижской Богоматери въ видѣ листьевъ или симметричныхъ вѣтвей восхищаются до настоящаго времени самые искусные мастера.—Высоко также стояло дѣло отливки изъ бронзы статуй и полувыпуклыхъ барельефовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Къ главѣ «Церковная поэзія», стр. 21.)

Кондакъ на Рождество Христово.

Твореніе св. Романа Сладкопѣвца. Пер. съ греческаго П. Мироносицкаго.

I.

Того, Кто выше бытія,
рождаетъ нынѣ Дѣва,
и Неприступному земля
вертепъ, какъ даръ, приноситъ;
хоръ ангеловъ, хоръ пастуховъ
поетъ и славословитъ,
и мудрецы-волхвы идутъ,
водимые звѣздой.
Родился, ради насъ родился
Младенецъ малый,
Предвѣчный Богъ.

2.

Эдемомъ нынѣ Виѳлеемъ
содѣлался: пойдемъ—и узримъ.
Войдемъ въ вертепъ, и въ тайнѣ тамъ
мы сладость райскую обрящемъ.
Ненапоенный Корень тамъ:
на немъ растетъ для насъ прощенье...
Тамъ—неископанный Родникъ,
откуда пить Давидъ преджаждалъ...
Тамъ Дѣва, рождшая Дитя,
Адама жажду утоляетъ...
О, поспѣшимъ же мы туда.
Пойдемъ на мѣсто, гдѣ родился
Младенецъ малый,
Предвѣчный Богъ.

3.

Кто былъ для Матери Отцемъ,
Ея сталъ Сыномъ добровольно;
Спаситель всѣхъ дѣтей земныхъ
Младенцемъ почиваетъ въ ясляхъ...
И въ размышленіи о Немъ
родившая въ себѣ глаголетъ:
о, что сіе, Младенецъ мой.
Какъ въ нѣдра Ты мои вселился.
И какъ Ты естество мое
пріялъ изъ дѣвственнаго лона.
Тебя я вижу, въ пеленахъ
повитаго, и изумляюсь;
свое млеко Тебѣ даю,
но Дѣва—Я и есмь безбрачна:
Ты дѣвства цвѣтъ запечатлѣлъ,
рожденный Дѣвою нетлѣнно
Младенецъ малый,
Предвѣчный Богъ.

4.

Всевышній Царь! Зачѣмъ сюда,
зачѣмъ сошелъ въ обитель нищихъ?
Создатель неба! Для чего
съ небесъ на землю снизошелъ Ты?
Ужели милъ Тебѣ вертепъ,
ужель пріятны эти ясли?
О, посмотри, Твоей рабѣ
здѣсь нѣтъ ни мѣста, ни пріюта.
Пріютъ убогій Ей дала
пещера, но и та—чужая.
Родился Саррѣ сынъ: за то
ей данъ удѣлъ земли великой...
А Мнѣ съ Тобою на землѣ
и малаго угла не стало.
Одинъ удѣлъ Мнѣ—сей вертепъ,
въ которомъ Ты, родясь, вселился,
Младенецъ малый,
Предвѣчный Богъ.

. . . .

5.

Для міра нынѣ Ты пришелъ;
спаси же міръ весь, о Спаситель!
Твоимъ да будетъ все, что есть,
все, для чего Ты возсіялъ намъ—
волхвамъ и Мнѣ,—всему творенью.
Ты свѣтъ лица волхвамъ явилъ,
и вотъ къ Тебѣ они припали
и принесли свои дары—
дары цѣны необычайной
и небывалой красоты.
Они въ пути намъ будутъ въ помощь:
въ Египетъ нынѣ надлежитъ
бѣжать съ Тобой и для Тебя,
мой Вождь, мой Сынъ, мой Избавитель,
чудесный мой Обогатитель,
Младенецъ малый
Предвѣчный Богъ.

Кондакъ на Святую Пасху.

Твореніе св. Романа Сладкопѣвца. Переводъ съ греческаго П. Мироносицкаго.

1.

Хотя, Безсмертный, Ты во гробъ
сошелъ, но адову державу
Ты воскресилъ и Самъ воскресъ,
какъ побѣдитель, Христе Боже.
Ты мироносицамъ женамъ
глаголалъ: «радуйтесь»—и миръ
Своимъ апостоламъ Ты далъ,
даруя падшимъ воскресенье.

2.

Къ Тебѣ, о Солнце, прежде солнца,
въ день-онъ зашедшее во гробъ,
спѣшили дѣвы предъ зарею,
Тебя ища, какъ утро дня.
И другъ ко другу говорили:
„Пойдемъ, подруги, благовоньемъ
помажемъ Тѣло Живоносца...

Онъ погребенъ, но Плоть Его,
теперь лежащая во гробѣ,
возставитъ падшаго Адама...
О, поспѣшимъ же, какъ волхвы,
Ему поклонимся, и миро
Ему, какъ даръ, мы принесемъ,
повитому не пеленами,
но плащаницею. И плача,
возопіемъ: «Возстань, Владыка,
и падшимъ даруй воскресенье».

3.

Такъ рано утромъ предрѣшили
святыя дѣвы... Но инымъ,
рѣшеніемъ мудрымъ вдругъ объяты,
Онѣ другъ другу говорятъ:
«Что обольщаемся, подруги.
Ужъ Господа во гробѣ нѣтъ.
Ужель Онъ въ мертвецахъ доселѣ?
Ужель удержитъ гробъ Того,
Кто бурь дыханье укрощаетъ?
О, рѣчь сомнѣнья и невѣрья!
Не лучше ль поступить намъ такъ:
за гробъ пойдетъ одна Марія—
ея послѣдуемъ мы слову...
Воскресъ Безсмертный, какъ сказалъ,
даруя падшимъ воскресенье».

4.

Итакъ, подъ кровомъ ночи той,
по слову мудрыхъ мироносицъ,
на гробъ пошла (такъ мнится мнѣ)
одна Марія Магдалина.
Вокругъ царила тьма, но сіи
любовь дорогу освѣщала...
И видитъ: камень тотъ великій
отъ двери гроба отваленъ...
Тотчасъ она бѣжитъ обратно,
къ апостоламъ, и говоритъ:
«Вы знаете ль, что я видала?
Пойдите, убѣдитесь сами
и, что увидите, не скройте:

у двери гроба камня нѣтъ.
И стража скрылась, убѣжала...
Ужели взятъ Господь изъ гроба?
Иль—Онъ воскресъ, какъ предсказалъ,
даруя падшимъ воскресенье?

. . . .

5.

Спаситель, воскреси съ Собою
Ты душу мертвую мою.
Да не смутитъ ее печаль,
да не придетъ она въ забвенье
о пѣснопѣніяхъ святыхъ,
которыми она святится.
О, Милосердный, я молюсь—
не попусти въ грѣхахъ погрязнуть.
Я въ беззаконіи зачатъ,
въ грѣхахъ меня родила матерь.
Святый, святый и многощедрый,
о, да святится Твое имя
въ моихъ устахъ, въ моихъ рѣчахъ,
и въ воспѣваньи, и въ возваньи.
И благодать пошли мнѣ свыше
въ священныхъ гимнахъ пѣть Тебя,
Дающій падшимъ воскресенье.

Канонъ на Рождество Христово.

Твореніе св. Косьмы Іерусалимскаго. Переводъ Н. Нахимова.

Пѣснь 1. Ирмосъ. Христосъ рождается—славьте, Христосъ съ небесъ—встрѣчайте. Христосъ на землѣ—воспряньте. Пой Господу вся земля, и въ радости воспойте люди: ибо Онъ прославился. (Слова Св. Григорія Богослова.)

Тропари: Премудрый Создатель вновь создаетъ сотвореннаго по образу Божію и павшаго вслѣдствіе грѣха, положившаго начало общей смерти и отвергшагося отъ высшей божественной жизни: ибо Онъ прославился.

Творецъ, увидя, что человѣкъ, котораго Онъ создалъ Своими руками, погибаетъ,—приклонивъ небеса, сходитъ на землю и воплотившись отъ святой, непорочной Дѣвы, принимаетъ все его естество: ибо Онъ прославился.

Премудрость, Слово и Сила, Сынъ и Сіяніе Отчее, Христосъ Богъ сокровенно ото всѣхъ силъ, надмірныхъ и земныхъ, вочеловѣчился и возстановилъ насъ: ибо Онъ прославился.

Пѣснь 3. Ирмосъ. Прежде вѣковъ отъ Отца духовно родившемуся Сыну въ послѣднія времена безсѣменно воплотившемуся отъ Дѣвы, Христу Богу воскликнемъ: святъ ты, Господи, возвысившій достоинство наше.

Тропари: Причастный высшаго Дыханія, сотворенный изъ праха земнаго и вслѣдствіе женинаго обольщенія смертельно павшій Адамъ, увидѣвъ Христа, родившагося отъ Жены, восклицаетъ: Святъ Ты, Господи, родившійся ради меня и мнѣ подобныхъ.

Святъ Ты, Христе Господи, сдѣлавшійся сообразнымъ бренному низкому составу и сообщившій воспринятой уничтоженной плоти божественное естество, ставшій по природѣ человѣкомъ, въ то же время пребывшій Богомъ и возвысившій достоинство наше.

Веселись, Виѳлеемъ, царственный градъ владыкъ Іудовыхъ, ибо Пастырь Израиля, возсѣдающій на раменахъ херувимскихъ—Христосъ—открыто вышедши изъ тебя и, возвысивъ достоинство наше, воцарился надъ всѣми.

. . . .

Пѣснь 5. Ирмосъ. Будучи Богомъ мира и Отцомъ состраданія, Ты послалъ намъ Вѣстника великой Твоей воли, дающаго намъ миръ. Поэтому, будучи приведены къ свѣту богопознанія, мы, бодрствуя съ ночи, славимъ Тебя, Человѣколюбецъ.

Тропари: Повиновавшись указу Кесаря, Ты, Христе, записался въ число рабовъ, а насъ, рабовъ врага и грѣха, освободилъ; сдѣлавшись же вполнѣ по нашему нищимъ, Ты этимъ самымъ единеніемъ и общеніемъ и бреннаго обоготворилъ.

Вотъ Дѣва, какъ въ древности сказалъ пророкъ, зачала и родила вочеловѣчившагося Бога и пребываетъ Дѣвою. Примирившись черезъ Нее съ Богомъ, мы, грѣшники, съ вѣрою воспоемъ Ее, какъ истинную Богородицу.

. . . .

Пѣснь 9. Ирмосъ. (Слова св. Іоанна Златоуста.) Я вижу необычайное и невѣроятное таинственное явленіе: пещеру—небомъ, Дѣву—престоломъ въ херувимахъ, ясли—малымъ мѣстомъ, гдѣ возлегъ ничѣмъ невмѣстимый Христосъ, Котораго мы величаемъ въ пѣсняхъ.

Тропари: Волхвы, видя необыкновенное теченіе неизвѣстной, новой недавно появившейся звѣзды, превосходившей блескомъ другія, уразумѣли, что въ Виѳлеемѣ нашего ради спасенія родился Христосъ-Царь.

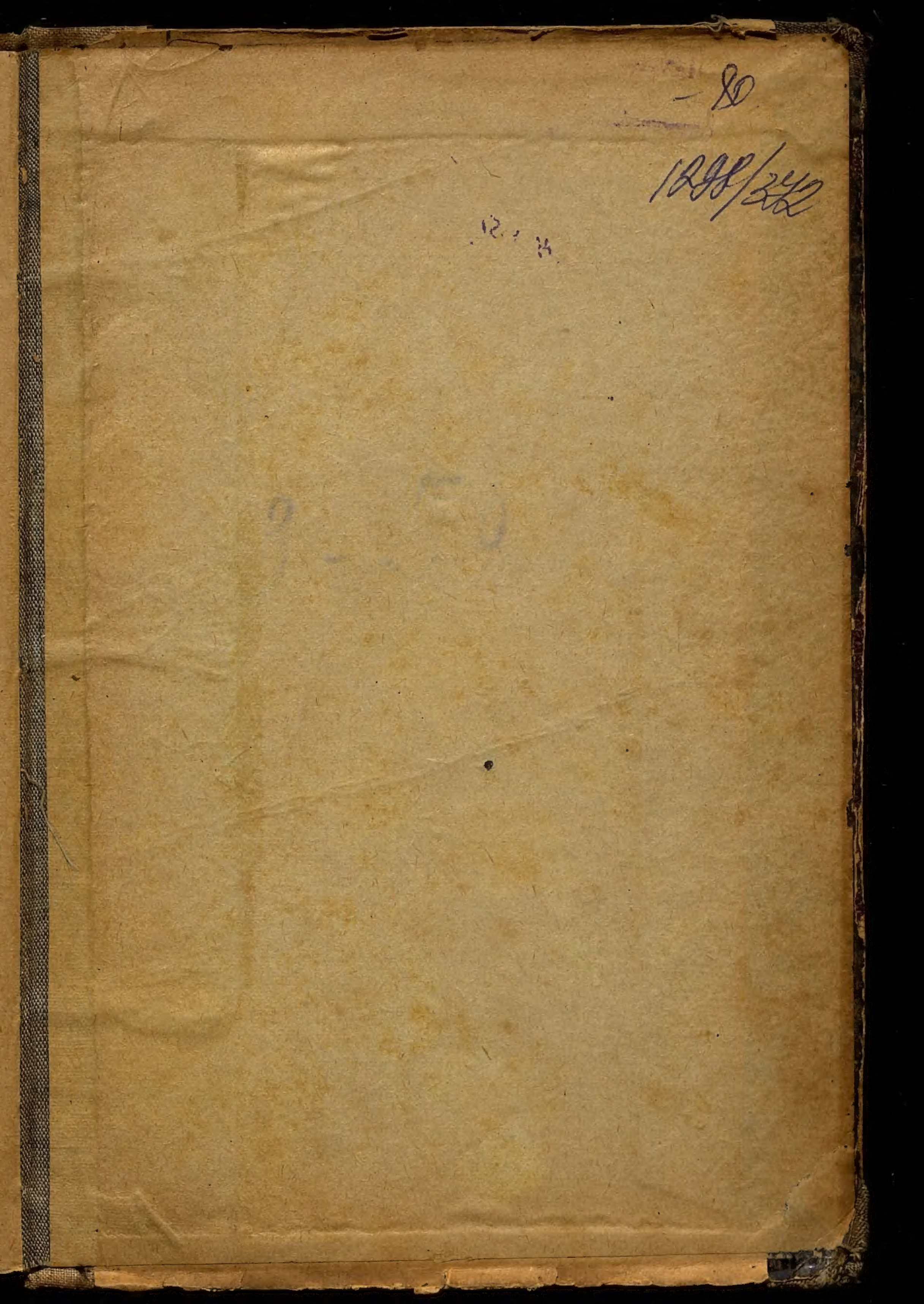
Когда волхвы говорили: гдѣ новорожденный Младенецъ-Царь, звѣзда Котораго явилась,—мы пришли поклониться Ему,—тогда Иродъ, помутившись въ умѣ, попытался, богопротивникъ, убить Христа.

Иродъ точно узналъ время появленія звѣзды, подъ водительствомъ которой волхвы въ Виѳлеемѣ поклонились дарами Христу. Ею же они были отведены обратно въ отечество, оставивъ жестокаго дѣтоубійцу осмѣяннымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

5377
5
24.8.51

Цѣна р. 25 к.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
В. С. СПИРИДОНОВА.

МОСКВА, Чисты. пруды, Мыльниковъ пер., 4. Телефонъ 3-84-15.
ВЪ ПЕТРОГРАДѢ—въ книжномъ магазинѣ **П. В. ЛУКОВНИКОВА.**
Лештуковъ пер., 2.